ПК
II 733

С. Г. ГРИГОРЬЕВЪ.

ВОКРУГЪ ЮЖНАГО ПОЛЮСА.

Инв. № 14329

2-е ИЗДАНІЕ.

ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

2

Цѣна 1 р. 20 к.

БИБЛІОТЕКА
Постоянной Комиссіи
Ак. Наукъ

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., соб. домъ.
1915.

инв 1981пк

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Ледяная стѣна Росса и вулканъ Эребусъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Немного остается на земномъ шарѣ мѣстъ, куда еще не ступала нога цивилизованнаго человѣка. «Бѣлыя пятна», исчезаютъ съ лица земли съ поразительной быстротой, и скоро, вѣроятно, на материкахъ и большихъ островахъ не останется ни одного уголка, не снятаго на карту рукой изслѣдователя. Только два участка земного шара, крайній сѣверъ и крайній югъ, еще оказываютъ человѣку упорное сопротивленіе. Путемъ героическихъ усилій, огромныхъ матерьяльныхъ и даже человѣческихъ жертвъ удалось достичь крайнихъ точекъ—полюсовъ, но все же въ полярныхъ странахъ громадные участки—на сѣверѣ почти съ Европейскую Россію, а на югѣ больше Европы и Австраліи вмѣстѣ взятыхъ,—до сихъ поръ представляютъ сплошныя бѣлыя пятна.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь познанія человѣка подвигаются впередъ довольно быстрыми шагами. Еще какихъ-нибудь лѣтъ 15—20 назадъ всѣ школьники учили, что за южнымъ полярнымъ кругомъ лежитъ Южный Ледовитый океанъ (не исчезнувшій и до сихъ поръ изъ многихъ элементарныхъ учебниковъ). А между тѣмъ теперь мы съ большой увѣренностью можемъ сказать, что такого океана нѣтъ, и что на его мѣстѣ лежитъ обширный материкъ, самое существованіе котораго большой публикѣ остается по большей части неизвѣстнымъ.

Этому-то южному материку и исторіи открытія его человѣкомъ и посвящена настоящая книжка.

Книга «Вокругъ Южнаго Полюса» выходитъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, значительно исправленнымъ и дополненнымъ новѣйшими открытіями.

Какъ и въ первомъ изданіи, авторъ не только широко использовалъ періодическую литературу (гл. обр. «Географическіе ежегодники» Бредрова), но и подлинные матерьялы, опубликованные новѣйшими путешественниками (Шекльтономъ, Амундсеномъ, Скоттомъ).

Сѣверный полюсъ и земли, его окружающія, уже съ начала девятнадцатаго вѣка представляли предметъ неутомимаго изслѣдованія для путешественниковъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и національностей. Судьба южныхъ около-полярныхъ странъ совершенно иная. За исключеніемъ небольшого періода въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія до самаго послѣдняго времени на земли вокругъ южнаго полюса не обращалось никакого вниманія. Если же за послѣднюю четверть XIX-го вѣка и получались отъ времени до времени свѣдѣнія о томъ или другомъ уголкѣ южной полярной области, то они носили совершенно отрывочный характеръ и доставлялись случайными посѣтителями антарктическихъ странъ, заѣзжавшими туда, такъ сказать, «по дорогѣ». Это были по большей части или китобои, или научныя экспедиціи, въ задачи которыхъ входило изученіе океановъ южнаго полушарія [1]), а вовсе не открытіе новыхъ земель.

Только въ самомъ концѣ прошлаго вѣка началось изслѣдованіе южнаго полярнаго міра, которое съ небольшими перерывами весьма энергично ведется и до сихъ поръ: норвежцы, бельгійцы, шведы, германцы, шотландцы, англичане, французы, а въ послѣднее время также англо-австралійцы, австрійцы, даже японцы со всѣхъ сторонъ осаждаютъ южный полюсъ, одни съ большимъ, другіе съ меньшимъ успѣхомъ: иные по два и по три раза отправляются въ антарктическія страны, возвращаясь каждый разъ съ богатыми результатами; другіе находятъ здѣсь безвременную, часто героическую кончину. Южный

[1]) Напр., англійская экспедиція Г. Нэрса на кораблѣ «Челленджеръ», или германская экспедиція Карла Куна на кораблѣ «Вальдивія».

географическій полюсъ уже открытъ двумя экспедиціями, магнитный полюсъ также; тѣмъ не менѣе, тайна, окутывающая южно-полярный материкъ, еще далеко не разсѣялась, самое существованіе этого материка все еще подвергается сомнѣнію и «тяга къ южному полюсу» не только не прекратилась, но еще находится въ полномъ расцвѣтѣ: такъ, напр., въ истекшемъ, 1914 году, предполагалось по крайней мѣрѣ три антарктическихъ экспедиціи съ самыми широкими планами и съ главной задачей—разрѣшить вопросъ о южно-полярномъ материкѣ.

Изложенію послѣдняго, начинающагося въ 90-хъ годахъ минувшаго вѣка, періода антарктическихъ путешествій и будетъ посвящена настоящая книжка. Однако, прежде чѣмъ разсказывать о подвигахъ современныхъ изслѣдователей, необходимо знать о томъ, что сдѣлано ихъ предшественниками, и что мы вообще знаемъ о южныхъ полярныхъ странахъ.

I.

Въ 1599 г., во время борьбы голландцевъ съ испанцами за ихъ заморскія колоніи, изъ Голландіи была отправлена въ Тихій океанъ эскадра для захвата испанскихъ владѣній на берегахъ Великаго океана. Эскадра благополучно миновала Магеллановъ проливъ, но при выходѣ изъ него ее застигла жестокая буря, и одно изъ судовъ, находившееся подъ командой Дирка Гёррица, было отнесено на югъ, до 64 параллели. Здѣсь Диркъ Гёррицъ увидѣлъ землю, покрытую высокими, одѣтыми снѣгомъ горами, которая очень напомнила ему берега Норвегіи *). Не приближаясь къ этой землѣ, Диркъ Гёррицъ повернулъ на сѣверъ и вскорѣ потерялъ ее изъ вида.

Открытіе Дирка Гёррица подтвердило существовавшее у тогдашнихъ географовъ мнѣніе, о томъ, что на крайнемъ югѣ, вокругъ полюса лежитъ какой-то таинственный материкъ «Terra australis» («Южная Земля»), которому придавали самыя произвольныя и фантастическія очертанія. Но тѣмъ дѣло и кончилось;

*) По всей вѣроятности это былъ одинъ изъ Южно-Шетландскихъ острововъ, открытыхъ 200 слишкомъ лѣтъ спустя.

не только открытіе, но и самое имя Дирка Гёррица было надолго забыто, и лишь впослѣдствіи, когда стали дѣйствительно открывать какія-то земли къ югу отъ мыса Горнъ, вспомнили про исторію Дирка Гёррица и стали ихъ называть «Архипелагомъ Дирка Гёррица», названіе, державшееся до самаго послѣдняго времени.

Первый путешественникъ, который побывалъ за южнымъ полярнымъ кругомъ, былъ знаменитый англійскій мореплаватель Джемсъ Кукъ. Во время трехъ своихъ путешествій (1772—73г., 1773—74 и 1774—75гг.) онъ объѣхалъ южныя полярныя страны кругомъ, то поднимаясь за 55° къ сѣверу, то спускаясь за полярный кругъ. При этомъ ему удалось открыть или обслѣдовать небольшія группы острововъ въ южной части Атлантическаго и Индѣйскаго океановъ, но за полярнымъ кругомъ онъ земли не видѣлъ нигдѣ, хотя нерѣдко натыкался на сплошныя массы ледяныхъ горъ, которыя образуются только на берегахъ полярныхъ острововъ и материковъ. Путешествія Кука сразу разрушили мнѣніе о таинственной «Южной землѣ» и до самаго послѣдняго времени вопросъ о томъ, лежитъ ли вокругъ полюса суша или океанъ съ отдѣльными группами острововъ, былъ очень спорнымъ.

Джемсъ Кукъ.

Послѣ Кука почти на 45 лѣтъ объ антарктическихъ странахъ какъ будто забыли. Нѣкоторое оживленіе началось только съ

1819 года, когда капитанъ англійскаго торговаго судна Смитъ, огибая мысъ Горнъ, и случайно заѣхавши слишкомъ далеко на югъ, открылъ къ югу отъ Огненной Земли группу острововъ, которые были названы Южно-Шетландскими.

Въ іюлѣ того же 1819 года изъ Кронштадскаго порта вышли два корабля «Востокъ» и «Мирный», со спеціальной задачей проникнуть какъ можно дальше на югъ, и узнать, что находится въ невѣдомомъ южно-полярномъ океанѣ; командовалъ этими судами нашъ соотечественникъ Ф. Беллинсгаузенъ. Въ 1819 — 21 годахъ онъ объѣхалъ въ два пріема антарктическія страны кругомъ, стараясь по возможности держаться южнѣе; во многихъ мѣстахъ на пути встрѣчались сплошныя массы плавучаго льда, а въ одномъ мѣстѣ, къ юго-востоку отъ Огненной Земли, Беллинсгаузенъ натолкнулся на небольшіе участки суши, названные имъ въ честь Петра Великаго и Александра I.

Ф. Беллинсгаузенъ.

Во время своего путешествія на югъ Смитъ видѣлъ на Южно-Шетландскихъ островахъ массу тюленей; одинъ островъ даже получилъ названіе «Острова Слоновъ», отъ морскихъ слоновъ (Cystophora proboscidea),—огромныхъ тюленей, которые живутъ исключительно въ антарктическихъ водахъ. Открытіе Смита

быстро стало извѣстно, и вотъ въ антарктическія страны стали отправляться одинъ за другимъ тюленебои на судахъ, снаряженныхъ крупными англійскими фирмами съ промышленной цѣлью. Кромѣ морскихъ слоновъ, дававшихъ массу ворвани, въ антарктическихъ водахъ встрѣчалось еще нѣсколько видовъ тюленей, напр., бѣлый южно-полярный тюлень (Stenorrhynchus carcinophaga), пятнистый морской леопардъ (S. leptonyx) и въ особенности морской котикъ (Otaria ursina), извѣстный своимъ мягкимъ, теплымъ мѣхомъ. Тюлени эти встрѣчались огромными массами и совершенно не знали человѣка и не боялись его.

Островъ Морскихъ Слоновъ.

При этомъ наиболѣе цѣнныя породы—морской слонъ и, особенно, морской котикъ не заходили далеко на югъ и обитали главнымъ образомъ близъ приполярныхъ архипелаговъ, напримѣръ, у Южно-Шетландскихъ и Южно-Оркнейскихъ острововъ, гдѣ они выводили своихъ дѣтенышей и потому попадались огромными стадами: достаточно сказать, что на Южно-Шетландскихъ островахъ случалось въ одинъ пріѣздъ убивать до 2000 морскихъ слоновъ.

Понятно, что такая богатая добыча привлекала въ эти страны промысловыя суда различныхъ націй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ времени до времени, въ Европу стали доходить отрывочныя извѣстія, что то тутъ, то тамъ близъ южнаго полярнаго круга тюленебои, или заѣхавшія далеко на югъ промысловыя суда натыкались среди плавучихъ льдовъ на отдѣльные участки суши, давали имъ различныя названія (напр., Земля Греама), но установить, были ли это острова или выдающіяся части одного большого материка, не было никакой возможности. Къ тому же самыя свѣдѣнія о вновь открытыхъ земляхъ были

Морской леопардъ.

до крайности скудны, нерѣдко ограничиваясь только фактомъ, что подъ такими-то градусами долготы и широты, такого-то числа, была замѣчена земля. Бывали и такого рода случаи, что тюленебои, найдя землю, особенно богатую добычей, умышленно сообщали о ней какъ можно меньше или даже просто давали ложныя свѣдѣнія, чтобы не привести на это мѣсто своихъ конкурентовъ.

Изъ всѣхъ промышленниковъ особенно далеко на югъ пришлось пробраться англійскому китолову Уэдделю; лѣто 1823—24

года было очень теплое, и мореплавателю удалось къ юго-востоку отъ Огненной Земли проникнуть до 74° 15 ю. широты. Вокругъ него разстилалось открытое, свободное ото льда море, которое и получило съ тѣхъ поръ названіе моря Уэдделя. Масса птицъ указывали на близость земли; Уэдделю очень хотѣлось ѣхать дальше на югъ, но плохое состояніе кораблей и экипажа и недостатокъ провіанта заставили его повернуть назадъ.

II.

Такъ продолжалось почти цѣлыхъ 20 лѣтъ, до 1838—39 годовъ. Въ эти два года цѣлыхъ три научныхъ экспедиціи были командированы различными государствами для изученія южныхъ полярныхъ странъ.

Ж. Дюмонъ-Дюрвилль.

Къ этому времени ученіе о земномъ магнитизмѣ достигло значительнаго развитія; сѣверный магнитный полюсъ былъ открытъ Джемсомъ Россомъ, и теперь предстояла задача открыть южный. И вотъ три государства—Франція, Соединенные Штаты, и Англія почти одновременно снарядили экспедиціи для производства наблюденій надъ земнымъ магнитизмомъ въ южныхъ полярныхъ водахъ.

Первой выступила французская экспедиція подъ начальствомъ извѣстнаго мореплавателя Ж. Дюмонъ-Дюрвилля, на двухъ корабляхъ; въ январѣ 1838 года она покинула Магеллановъ проливъ и отправилась изучать воды къ юго-востоку отъ мыса Горнъ. Ближайшей задачей Дюрвилля было проникнуть на югъ дальше Уэдделя. Два мѣсяца боролся онъ со льдами, пытаясь пробиться сквозь сплошныя массы плавучихъ льдинъ Выполнить свою задачу ему не удалось, зато онъ совершилъ въ высшей степени важное открытіе: къ западу отъ моря Уэдделя онъ наткнулся на обширный участокъ земли съ высокими снѣговыми горами, окаймленной цѣлымъ архипелагомъ высокихъ, скалистыхъ острововъ. Участокъ суши Дюрвилль назвалъ въ честь французскаго короля Землей Луи-Филиппа, а проливъ, который отдѣляетъ его отъ прилежащихъ острововъ—Орлеанскимъ каналомъ.

Второе свое путешествіе въ полярныя страны Дюрвилль предпринялъ два года спустя; въ январѣ 1840 года онъ на тѣхъ же корабляхъ выступилъ изъ города Гобарта въ Тасманіи и направился прямо на югъ. Вскорѣ ему встрѣтились плавучіе льды и по формѣ ихъ, совершенно напоминавшей ту, которую имѣли льды у Земли Луи-Филиппа, онъ заключилъ, что близко должна быть земля; и дѣйствительно, вскорѣ показалась земля, вся погребенная подъ снѣгомъ и покрытая высокими горами. Дюрвилль назвалъ ее Землей Адели и обслѣдовалъ ея берега, все подвигаясь на западъ; но вскорѣ онъ встрѣтилъ огромную ледяную стѣну, высотой 15—20 саженъ, вертикально обрывавшуюся въ море. Между тѣмъ состояніе его экипажа было настолько плохо, что пришлось немедленно двигаться назадъ.

Годъ спустя послѣ перваго выѣзда Дюмонъ-Дюрвилля, въ февралѣ 1839 года, отъ береговъ Огненной Земли отплыла эскадра изъ пяти судовъ, подъ начальствомъ Чарльза Уилькса, снаряженная правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Уилькъ раздѣлилъ свою эскадру на двѣ части: одна, подъ его непосредственнымъ начальствомъ, отправилась прямо на югъ отъ мыса Горнъ, а другая, подъ начальствомъ кап. Джонсона, на юго-

западъ, къ открытой Беллинсгаузеномъ землѣ Александра I. Самъ Уилькесъ изслѣдовалъ Южно-Шетландскіе острова къ югу отъ Огненной Земли и, какъ потомъ оказалось, дошелъ до береговъ Земли Луи-Филиппа, хотя приблизиться къ ней не могъ; корабли адм. Джонсона тѣмъ временемъ спустились далеко на югъ (до 70°) и видѣли намеки на землю близъ того мѣста, гдѣ въ 1774 году Кукъ наткнулся на сплошную массу льда. Но такъ какъ наступала антарктическая зима и становилось темно, пришлось прекратить путешествіе.

Чарльзъ Уилькесъ.

На слѣдующій 1840 годъ въ январѣ эскадра Уилькса въ составѣ четырехъ судовъ (одно погибло лѣтомъ 1839 г.) опять появилось въ южныхъ полярныхъ водахъ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что какъ Уилькесъ, такъ и Дюмонъ Дюрвилль знали о томъ, что лондонское Королевское общество снаряжаетъ экспедицію подъ начальствомъ Джемса Росса для отысканія южнаго магнитнаго полюса, который, какъ предполагали, находится къ югу отъ Австраліи. Повидимому, имъ обоимъ хотѣлось предупредить Росса.

Отплывши изъ Сиднея, эскадра Уилькса направилась прямо на югъ; вскорѣ она раздѣлилась и каждый корабль отправился на розыски самостоятельно. На границѣ сплошного льда три корабля опять встрѣтились и затѣмъ, въ теченіе всего путеше-

ствія, длившагося до конца февраля, они то встрѣчались, то теряли другъ друга изъ виду. За это время всѣ они видѣли землю, и самому Уилькеу пришлось видѣть ее на столь большомъ протяженіи, что у него явилось предположеніе, не есть ли это берегъ южнаго полярнаго материка. Между прочимъ, удалось добраться до Земли Аделіи и до ледяной стѣны, открытой Дюмонъ Дюрвиллемъ; а одинъ изъ кораблей, зашедшій всего далѣе на западъ, даже встрѣтился съ кораблями Дюмонъ-Дюрвилля, но, по какому-то странному недоразумѣнію, немедленно повернулъ отъ нихъ прочь и ушелъ на всѣхъ парусахъ. Назадъ всѣ четыре корабля вернулись отдѣльно; весь берегъ, ими открытый, вмѣстѣ съ Землей Аделіи, получилъ общее названіе Земли Уилькса.

Пока Дюмонъ Дюрвилль и Уилькесъ плавали, а Дж. Россъ снаряжался, въ Англію возвратился капитанъ одного промышленнаго судна, Балленн, который сообщилъ, что онъ видѣлъ за полярнымъ кругомъ къ югу отъ Новой Зеландіи острова, а также отдѣльные участки суши къ югу отъ Австраліи (т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ, какъ потомъ оказалось, нашли землю Дюрвилль и Уилькесъ). Все это Россъ принялъ къ свѣдѣнію для своего путешествія и 30-го сентября 1839 года покинулъ Англію съ двумя кораблями, спеціально выстроенными для полярныхъ путешествій; это были «Терроръ» и «Эребусъ», тѣ самые корабли, которые впослѣдствіи такую печальную извѣстность: оба они погибли въ 1845 году въ экспедицію Франклина на поиски сѣверо-западнаго прохода. «Терроромъ» командовалъ капитанъ Крозье (тотъ самый, который впослѣдствіи погибъ въ ту же злосчастную экспедицію, какъ и его корабль), а «Эребусомъ» командовалъ самъ Россъ, опытный полярный путешественникъ. 16 августа прибылъ Россъ въ Гобартъ, въ Тасманіи, и здѣсь узналъ, что земли къ югу отъ Австраліи уже обслѣдованы Дюмонъ-Дюрвиллемъ и Уилькесомъ; послѣдній даже далъ Россу набросокъ карты со своими открытіями. Въ виду всего этого онъ рѣшилъ вести свои изслѣ-

дованія въ восточномъ направленіи, къ югу отъ Новой Зеландіи; въ эту сторону онъ и направилъ свои корабли.

28 декабря показались первыя льдины, а въ новый годъ, 1 января 1840 года, корабли были уже на полярномъ кругѣ, у границы сплошного льда. Цѣлыхъ 8 дней боролись корабли со льдами, пробивая себѣ дорогу, пока, наконецъ, 9-го января не выбрались на открытое мѣсто; оказалось, что и здѣсь, какъ и въ морѣ Уэдделя, за поясомъ сплошного льда лежитъ свободное ото льда море; даже съ вершины мачтъ на большомъ разстояніи не было видно ни одной льдины. Это открытое море получило впослѣдствіи названіе моря Росса.

Вечеромъ, въ тотъ же день, на юго-западѣ показалась земля, а на слѣдующее утро уже можно было различить высокій горный хребетъ, покрытый сверху до низу снѣгомъ. По долинамъ спускались къ морю гигантскіе глетчеры, которые далеко вдавались въ море, обрываясь исполинскими стѣнами. Вершины хребта достигали 2—3 верстъ высоты надъ уровнемъ океана. У подошвы самой высокой горы, которую Россъ назвалъ Сабайнъ, въ море выдавался высокій мысъ, получившій названіе мыса Эдери; часть этого мыса была свободна отъ снѣга и льда. Заѣхавши за этотъ мысъ, Россъ увидалъ, что берегъ дальше направляется прямо на югъ; вдоль этого берега и поплыли теперь «Эребусъ» и «Терроръ».

Берегъ былъ всюду высокъ, и у самаго берега поднимался огромный хребетъ, съ вершинами отъ 3 до 4 верстъ высоты. У берега встрѣтился рядъ небольшихъ острововъ, состоящихъ изъ вулканическихъ породъ. Еще дальше на югѣ показались высокія горы правильной конусовидной формы, изъ которыхъ одна взрывами выбрасывала паръ; ночью въ облакѣ пара былъ виденъ отблескъ лавы. Этотъ дѣйствующій вулканъ получилъ названіе Эребусъ (около $3^1/_2$ в. высоты), а другой, потухшій, рядомъ съ нимъ—Терроръ (немного ниже). Почти отъ самой подошвы Террора начиналась огромная ледяная стѣна, преграждавшая путь на югъ. Она тянулась съ запада на востокъ и обрывалась совершенно вертикально въ море, подобно ледяной стѣнѣ Дюрвилля и Уилькса, но была гораздо выше ея (отъ 20 до 30 саж.), совершенно плоская наверху,—по всей вѣ-

роятности, конецъ исполинскаго глетчера, сползающаго съ полярнаго материка. Изъ-за стѣны выглядывала цѣпь высокихъ горъ, уходящихъ на югъ.

Россъ поплылъ вдоль этой стѣны и на протяженіи около 200 верстъ она не обнаруживала никакихъ измѣненій; всѣ попытки пробраться дальше къ востоку оказались безуспѣшными, такъ какъ все море было занято сплошной массой плавучаго льда. Несмотря на то, что стояло лѣто, температура была до крайности низкая (—10° въ полдень) и постоянно образовывался новый ледъ, который грозилъ затереть корабли Росса. Среди снѣжной бури, стараго и новаго льда, при жестокомъ вѣтрѣ, когда палуба, мачты, такелажъ и одежда матросовъ покрывались ледяной корой, Россъ пробился на западъ, къ берегамъ покинутой имъ земли; онъ все еще надѣялся морскимъ путемъ добраться до магнитнаго полюса, а въ крайнемъ случаѣ, хотя бы найти стоянку для зимовки кораблей. Съ этой цѣлью онъ изслѣдовалъ берега открытой имъ земли (которую въ честь англійской королевы онъ назвалъ Землей Викторіи) отъ подножія Эребуса до мыса Эдери и даже дальше на сѣверъ. Оказалось, что до магнитнаго полюса добраться нельзя: онъ лежитъ на сушѣ, на западъ, за тѣми горами, которыя тянутся вдоль берега земли Викторіи. Но пристать нигдѣ не было возможно; суша была недоступна, и ни одной сколько-нибудь удобной бухты не оказывалось. Между тѣмъ Россъ рѣшился использовать весь остатокъ лѣта. Подвигаясь на сѣверъ, онъ мало-по-малу выбрался за полярный кругъ, а, дойдя до мыса Эдери, повернулъ къ западу, надѣясь хотя съ этой стороны подступиться къ магнитному полюсу. Однако проникнуть далеко на западъ ему не удалось. Оказалось, что съ сѣверо-запада къ берегу Земли Викторіи въ свою очередь подступаетъ такая же ледяная стѣна, какъ и къ Землѣ Адели. Къ тому же полярное лѣто кончалось, наступали длинныя темныя ночи и корабли грозило затереть льдомъ, а бухты, гдѣ можно было бы перезимовать, найдено не было. Выбравшись изъ сплошного плавучаго льда, Россъ однако проплылъ еще довольно далеко на западъ для магнитныхъ наблюденій и только 6-го апрѣля возвратился въ Гобартъ; ночи были уже настолько длинны и темны, что пла-

ваніе было бы въ высшей степени затруднительно, если бы не почамъ не свѣтило «сѣверное»—вѣрнѣе полярное—сіяніе. Вернувшись въ Гобартъ, Россъ освидѣтельствовалъ свои корабли; оказалось, что и корабли и экипажъ были въ отличномъ состояніи, на корабляхъ не было никакихъ поврежденій, ни одинъ матросъ не былъ боленъ, и запасовъ провіанта еще хватило бы на долгое время.

30 ноября 1840 года, съ наступленіемъ южнаго полярнаго лѣта, Россъ снова отправился на югъ и уже въ половинѣ декабря его корабли были у границы сплошного иловучаго льда. На этотъ разъ Россъ хотѣлъ узнать, что находится за ледяной стѣной къ востоку, и поэтому все время, по возможности, держалъ курсъ не на югъ, а на юго-востокъ. Только въ 20-хъ числахъ февраля увидалъ Россъ опять ледяную стѣну; здѣсь, однако, она имѣла нѣсколько другой видъ: она была значительно ниже (до 13 саж.) и край ея былъ болѣе изрѣзанъ, чѣмъ близъ Земли Викторіи. Россъ приблизился насколько возможно къ стѣнѣ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ съ вершины мачты попытался заглянуть на ея поверхность. Тамъ, далеко на югѣ, на самомъ горизонтѣ слабо маячили вершины высокихъ горъ. Однако дальше на югъ пробраться было невозможно; Россъ опредѣлилъ долготу и широту. Оказалось, что онъ проникъ здѣсь такъ далеко на югъ, какъ никто изъ его предшественниковъ: онъ былъ на 78° 10′ южной широты. Забѣгая впередъ, скажемъ, что до самаго конца XIX вѣка никому не удавалось достичь такихъ широтъ.

Россъ попробовалъ было плыть дальше на востокъ, но это оказалось тоже невозможно, такъ какъ всюду былъ сплошной ледъ, и, кромѣ того, началъ образовываться новый, а между тѣмъ корабли Росса были уже повреждены (особенно «Терроръ»). Приходилось ворочаться назадъ. Началась жестокая борьба съ иловучими льдами; съ трудомъ выбрались изъ нихъ корабли; однажды ночью, во время мятели, оба они едва не были раздавлены двумя огромными ледяными горами, между которыми имъ едва удавалось проскользнуть, при чемъ корабли столкнулись другъ съ другомъ, и «Эребусъ» получилъ значительныя поврежденія.

Выбравшись изъ льдовъ, Россъ направился на зимовку къ востоку, мимо мыса Горнъ, на Фальклэндскіе острова, въ Атлантическомъ океанѣ; а на слѣдующую весну неутомимый мореплаватель выступилъ уже въ третье полярное путешествіе, на этотъ разъ къ югу отъ Огненной Земли. Онъ думалъ проплыть вдоль восточныхъ береговъ Земли Луи-Филиппа и проникнуть какъ можно дальше на югъ, въ море Уэдделя. 17 декабря 1843 года Россъ отплылъ и 1-го января, обслѣдовавъ и открывъ по дорогѣ нѣсколько новыхъ островковъ, онъ былъ уже у береговъ Земли Луи-Филиппа. Погода стояла превосходная, и Россу удалось обслѣдовать сѣверо-восточные берега этой земли, едва намѣченные Дюмономъ-Дюрвиллемъ. Удалось даже опредѣлить высоту замѣченнаго Дюрвиллемъ горнаго хребта. Выше всѣхъ поднимался на 2 версты потухшій вулканъ, Хадднитонъ (Въ новѣйшее время, какъ мы увидимъ ниже, оказалось, что Хадднитонъ стоитъ на островѣ Росса, отдѣленномъ отъ Земли Луи-Филиппа узкимъ каналомъ).

Обслѣдовавши насколько возможно берега Земли Луи-Филиппа (было собрано, между прочимъ, даже нѣсколько видовъ лишайниковъ и мховъ), Россъ направился къ югу, и вскорѣ попалъ въ сплошной пловучій ледъ, среди котораго встрѣчались исполинскія ледяныя горы въ 30 саж. высоты и нѣсколько верстъ въ поперечникѣ. Цѣлый мѣсяцъ оставались корабли Росса среди этого льда; то ихъ затирало и сдавливало, такъ, что они грозили быть расплющенными, то они вновь освобождались. Наконецъ Россу удалось выбраться за границу сплошныхъ льдовъ.

Видя, что у береговъ Земли Луи-Филиппа къ югу не проникнешь, Россъ рѣшилъ продолжать путь Уэдделя, и направился къ юго-востоку вдоль границы сплошного пловучаго льда, все время пытаясь пробраться на югъ. Но пловучаго льда было очень много, и Россу удалось проникнуть только до $71^1/_2^\circ$ южной широты; а между тѣмъ наступалъ конецъ лѣта и количество льда значительно увеличилось. Пришлось повернуть обратно, и 25 марта «Эребусъ» и «Терроръ» прошли мимо послѣдней ледяной горы, а 2 сентября 1843 года они уже пристали къ берегамъ Англіи, послѣ почти четырехлѣтняго отсутствія. При

этомъ кораблѣ и экипажъ находились въ отличномъ состояніи, а изъ 150 человѣкъ, отплывшихъ изъ Англіи, не вернулся назадъ только одинъ, смытый бурей у мыса Горнъ.

III

Путешествіемъ Росса закончился первый блестящій періодъ изслѣдованія полярныхъ странъ. Въ серединѣ сороковыхъ годовъ было еще нѣсколько небольшихъ антарктическихъ путешествій, отчасти промышленнаго, отчасти научнаго характера, внесшихъ небольшія поправки въ очертанія земель, лежащихъ къ югу отъ мыса Горнъ, и затѣмъ на цѣлыя 45 лѣтъ о южномъ полярномъ материкѣ какъ будто забыли. Дѣло въ томъ, что огромныя естественныя богатства южныхъ полярныхъ странъ къ тому времени совершенно истощились. Тюлени, которыми раньше кишѣли воды Южно-Шетландскихъ острововъ, и другихъ ближайшихъ архипелаговъ, благодаря хищническому способу охоты—убивали всѣхъ поголовно, и самокъ, и новорожденныхъ дѣтенышей—были почти истреблены: морской котикъ, за которымъ усиленно охотились изъ-за мѣха, исчезъ окончательно, а морскіе слоны стали большой рѣдкостью.

Промысловыя экспедиціи прекратились, а научныя направлялись главнымъ образомъ на сѣверъ, гдѣ достиженіе полюса казалось легче и вѣроятнѣе.

За весь періодъ съ 1845 до 1892 года въ антарктическихъ водахъ побывало только двѣ экспедиціи: изъ нихъ одна, нѣмца Далльмана, добавила кое-какія подробности относительно западныхъ береговъ земли къ югу отъ мыса Горнъ *), а другая, знаменитая англійская экспедиція для изслѣдованія океановъ, на кораблѣ «Челленджеръ» производила въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ различныя наблюденія надъ полярнымъ моремъ, его растительнымъ и животнымъ міромъ и т. д. Тѣмъ не менѣе «Челленджеръ» почти на 80° вос. долготы спускался довольно

*) Между прочимъ Далльманъ высказалъ предположеніе, что Земля Луи-Филиппа есть островъ, отдѣленный отъ остальной массы антарктической суши проливомъ, мнѣніе, опровергнутое только новѣйшими экспедиціями (Норденшильдъ, Шарко).

БИБЛІОТЕКА
Императ. Академіи
Наукъ

далеко на югъ (до 66°40′′ ю. ш.), но нигдѣ не встрѣчалъ никакихъ признаковъ земли.

Обѣ экспедиціи, Далльмана и Челленджера, плавали одновременно, лѣтомъ 1873—74 года, и послѣ нихъ опять наступила длинная, почти въ 20 лѣтъ, пауза. Толчокъ, какъ и въ первый разъ, къ новымъ путешествіямъ дали промышленники.

Дѣло въ томъ, что благодаря усиленной охотѣ на китовъ число ихъ въ сѣверныхъ полярныхъ водахъ настолько уменьшилось, что китобойный промыселъ быстро началъ падать. Тогда вспомнили, что Россъ во время своихъ путешествій (особенно третьяго) видѣлъ въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ множество китовъ, при чемъ попадались и громадные экземпляры самаго цѣннаго, на сѣверѣ почти истребленнаго, гренландскаго кита, или очень близкаго къ нему вида **).

И вотъ различныя китоловныя компаніи стали отправлять въ южныя полярныя воды свои суда на поиски за исполинскими млекопитающими. Съ 1892 по 1897 годъ антарктическія воды посѣтилъ цѣлый рядъ такихъ промысловыхъ экспедицій. Изъ нихъ особенно замѣчательны двѣ: норвежскаго судна «Язонъ» подъ начальствомъ капитана Ларзена и другого, тоже норвежскаго, судна «Антарктикъ», на которомъ ѣхалъ молодой натуралистъ Борхгревинкъ (оба эти имена, Ларзенъ и Борхгревинкъ, намъ встрѣтятся еще при изложеніи современнаго періода изслѣдованія южныхъ полярныхъ странъ).

Ларзенъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1892—93 и 1893—94) изслѣдовалъ западную часть моря Уэдделя, спустившись здѣсь такъ далеко къ югу, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ и открылъ здѣсь, подъ 68° ю. ш. землю, которая уходила далеко на югъ (а на сѣверъ, повидимому, направлялась къ Землѣ Луи-Филиппа); изъ-за сплошныхъ массъ льда нельзя было вплотную подойти къ берегу и прослѣдить связь его съ сосѣдними землями. Эту страну Ларзенъ назвалъ Землей Короля Оскара. Двигаясь назадъ, на сѣверъ, вдоль сплошного льда и почти все время имѣя въ виду на западѣ землю, Ларзенъ открылъ цѣлый рядъ новыхъ острововъ, при чемъ на двухъ изъ нихъ

**) Всего скорѣе, южнаго кита (Balaena australis).

находились дѣйствующіе вулканы. Изъ своихъ путешествій Ларзенъ привезъ, между прочимъ, взятые имъ съ острововъ образцы горныхъ породъ съ ископаемыми.

Въ томъ же 1894 году на старомъ китобойномъ суднѣ «Антарктикъ», которое отплыло въ море Росса, отправился натуралистъ Борхгревингкъ. Онъ сперва хотѣлъ ѣхать въ качествѣ пассажира, но когда ему въ этомъ отказали, поступилъ на службу простымъ матросомъ.

Послѣ тяжкой борьбы со льдами, въ которыхъ «Антарктикъ» былъ неподвижно затертъ цѣлыхъ 38 дней, удалось подъѣхать къ мысу Эдери и спуститься довольно далеко на югъ, вдоль береговъ Земли Викторіи. Море Росса было свободно и дальше на югъ, но, такъ какъ китовъ не оказывалось, то капитанъ рѣшилъ повернуть назадъ. Никакихъ новыхъ земель при этомъ открыто не было, но зато на обратномъ пути Борхгревингку первому изъ путешественниковъ удалось высадиться на южномъ полярномъ материкѣ (Россъ, Ларзенъ и другіе высаживались только на прибрежныхъ островахъ)—на низменной полосѣ у мыса Эдери—и собрать тамъ образцы горныхъ породъ и растеній—лишайниковъ. Путешествія Ларзена и Борхгревингка и дали толчокъ къ тому изслѣдованію антарктическихъ странъ, которое началось съ 1897 года и продолжается и до сихъ поръ.

Что же, въ концѣ концовъ знали къ тому времени о южныхъ полярныхъ странахъ?

По современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, которыя были въ силѣ уже въ концѣ XIX вѣка, вокругъ южнаго полюса находится Южный Полярный материкъ или Антарктида; отъ него были извѣстны только окраины и то далеко не вездѣ.

Для удобства обозначенія всѣ южныя полярныя страны меридіанами главнымъ и девяностымъ дѣлятъ на четыре части, или квадранта: квадрантъ Эндербн къ югу отъ Африки и Индіи, квадрантъ Викторіи къ югу отъ Австраліи и Новой Зеландіи, квадрантъ Росса—къ югу отъ Великаго океана, и квадрантъ Уэдделя, къ югу отъ Южной Америки.

Наиболѣе обслѣдованъ былъ квадрантъ Викторіи: сюда вхо-

дитъ Земля Викторіи и различные открытые Уилькомъ и Дюрвиллемъ земли (напр., Земля Адели) подъ общимъ названіемъ Земли Уилькса.

Далѣе слѣдуетъ квадрантъ Уэдделя. Въ его составъ входятъ всѣ земли, лежащія къ югу отъ Огненной Земли и называвшіяся раньше «Архипелагомъ Диркъ-Гёррица»—Южно-Шетландскіе острова, Земля Луи-Филиппа съ прилежащими островами и связанный съ ней значительный сплошной участокъ суши, такъ-называемая Западная Антарктида или Земля Греама (восточный берегъ которой Ларзенъ назвалъ землей Короля Оскара). Въ этомъ же квадрантѣ лежитъ и Земля Александра I, открытая Беллинсгаузеномъ.

Значительно слабѣе обслѣдованъ квадрантъ Эндербп. Здѣсь до начала XX вѣка знали почти только Землю Эндерби—небольшой участокъ суши, открытый въ 1831 году тюленебоемъ Биско.

Наконецъ, квадрантъ Росса, какъ лежащій всѣхъ дальше отъ населенныхъ странъ, обслѣдованъ всего меньше; здѣсь до послѣдняго времени совсѣмъ не знали суши, кромѣ слабыхъ указаній на землю, сдѣланныхъ тюленебоями въ 30-хъ годахъ.

Всѣ эти участи суши и представляютъ части одного Южнаго Полярнаго материка или Антарктиды, повидимому, подобно Гренландіи, возвышеннаго и, подобно ей, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ. Земля Уилькса и Западная Антарктида представляютъ наиболѣе выдающіяся части его,—Земля Луи-Филиппа выходитъ довольно далеко за полярный кругъ. Въ этотъ материкъ глубоко вдаются море Уэдделя и море Росса (въ соотвѣтственныхъ квадрантахъ).

У береговъ полярнаго материка лежатъ разбросанные острова, островки и цѣлые архипелаги, изъ которыхъ наиболѣе значительны Южно-Шетландскіе и Южно-Оркнейскіе острова, на сѣверъ отъ Земли Луи-Филиппа.

За 60° ю. ш., къ сѣверу, разбросаны далеко другъ отъ друга небольшіе острова и островки, которые можно назвать околополярными. Таковы, напр., острова Оклендъ и Макари къ югу отъ Новой Зеландіи, о-ва Кроветъ, принца Эдуарда и Кергуэленъ въ Индѣйскомъ океанѣ, о-ва Буве, Южно-Сандвичевы и Южная Георгія въ Атлантическомъ. Всѣ они вулканическаго происхо-

жденія (на нѣкоторыхъ есть дѣйствующіе вулканы) и хотя лежатъ и въ умѣренномъ поясѣ, но по природѣ, особенно по животному міру, имѣютъ много общаго съ южными полярными странами.

Таковы были наши свѣдѣнія о южныхъ полярныхъ странахъ къ концу девяностыхъ годовъ XIX вѣка.

Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ XIX столѣтія въ дѣлѣ изученія южныхъ полярныхъ странъ произошелъ рѣшительный поворотъ.

Еще въ 1895 году д-ръ Неймайеръ, въ продолженіе почти 30 лѣтъ неутомимо ратовавшій за изслѣдованіе антарктическихъ странъ, на VI международномъ географическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ произнесъ рѣчь, въ которой развивалъ цѣлый планъ изученія Антарктиды.

Въ 1897 году, отчасти подъ вліяніемъ огромныхъ успѣховъ, достигнутыхъ Нансеномъ въ его путешествіи къ сѣверному полюсу, отчасти благодаря интереснымъ находкамъ, привезеннымъ Ларзеномъ и Борхгревинкомъ изъ ихъ путешествій, въ научномъ мірѣ вспыхнулъ вновь интересъ къ антарктическимъ странамъ. Подъ предсѣдательствомъ Неймайера 19 февраля 1897 года въ Гамбургѣ состоялось засѣданіе германской Южно-Полярной комиссіи, при участіи выдающихся географовъ всей Германіи. Рѣшено было привести въ исполненіе планъ, развитый Неймайеромъ въ 1895 году: снарядить экспедицію, снабдить ее разборнымъ домикомъ, инструментами и провіантомъ на болѣе или менѣе продолжительное время и высадить гдѣ-нибудь на берегахъ Антарктиды; затѣмъ корабль можетъ уѣхать, а на слѣдующее лѣто вернуться за путешественниками. Неймайеръ указывалъ и три пути, гдѣ всего легче и удобнѣе проникнуть въ полярныя страны: отъ Огненной Земли—въ Западную Антарктиду, отъ Новой Зеландіи—на Землю Викторіи, и отъ острова Кергуэлена—на Землю Эндербн. По совѣту извѣстнаго географа, проф. Зупана, германская экспедиція и рѣшила избрать именно этотъ путь. Начальство надъ ней было поручено Эриху Дригальскому, который уже раньше бывалъ въ поляр-

ныхъ странахъ,—занимался изученіемъ ледниковаго покрова Гренландіи. Экспедиція предполагала выступить въ августѣ 1900 года, чтобы въ іюлѣ 1902 года вернуться обратно.

Спустя лишь нѣсколько дней въ Лондонѣ, по иниціативѣ Лондонскаго Географическаго Общества, собрался «Антарктическій» митингъ, на которомъ присутствовали ученые и полярные изслѣдователи различныхъ странъ; присутствовалъ, конечно, и Неймайеръ. Извѣстный ученый Дж. Мёррей (одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ экспедиціи Челленджера) въ пространной рѣчи разобралъ всѣ данныя, которыя имѣются о южномъ полярномъ материкѣ, а рядъ другихъ крупныхъ ученыхъ отмѣтилъ тѣ вопросы, которые могутъ быть разрѣшены англійской южной полярной экспедиціей. Такая экспедиція и была рѣшена въ принципѣ, но остановка была за деньгами, такъ какъ Географическое Общество не могло ассигновать больше 5,000 ф. с., (50000 р.), а экспедиція должна была стоить не менѣе 50000 ф. с., т.-е. въ 10 разъ больше. Обратились къ англійскому правительству, но оно рѣшительно отказалось помочь предпріятію и дѣло отложилось до тѣхъ поръ, пока недостающая сумма не будетъ собрана подпискою.

IV.

Пока въ ученыхъ обществахъ судили да рядили, нашлись энергичные люди, которые рѣшили сами попытаться соорудить южно-полярную экспедицію. Молодой, но уже бывалый въ полярныхъ водахъ бельгійскій морякъ, Адріанъ де-Жерлашъ, еще въ 1891 году предлагавшій свои услуги знаменитому А. Норденшильду (путешественнику вокругъ Азіи) для выполненія предположенной послѣднимъ южно-полярной экспедиціи, задумалъ самъ снарядить подобную экспедицію и въ концѣ 1894 года сообщилъ свой, въ подробности разработанный, планъ нѣкоторымъ членамъ Бельгійской Академіи Наукъ и Бельгійскаго географическаго общества. Въ январѣ 1896 года это общество уже объявило подписку въ пользу экспедиціи. Нашлись сочувствующіе люди, которые съ тою же цѣлью стали устраивать празднества, концерты и т. д.; за дѣло взялась и печать,

и къ началу мая уже было собрано свыше 100 тыс. франковъ—приблизительно треть того, что по расчетамъ было нужно на экспедицію. Сочувствіе общественнаго мнѣнія оказало вліяніе и на правительство, и когда Жерлашъ обратился въ парламентъ съ просьбой о субсидіи, обѣ палаты единогласно вотировали ассигновку въ 100 тысячъ франковъ.

Итакъ деньги, хотя и не въ достаточномъ количествѣ, были; слѣдовало приступать къ дѣлу. Строить собственное судно, какъ того бы желалъ Жерлашъ, было, очевидно, невозможно; слѣдовало выбрать какое-нибудь уже испытанное въ полярныхъ плаваніяхъ судно, всего проще китоловное или тюленебойное,—и приспособить его для нуждъ экспедиціи. Такъ Жерлашъ и сдѣлалъ. Онъ пріобрѣлъ въ Норвегіи построенное въ 1884 году тюленебойное судно «Патріа», съ которымъ онъ ознакомился еще въ 1895 году во время своей поѣздки въ Гренландію и на островъ Янъ-Майенъ. Это было прочное трехмачтовое судно, съ паровой машиной въ 35 лошадиныхъ силъ; оставалось ремонтировать и приспособить его къ долговременному пребыванію во льдахъ и снабдить всѣмъ необходимымъ. Всю вторую половину 1896 и первую половину 1897 года судно перестраивалось и снаряжалось въ Сандефіордѣ, въ Норвегіи, а Жерлашъ покупалъ необходимыя приспособленія для научныхъ наблюденій, запасы топлива, провіанта и вообще весь необходимый инвентарь. При этомъ Жерлашъ постоянно пользовался совѣтами норвежскихъ полярныхъ путешественниковъ, а 17-го іюня, когда судно, переименованное въ «Бельгику», было готово, его посѣтили и осмотрѣли Нансенъ и Маркгамъ, предсѣдатель Лондонскаго географическаго общества,—одни изъ главныхъ участниковъ упомянутаго Антарктическаго митинга. 26-го іюня «Бельгика» вышла изъ Сандефіорда въ Антверпенъ, и одновременно съ прибытіемъ ея Жерлашу опять пришлось хлопотать о деньгахъ, которыхъ все же еще нехватало: началась подписка, давшая на этотъ разъ, однако, немного (менѣе 10 тыс. франковъ), парламентъ ассигновалъ 60 т. фр., и еще нѣкоторую сумму Жерлашу пришлось достать взаймы у одного своего пріятеля. Первая попытка судна выйти въ плаванье оказалась неудачной изъ-за какой-то неисправности въ машинѣ,

и только 23-го августа 1897 года корабль покинулъ, наконецъ, бельгійскіе берега и отправился черезъ Атлантическій океанъ къ берегамъ Южной Америки. Планъ Жерлаша заключался въ томъ, чтобы проникнуть какъ можно глубже въ море Уэдделя, а затѣмъ проплыть оттуда къ землѣ Викторіи, гдѣ и перезимовать на сушѣ, отпустивши на зиму корабль въ Мельбурнъ.

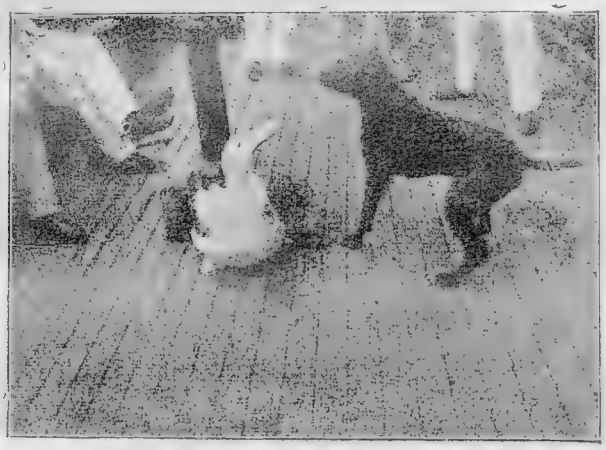
31-го октября «Бельгика» была въ Ріо-Жанейро, 11-го ноября въ Монтевидео, 17-го замѣтили первыхъ альбатросовъ и пингвиновъ, 29-го корабль вступилъ въ Магеллановъ проливъ, а 1-го декабря бросилъ якорь въ гавани Пунта-Аренасъ, столицѣ чилійской Патагоніи. Здѣсь окончательно сформировался составъ экспедиціи, такъ какъ Жерлашу пришлось перемѣнить нѣсколькихъ лицъ изъ экипажа корабля. Всего въ составъ экспедиціи входило 19 человѣкъ: самъ Жерлашъ, его помощникъ Лекуэнтъ, четверо ученыхъ: Арктовскій—геологъ, океанографъ и метеорологъ, его помощникъ—студентъ-естественникъ Добровольскій, Данко—геофизикъ, Раковица—зоологъ и ботаникъ, докторъ Ф. Кукъ—врачъ и фотографъ, уже побывавшій въ полярныхъ странахъ съ экспедиціей извѣстнаго американскаго путешественника Пири *), и 12 человѣкъ экипажа, въ ихъ числѣ молодой норвежецъ Р. Амундсенъ (впослѣдствіи знаменитый путешественникъ),—все народъ болѣе или менѣе крѣпкій и молодой (самому старшему было 34 года).

Покинувши Пунта-Аренасъ, «Бельгика» направилась на югъ, огибая Огненную Землю съ запада, чтобы достигнуть Ушуайи, самаго южнаго города на свѣтѣ,—административнаго центра аргентинской части Огнеземельскаго архипелага. Неподалеку отсюда находится угольная станція аргентинскаго правительства, гдѣ Жерлашу было разрѣшено пополнить свой запасъ угля; здѣсь же, въ проливѣ Бигль, встрѣтили наши моряки и Рождество. Въ томъ же каналѣ Бигль съ «Бельгикой» произошло несчастіе; въ туманную ночь корабль наткнулся на подводную скалу и засѣлъ на ней такъ прочно, что никакими усиліями нельзя было сдвинуть его съ мѣста, въ особенности

*) Тотъ самый, который впослѣдствіи пріобрѣлъ такую громкую и вмѣстѣ печальную извѣстность «открытіемъ» сѣвернаго полюса и «восхожденіемъ» на вершину горы Макъ-Кинлей въ Сѣверной Америкѣ.

потому, что былъ отливъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ приливомъ поднялся сильный вѣтеръ, корабль жестоко трепало и грозило ежеминутно разбить о скалы. Пришлось разгружать судно на лодки, выкачать почти всю прѣсную воду, и только тогда, съ высокой приливной волной, облегченная «Бельгика» сдвинулась съ мѣста.

Чтобы запастись прѣсной водой Жерлашъ заѣхалъ на островъ Штатовъ, самый крайній изъ острововъ Огненной Земли; здѣсь есть маякъ и живетъ нѣсколько аргентинцевъ,—ссыльныхъ и чиновниковъ аргентинскаго правительства. Цѣлую недѣлю пробыла здѣсь экспедиція, запасаясь водой и знакомясь съ флорой и фауной далекаго юга: пингвинами, морскими львами (Otaria jubata), котиками и проч.



Пойманный альбатросъ.

Наконецъ, 14-го января 1898 года, въ 7 ч. утра, «Бельгика» простилась съ послѣднимъ человѣческимъ поселеніемъ, и двинулась на югъ, къ Южно-Шетландскимъ островамъ. По дорогѣ все время производились промѣры, давшіе интересные результаты. Оказалось, что морское дно отъ Огненной Земли понижается къ югу довольно постепенно, до глубины 4 слишкомъ верстъ, а затѣмъ столь же постепенно повышается къ Южно-Шетландскимъ островамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ производились измѣренія температуры и брались пробы воды съ различныхъ глубинъ.

Корабль окружали многочисленные альбатросы, которыхъ моряки въ видѣ развлеченія ловили на удочку.

19-го февраля на горизонтѣ былъ замѣченъ бѣлесоватый отблескъ, который обыкновенно бываетъ отъ сплошныхъ массъ пловучихъ льдовъ. Въ этотъ же день встрѣтилась и первая ледяная гора. Между тѣмъ, сплошныхъ льдовъ не было видно, и отблескъ, очевидно, слѣдовало приписать не льдамъ, а покрытымъ вѣчными снѣгами островамъ. Появилась масса птицъ: буревѣстниковъ, альбатросовъ, крачекъ, такъ-наз. капскихъ голубей*) (Daption capense) и т. д.

На слѣдующій день на море палъ туманъ и во мглѣ только слышался отъ времени до времени грохотъ рушащихся въ море льдинъ.

Два дня стоялъ густой туманъ, дѣлавшій плаванье весьма опаснымъ. Такъ, 21-го числа «Бельгика» въ туманѣ наткнулась на подошву громадной ледяной горы; вскорѣ затѣмъ корабль оказался окруженнымъ подводными и торчащими изъ воды утесами, изъ которыхъ ему удалось выбраться лишь съ трудомъ. Временами туманъ разрывало и глазамъ путешественниковъ представлялись громады пловучихъ ледяныхъ горъ, ныряющіе пингвины, и вдалекѣ на горизонтѣ неясныя очертанія какого-то острова. 22-го февраля на юго-западѣ земля была видна уже довольно близко: можно было даже различить бѣлую полосу буруновъ у берега. Жестокій вѣтеръ, разнесшій туманъ, перешелъ въ настоящую бурю; съ «Бельгики» снесло одного изъ матросовъ и никакія усилія не могли спасти несчастнаго. Буря разыгралась настолько сильно, что для успокоенія волненія пришлось лить на воду сало. Къ вечеру «Бельгикѣ» удалось зайти за островъ, который былъ замѣченъ еще наканунѣ, и подъ защитой его стать на якорь. Это оказался островъ Лоу, крайній изъ Южно-Шетландскихъ.

Южно-Шетландскіе острова большею частью вулканическаго происхожденія; они раздѣлены глубокими проливами и окружены рифами и подводными скалами. Доступъ къ этимъ островамъ очень опасенъ, въ особенности потому, что круглый годъ

*) Птица изъ отряда трубконосыхъ (Tubinares), сродни буревѣстнику и альбатросу.

они скрыты подъ покровомъ густого тумана. Всѣ острова возвышены и покрыты высокими холмами и горами; есть вершины свыше 1900 м. высоты. «Круглый годъ»,—пишетъ Жерлашъ,—этотъ архипелагъ погребенъ подъ толстымъ слоемъ снѣга. Но въ самой серединѣ лѣта, въ январѣ, тощіе мхи и лишайники покрываютъ кое-гдѣ скалы. Эти острова, гдѣ солнце рѣдко свѣтитъ нѣсколько часовъ сряду, надъ которыми никогда не искрятся звѣзды, скрытыя тяжелыми, низкими облаками,—самая унылая страна, какую можно себѣ представить. Никакой человѣкъ, несмотря на безвредность климата, не могъ бы долго противостоять угрюмому отчаянію этихъ грустныхъ пейзажей, окутанныхъ вѣчнымъ туманомъ».

На слѣдующій день погода была болѣе благопріятна, и Жерлашъ направился на югъ, къ Землѣ Греама, берега которой были нанесены на карты довольно проблематично и, какъ оказалось, совершенно невѣрно. Вскорѣ «Бельгика» вступила въ заливъ Юза, очертанія котораго были до сихъ поръ до того неопредѣленны, что Жерлашъ не былъ увѣренъ, заливъ ли это, или проливъ, соединяющійся съ моремъ Уэдделя (какъ то утверждалъ Далльманъ), и даже надѣялся по этому проливу изъ Великаго океана проникнуть въ Атлантическій.

Высокія горы окружали заливъ со всѣхъ сторонъ. Цѣлыхъ три дня «Бельгика» обходила его берега, заглядывая во всѣ бухты, которыя могли показаться проливами и производя съемку. Оказалось, что къ востоку заливъ ограниченъ землей, но на юго-западъ онъ простирается на неопредѣленное разстояніе. Погода стояла чудная, солнце почти не заходило, въ водѣ во множествѣ встрѣчались тюлени и киты. Жерлашъ и его спутники нѣсколько разъ высаживались на берега и на островки, разбросанные въ заливѣ. Каждая высадка давала много интереснаго: коллекціи горныхъ породъ, лишайниковъ, пингвиновыхъ яицъ, а съ первой высадки удалось привезти живьемъ двухъ молодыхъ пингвиновъ.

Наконецъ, 27-го января Жерлашъ направился на юго-востокъ и вступилъ въ совершенно невѣдомыя воды: что это заливъ или проливъ? и куда приведетъ онъ, въ Великій океанъ или въ Атлантическій?

Слѣва, изрѣзанная бухтами и заливами, тянулась земля, часть материка, за которою сохранилось данное ей Жерлашемъ названіе «Земли Данко» въ честь молодого ученаго, погибшаго во время экспедиціи *), справа лежалъ цѣлый архипелагъ вновь открытыхъ острововъ, которымъ Жерлашъ большею частью далъ названія по имени различныхъ бельгійскихъ провинцій и городовъ: о-въ Льежъ, о-въ Брабантъ, о-въ Антверпенъ и т. п. И берегъ материка, и острова были покрыты высокими, снѣговыми горами.

«Картина, развертывающаяся передъ нашими глазами и никѣмъ еще никогда не виданная», пишетъ Жерлашъ, «сурово

Тюлени Уэдделя.

величава. На половинѣ высоты черныхъ, сѣрыхъ или красныхъ утесовъ плывутъ облака, легкія, какъ газъ; у подошвы утесовъ виднѣется блестящій бѣлый ледъ, окрашивающійся лазурью на уровнѣ моря. Тамъ и сямъ колышатся ледяныя горы странныхъ формъ и очертаній... Ледники, подобные большимъ застывшимъ рѣкамъ, спадаютъ и теряются въ морѣ, которое кажется совершенно чернымъ по сравненію съ такой массой бѣлизны; вершины, увѣнчанныя снѣгомъ и льдомъ, сверкающія подъ лучами солнца, бросаютъ отъ себя тѣни тонкихъ, сливающихся

*) Какъ оказалось впослѣдствіи, Земля Данко составляетъ западный берегъ Земли Греама, какъ Земля Короля Оскара—восточный.

Мысъ Репаръ на Земли Данко.

красокъ—нѣжно-голубыя, блѣдно-фіолетовыя. На льдинахъ тюлени двухъ видовъ **) блаженно дремлютъ или съ наслажденіемъ вытягиваются подъ лучами солнца. Море населено китами. Куда ни взгляни, всюду увидишь игры трехъ—четырехъ полосатиковъ, или, еще чаще, горбачей ***). Ночью мы слышимъ ихъ глубокое дыханіе, которое одно вмѣстѣ съ пронзительнымъ крикомъ пингвиновъ и глухимъ грохотомъ отдаленныхъ обваловъ, нарушаетъ величественную тишину, царствующую вокругъ насъ».

30-го января Жерлашъ рѣшилъ произвести общую съемку мѣстности и съ этой цѣлью подняться на какую-нибудь высокую гору, откуда былъ бы виденъ обширный горизонтъ. Для этого, взявши теодолитъ, палатку, керосину и провіанта въ достаточномъ количествѣ, нѣсколько путешественниковъ съ Жерлашемъ, Арктовскимъ и Данко во главѣ, высадились на островѣ Брабантѣ и, таща всѣ инструменты и принадлежности на себѣ, стали подниматься въ гору, чтобы достичь такой высоты, откуда можно было бы заглянуть на Землю Данко сверху. Подъемъ былъ чрезвычайно крутъ (35—40°), поэтому и восхожденіе оказалось въ высшей степени затруднительнымъ. Въ первый день удалось подняться всего на высоту 1100 футовъ. Здѣсь было рѣшено остановиться на ночлегъ; матросы возвратились на корабль, а пятеро ученыхъ на слѣдующій день попытались подняться еще выше. Взобраться на самую высокую вершину острова не удалось, и пришлось остановиться на высокой снѣговой равнинѣ, у подошвы одного изъ утесовъ (нунатаковъ), кое-гдѣ разбросанныхъ по равнинѣ. Съ его вершины и производились наблюденія. У подножія утеса была разбита палатка и въ ней ученые жили цѣлую недѣлю, занимаясь съемкой и наблюденіями. Земля Данко, насколько могъ проникнуть глазъ, представляетъ собой безконечную, совершенно гладкую равнину, всю покрытую льдомъ и снѣгомъ.

Погода не благопріятствовала экспедиціи. Большую часть дня стоялъ густой туманъ, который не позволялъ дѣлать на-

---

**) Бѣлый южно-полярный тюлень (Stenorrhynchus carcinophaga) и тюлень Уэдделя (S. Weddeli).

***) Полосатикъ—Balaenoptera, а горбачъ—Megaptera longimana.

блюденія больше трехъ часовъ въ сутки, а въ остальное время обрекалъ на бездѣйствіе. Жестокій вѣтеръ разорвалъ палатку, такъ что пришлось ее дѣлать чуть не заново, значительно уменьшивши въ размѣрахъ, и воздвигнуть снѣговую стѣну для защиты отъ вѣтра. Въ заключеніе наступила оттепель, и снѣгъ сталъ быстро таять, затопивши всю палатку. Волей-неволей пришлось возвращаться назадъ, но главное, чего хотѣли, все-таки сдѣлать удалось.

А Бельгика тѣмъ временемъ обстоятельно обслѣдовала берега, производя различныя наблюденія. Принявши экспедицію, она двинулась дальше по каналу и 9-го февраля вышла въ Тихій океанъ. Вопросъ разрѣшился: заливъ Юза оказался

Столовая ледяная гора.

проливомъ, который былъ названъ впослѣдствіи проливомъ Бельгики. Оказалось, что Западная Антарктида въ этомъ мѣстѣ (Земля Данко) отдѣлена отъ океана цѣлымъ рядомъ высокихъ острововъ, получившимъ названіе архипелага Пальмера (о. въ Льежъ, Брабантъ, Антверпенъ, Винке и т. д.).

Тщетно пытался Жерлашъ пробиться дальше на югъ—сплошныя массы плавучаго льда загораживали ему дорогу; напрасно также обшарилъ онъ и берегъ Земли Данко, ища, нѣтъ ли пролива, который бы отдѣлялъ сѣверную часть Западной Антарктиды отъ материка и велъ въ море Уэдделя—пришлось выйти въ Тихій океанъ.

Сдѣлавши послѣднюю высадку на островѣ, 13-го февраля Бельгика отправилась на юго-западъ, въ обходъ сплошного льда,

вдоль его края, въ разсчетѣ связать Землю Греама съ Землей Александра, открытой Беллинсгаузеномъ. Снова началось плаванье въ открытомъ океанѣ, опять появились альбатросы и буревѣстники. 15-го февраля перешли полярный кругъ. Слѣва все время тянулся сплошной ледъ; изъ-за него въ туманѣ виднѣлись берега Земли Греама, добраться до которыхъ, однако, не было возможности.

Во многихъ мѣстахъ ледъ казался желтымъ отъ громадныхъ массъ микроскопическихъ діатомей (кремневыхъ водорослей) покрывавшихъ его. На льдинахъ нѣжились тюлени. Мѣстами громадныя глыбы льда и айсберги вздымались вверхъ и издали казались городомъ. Въ одномъ мѣстѣ Жерлашъ насчиталъ цѣлыхъ 220 ледяныхъ горъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Бельгика шла вдоль границы сплошного льда, тщетно пытаясь пробиться къ востоку, заходя въ каждую щель, которая открывалась во льду.

28-го февраля, когда Бельгика была приблизительно тамъ, гдѣ Беллинсгаузенъ натолкнулся на массу плавучаго льда, поднялся вѣтеръ, который разломалъ и разметалъ ледяной покровъ и открылся болѣе или менѣе свободный путь на востокъ. Жерлашъ воспользовался этимъ и двинулся впередъ.

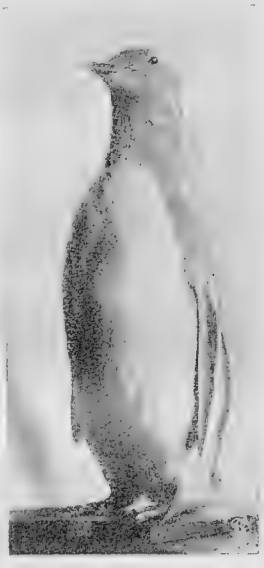
Вначалѣ плаванье было довольно легкимъ, но потомъ пришлось итти по каналамъ, которые открывались между льдинами. Тѣмъ не менѣе вѣтеръ не прекращался и нанесъ снѣговыя тучи; повалилъ снѣгъ, при сильномъ вѣтрѣ, и вскорѣ вокругъ водворился такой мракъ и хаосъ, что Бельгика только ощупью, съ трудомъ могла продвигаться впередъ. На слѣдующій день снѣгъ пересталъ, и удалось продвинуться еще немного впередъ, но вокругъ, во всѣ стороны были уже сплошныя массы плавучаго льда. Возвращаться назадъ было невозможно,—всѣ каналы опять были закрыты. А между тѣмъ лѣто уже кончалось и начиналъ образовываться молодой ледъ, который сшивалъ вмѣстѣ отдѣльныя льдины.

Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ рѣшено было готовиться къ зимовкѣ, такъ какъ никакой надежды возвратиться не представлялось, а температура все падала: 15-го марта было уже—20°. Чтобы не было слишкомъ холодно, вокругъ за-

тертаго льдомъ корабля воздвигли съ навѣтреной стороны снѣговую насыпь; матеріалами, взятыми для постройки хижины, прикрыли палубу и мостикъ, чтобы тамъ можно было работать подъ защитой отъ вѣтра.

Недалеко отъ корабля была сдѣлана прорубь для ловли рыбы и для качанія воды на случай пожара. А пока дѣлались эти приготовленія, наступила зима, съ короткими днями и долгими ночами, а затѣмъ и полярная ночь.

Зимовка, первая зимовка въ антарктическихъ странахъ, вначалѣ протекала недурно: дѣлались измѣренія толщины льда, охотились за пингвинами и тюленями. Чтобы предохраниться отъ различныхъ болѣзней былъ установленъ возможно гигіеническій режимъ; меню, напр., было разсчитано такъ, чтобы одно и тоже кушанье не повторялось раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ,—столъ разнообразился мясомъ тюленей и пингвиновъ (рыба почти не ловилась); мясо здѣшнихъ тюленей, какъ и пингвиновъ, хотя черное и очень жирное, вполнѣ съѣдобно и совсѣмъ не отзывается рыбой, такъ какъ главная пища тѣхъ и другихъ,—ракообразныя. Однако, съ наступленіемъ полярной ночи положеніе измѣнилось: тюлени и пингвины исчезли, работать стало почти невозможно, появились недомоганія; почти всѣ чѣмъ-нибудь да хворали, а молодой натуралистъ Данко даже умеръ отъ болѣзни сердца. Постоянная темнота дѣйствовала угнетающе на нервную систему людей: одинъ изъ нихъ даже помѣшался.



Пингвинъ.

По вечерамъ всѣ развлекались, какъ могли: читали, писали, играли въ карты, занимались музыкой и т. д.

Прошла зима, наступила весна, появились пингвины и тюлени, а Бельгика все еще была затерта льдами.

Вернулось солнце, вернулись и силы людей; однако прохо-

дило время, наступило уже лѣто, а Бельгика не могла высвободиться изъ своей ледяной тюрьмы. Уже въ серединѣ лѣта, когда люди замѣтили, наконецъ, свободное пространство воды недалеко отъ корабля, они отчаянными усиліями прорубили и пропилили каналъ, черезъ который и вывели въ январѣ 1899 года Бельгику въ открытое море. Однако, и это далось имъ не безъ огромнаго труда: ледяныя массы сдвигались, замыкая каналъ; одинъ разъ Бельгика чуть было совсѣмъ не осталось на вторую зимовку, застрявши въ каналѣ. Наконецъ, судну удалось вырваться изъ ледяныхъ тисковъ и 16-го марта 1899 года оно прибыло въ Пунта-Аренасъ.

Въ сентябрѣ того же года, на международномъ географическомъ конгрессѣ Арктовскій уже читалъ отчетъ о результатахъ экспедиціи.

— ——— —

Цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ пробыла Бельгика въ южныхъ полярныхъ водахъ, при чемъ около года находилась вмерзшей въ ледъ. За это время, однако, ее вмѣстѣ со льдомъ носило по волнамъ и такъ какъ, по мѣрѣ возможности, часто дѣлались измѣренія долготы и широты, то удалось возстановить путь ея за это время. Оказалось, что Бельгика зимовала на границѣ между квадрантомъ Уэдделя и квадрантомъ Росса, къ югу отъ острова Петра I, открытаго Беллинсгаузеномъ. Измѣренія глубинъ указывали на близость материка—море было сравнительно мелко (до 350 м.). Помимо цѣлаго ряда интересныхъ наблюденій и фотографій, экспедиція привезла множество образчиковъ горныхъ породъ, образцы флоры и фауны и т. д.

Оказалось, что какъ Земля Данко, такъ и прилежащіе острова состоятъ главнымъ образомъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ. Образцы же осадочныхъ породъ были найдены въ видѣ обломковъ на одной плавучей льдинѣ.

V.

Еще болѣе важное значеніе имѣла выѣхавшая и вернувшаяся годомъ позже Жерлаша экспедиція К. Борхгревинга.

Послѣ перваго путешествія его неотступно преслѣдовала

мысль еще разъ отправиться на землю Викторіи, но уже на этотъ разъ во всеоружіи, перезимовать тамъ и попытаться насколько возможно, изслѣдовать антарктическую сушу.

Въ 1898 году, пока шли разговоры и собирались деньги для англійской и германской южно-полярныхъ экспедицій, издатель одного крупнаго англійскаго журнала, Дж. Нюнсъ, съ которымъ Борхгревинкъ уже раньше говорилъ о своихъ планахъ, предложилъ ему значительную сумму денегъ для снаряженія антарктической экспедиціи, подъ условіемъ, чтобы описаніе путешествія печаталось у него въ журналѣ. Борхгревинкъ согласился и быстро началъ снаряжать экспедицію. Съ этой цѣлью было куплено въ Норвегіи прочное китоловное судно, выстроенное тѣмъ же самымъ К. Арчеромъ, который строилъ для Нансена его знаменитый «Фрамъ». Судно было переименовано въ «Южный Крестъ», снаряжено, и въ августѣ 1898 года уже готово къ отплытію. Борхгревинкъ подобралъ себѣ товарищей и экипажъ; на судно была взята въ разобранномъ видѣ хижина, въ которой предполагалось зимовать, провіантъ и топливо на долгое время, и около 100 ѣздовыхъ собакъ, купленныхъ у самоѣдовъ на Ялмалѣ и Печорѣ. Капитаномъ Южнаго Креста Борхгревинкъ пригласилъ Іенсена, опытнаго моряка, уже бывавшаго въ антарктическихъ водахъ. Кромѣ начальника экспедиціи, Борхгревинка, на кораблѣ находились натуралисты Гансонъ, Эвансъ (зоологъ), Луи Берначчи (метеорологъ), Кольбекъ, (спеціалистъ по земному магнитизму), докторъ, два помощника капитана, и экипажъ изъ 20 человѣкъ, среди которыхъ были два лопаря, какъ спеціалисты по передвиженіямъ среди снѣга и льда. Народъ былъ выбранъ все крѣпкій и молодой

Старая (слоистая) ледяная гора.

(кромѣ капитана Іенсена): самому старшему, Бохргревинкку, было 34 года, а большинство и здѣсь было въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ. Кромѣ своей основной задачи, согласно желанію Дж. Нюпса, Южный Крестъ долженъ былъ, въ случаѣ надобности, оказать помощь Бельгикѣ, о которой въ то время не было ни слуху ни духу. 30-го іюля на Южномъ Крестѣ былъ поднятъ англійскій флагъ, 23-го августа судно торжественно отплыло изъ Лондона, 4-го сентября оно было на островѣ Мадейрѣ, а 27-го ноября у береговъ Тасманіи. Пополнивъ здѣсь свои запасы, Борхгревинкъ 19-го декабря отплылъ изъ Гобарттауна и, послѣ короткой остановки на Новой Зеландіи, выступилъ на юго-востокъ, навстрѣчу полярнымъ льдамъ.

«Пусто и тихо кругомъ,—пишетъ Борхгревинкъ,—и въ то же время неизъяснимо плѣнительно! Корабль нашъ сопровождаютъ только стаи полярныхъ птицъ... Сверкая бѣлыми и черными крыльями, онѣ носятся вокругъ корабля, порой оглашая воздухъ громкими криками».

30-го декабря увидали вдали густой туманъ и сразу стало холодно; показались льдины, одна другой больше и выше, и черезъ часъ уже Южный Крестъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ льдинами; онъ весь дрожалъ и трещалъ, протискиваясь между ними, но смѣло пробивался впередъ. На льдинахъ попадались тюлени, которыхъ легко было убить, такъ какъ они совершенно не боялись людей. Ледъ былъ такъ близко, что при хорошей погодѣ можно было спускаться на ледяныя поля и даже выпускать побѣгать засидѣвшихся собакъ.

13-го января 1899 года на горизонтѣ завидѣли землю, высокую, гористую и мѣстами покрытую снѣгомъ, мѣстами голыми торчащими утесами. Еще издалека былъ виденъ дымъ, поднимавшійся надъ одной изъ горъ. Это былъ одинъ изъ острововъ Баллени, на которомъ еще Россъ открылъ дѣйствующій вулканъ. Къ острову удалось приблизиться настолько, что можно было его разсмотрѣть, но высадиться при всемъ желаніи не было никакой возможности; пришлось повернуть назадъ, на сѣверъ.

Цѣлыхъ сорокъ три дня Южный Крестъ пробылъ среди льда, который временами сдавливалъ корабль такъ, что приходи-

лось опасаться за его цѣлость, въ особенности когда онъ приподнимался на плечахъ сдавливавшихъ его льдинъ. Стали уже опасаться, какъ бы не кончилось короткое полярное лѣто, думали даже снарядить экспедицію, которая бы, перебираясь со льдины на льдину, добралась до материка сухимъ путемъ, на собакахъ. Но, къ счастью, ледъ сталъ мягче; 11 февраля на 70° ю. ш. Южный Крестъ снова вышелъ въ открытое море, и тотчасъ же полнымъ ходомъ пошелъ на югъ. Вскорѣ, однако, его застигла жестокая снѣжная буря съ туманомъ, длившаяся цѣлыхъ два дня. Когда же, наконецъ, туманъ разсѣялся, путешественники увидѣли передъ собой высокія, темныя скалы мыса Эдери, цѣли путешествія; 17 февраля Южный Крестъ вошелъ въ находящуюся у мыса бухту Робертсона, на заднемъ планѣ которой возвышалась вершина горы Сабайнъ (3046 м. высоты). Какъ только корабль сталъ на якорь, началась спѣшная выгрузка матеріаловъ для постройки хижины, топлива, провіанта. Работа была страшно трудная, такъ какъ берегъ былъ отмелый, и приходилось переносить вещи, стоя нерѣдко по поясъ въ ледяной водѣ. Передъ самымъ концомъ выгрузки, длившейся три дня, налетѣлъ страшный ураганъ со снѣгомъ. Волны заливали берегъ, грозя все смыть; между тѣмъ Южный Крестъ, изъ опасенія быть разбитымъ о прибрежныя скалы, долженъ былъ отплыть подальше и вскорѣ скрылся изъ виду; четыре члена экспедиціи, не успѣвшіе перебраться на корабль, остались на берегу. Несмотря на жестокій морозъ (термометръ сразу понизился до—28°), отъ котораго ихъ волосы и одежда совершенно обледенѣли, они стали перетаскивать въ болѣе безопасное мѣсто расположенныя у берега вещи и тѣмъ спасли ихъ отъ потопленія. По счастью у нихъ осталась палатка, въ которой они могли съ трудомъ провести ночь. На слѣдующій день буря утихла, и Южный Крестъ снова приблизился къ берегу.

Началась постройка хижины и склада топлива и провіанта; 27-го февраля все уже было закончено, и Южный Крестъ, распростившись съ остающимися, удалился въ Новую Зеландію, чтобы на слѣдующее лѣто вернуться и забрать оставшихся. Осталось всего десять человѣкъ: Борхгревинкъ, Фугнеръ, четыре натуралиста, докторъ, поваръ, и два лопаря.

Оставшись, путешественники стали готовиться къ зимовкѣ: обили стѣны и крышу домика снаружи и снутри тюленьими шкурами и завалили снѣгомъ; все это сдѣлало его довольно теплымъ, но затруднило вентиляцію, благодаря чему воздухъ былъ чрезвычайно спертый и удушливый.

Въ этомъ домикѣ путешественники прожили остатокъ лѣта и полярную зиму, дѣлая экскурсіи по окрестностямъ. Далеко проникнуть однако не удавалось никуда. Берегъ вездѣ поднимался отвѣсными стѣнами, и даже узкій пляжъ, который тянулся близъ мыса Эдери, встрѣчался далеко не вездѣ; нѣсколько бо́льшую возможность представляли горныя восхожденія. Такъ, 12-го марта Борхгревинкъ съ однимъ изъ товарищей взобрался на вершину мыса Эдери (немного выше версты); внутри страны былъ виденъ рядъ снѣговыхъ вершинъ, которыя тянулись съ запада на востокъ. Другой разъ, 27-го апрѣля, возвращаясь домой послѣ экскурсіи въ Робертсоновъ заливъ, Берначчи и одинъ изъ лопарей, поднялись на береговой хребетъ, концомъ котораго являлся мысъ Эдери, на высоту свыше 8400 ф. «Темныя скалы, залитыя луннымъ свѣтомъ, и безконечный горизонтъ, гдѣ вдали мерцали ледяныя массы,—все это сливалось въ одну волшебную картину... Нигдѣ кругомъ ни признака жизни».

Пока еще не настала зима, зоологи тщательно составляли коллекціи изъ шкурокъ и скелетовъ пингвиновъ, чаекъ, тюленей, рыбъ, которыя ловились въ достаточномъ количествѣ и пріятно разнообразили столъ.

Между тѣмъ полярная ночь приближалась быстрыми шагами: 14-го марта исчезли пингвины и стали гораздо рѣже буревѣстники; 15-го—впервые показались полярное сіяніе. Температура быстро падала, въ мартѣ средняя температура была —6,4 Р., въ апрѣлѣ—9,4 Р., въ маѣ—15,9 Р. Дни становились все короче; 15-го мая въ послѣдній разъ показалось солнце и уже не появлялось до 27 іюля.

Наступила томительная полярная ночь, которая разнообразилась только полярными сіяніями, да жестокими ураганами, налетавшими съ юго-востока. Въ іюнѣ холода стали еще сильнѣе: —27°, —28° Р. была довольно обыкновенная температура.

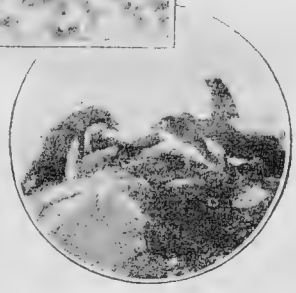
Экскурсіи волей-неволей прекратились. Путешественники

коротали время, какъ могли: играли въ шахматы, занимались музыкой, бѣгали на лыжахъ, устраивали празднества; въ тихую погоду охотились на тюленей, а въ вѣтреную, если была возможность, ходили смотрѣть при свѣтѣ луны, какъ лѣзутъ на берегъ нагоняемыя вѣтромъ ледяныя громады.

За время долгаго, вынужденнаго пребыванія вмѣстѣ всѣ успѣли другъ другу надоѣсть; характеръ испортился, и часто изъ пустяковъ происходили ссоры. Здоровье, однако, было удовлетворительно, кромѣ препаратора Гансона, который заболѣлъ и все не выздоравливалъ.

Супружескій дуэтъ.

Устройство гнѣзда.



Ссора изъ за мѣста для гнѣзда.

Пингвины на гнѣздовьѣ.

27-го іюля показался впервые край солнца, и съ тѣхъ поръ дни начали быстро прибывать; вмѣстѣ съ солнцемъ вернулось и бодрое настроеніе духа, возобновились экскурсіи.

Между прочимъ Борхгревинкъ въ западной части залива открылъ островокъ, куда и экскурсировали по льду. На немъ удалось собрать образцы горныхъ породъ съ статками ископаемыхъ и нѣсколько лишайниковъ. Тѣмъ не менѣе холода стояли страшные, особенно въ августѣ и сентябрѣ (доходило до—37° Р.).

Въ октябрѣ погода стояла нѣсколько теплѣе, дни уже были очень длинны, но все же еще стояла настоящая зима, холодная и безжизненная.

14-го октября путешественниковъ постигло несчастіе: умеръ препараторъ Гансонъ. На вершинѣ мыса Эдери, съ помощью динамита, взорвали кусокъ скалы, въ образовавшуюся могилу поставили гробъ и привалили громаднымъ валуномъ.

14-го же октября показались и первые пингвины, а вскорѣ ихъ появилось несмѣтное множество. Они шли откуда-то съ сѣвера, медленно, длинной вереницей, одинъ за другимъ, сплошной шеренгой, по одной и той же тропинкѣ, которую птицы протоптали до того, что она окрасилась кровью, такъ какъ онѣ рѣзали себѣ ноги объ острыя льдины; безконечной вереницей, уходившей вдаль насколько могъ видѣть глазъ, шли они къ мысу Эдери. Одни располагались тутъ же, на пляжѣ, другіе съ быстротой и ловкостью поднимались на вершину горы, останавливаясь на самомъ мысу и по его уступамъ, третьи, поднявшись на вершину, уходили куда-то вдаль, въ глубь материка. Цѣлыя тысячи ихъ расположились на пляжѣ у мыса Эдери и немедленно занялись нехитрой постройкой гнѣзда: выкапывали въ прошлогоднемъ гуано ямку, выкладывали окружность ея голышами, и самка немедленно садилась на яйца, которыхъ обыкновенно сносила два. Вскорѣ весь берегъ огласился крикомъ пингвиновъ, которые дрались другъ съ другомъ, спорили изъ-за мѣста и таскали изъ гнѣздъ камешки. Шествіе пингвиновъ продолжалось двѣ недѣли, и въ началѣ ноября самки уже сѣли на яйца, а 9-го декабря выклюнулись первые птенцы. Путешественники набрали до 4000 яицъ, которыя были очень вкусны.

Въ серединѣ ноября ледъ началъ таять, и близъ мыса Эдери образовалась широкая полоса воды, куда немедленно бросились массы пингвиновъ.

Наступило полярное лѣто, съ прекрасной погодой, которая изрѣдка нарушалась ураганами.

Путешественники начинали уже томиться; кругомъ все было изслѣдовано, нужно было ѣхать дальше, а ледъ все не таялъ: только къ концу декабря весь ледъ взломало. Начиналось томительное ожиданіе корабля. Уже молодые пингвины оперились и 18-го января покинули гнѣзда, а Южнаго Креста все не было видно. Отъ томительнаго ожиданія путешественники почти не могли работать; а впереди предстояла, быть можетъ, вторая

зимовка: провіанта было еще очень много, но топлива не больше, какъ на полгода.

Наконецъ, 28-го января, утромъ, когда всѣ еще спали, Эвансъ пошелъ за углями и возлѣ хижины вдругъ увидалъ человѣка, идущаго навстрѣчу. Это былъ капитанъ Іенсенъ съ Южнаго Креста, который прибылъ за нашими путешественниками.

2-го февраля 1900 г., воздвигнувши каменный крестъ на могилѣ Гансона, путешественники распростились съ мысомъ Эдери и отправились на югъ, вдоль берега земли Викторіи. 5-го февраля Южный Крестъ прошелъ мимо потухшаго вулкана Мельбурнъ (2480 м.); далѣе онъ подошелъ къ мысу Крозье, лежащему близъ вулкановъ Эребуса и Террора, которые были скрыты за густымъ туманомъ, и наконецъ достигъ ледяной стѣны Росса. По дорогѣ путешественники нѣсколько разъ высаживались на прибрежные островки и на береговой пляжъ: у подножія горы Мельбурна и близъ мыса Крозье, у подошвы Террора. На одномъ изъ островковъ нашли жестяной ящикъ съ текстомъ, оставленный Борхгревинкомъ еще во время перваго путешествія на Антарктикѣ; наши путешественники оставили въ немъ запись о своемъ посѣщеніи этихъ мѣстъ. Вездѣ собирали образчики горныхъ породъ и скудной флоры,—мховъ и лишайниковъ. Высадка у мыса Крозье едва не стоила жизни Бохгревинку и кап. Іенсену. Когда они стояли на пляжѣ, отъ сосѣдняго ледника оторвалась огромная глыба льда, которая упала въ море, и вызвала такую волну, что та залила весь пляжъ до самыхъ береговыхъ скалъ. Борхгревинкъ и Іенсенъ едва уцѣлѣли, уцѣпившись пальцами за неровности въ каменной стѣнѣ.

Достигши Великаго Барьера (какъ со времени экспедиціи Борхгревинка стали называть ледяную стѣну Росса), Южный Крестъ поплылъ вдоль него на востокъ. 11-го февраля, послѣ жестокаго тумана съ морозомъ, отъ котораго всѣ мачты, снасти и всѣ предметы на палубѣ покрылись толстой ледяной корой, туманъ разсѣялся, и удалось вдалекѣ, сзади, увидать дымящійся Эребусъ. 17-го февраля Борхгревинкъ замѣтилъ въ ледяной стѣнѣ Росса выемку, въ родѣ небольшого залива. Великій Барьеръ здѣсь постепенно понижался, спускаясь къ уровню воды настолько что на его поверхность нетрудно было взобраться. Спу-

стили сани и собакъ Борхгревингкъ съ двумя товарищами высадился,взялъ сани и отправился по безконечной ледяной равнинѣ на югъ. Вскорѣ, однако пришлось вернуться назадъ: время года было позднее и нельзя было медлить ни минуты, иначе судну грозила участь Бельгики. Тѣмъ не менѣе, Борхгревингкъ проникъ на югъ такъ далеко, какъ до тѣхъ поръ не удавалось никому—до 78°45′ ю. шир.

Тѣмъ временемъ вокругъ корабля началъ образовываться сплошной ледъ. Пришлось изо всѣхъ силъ пробиваться къ сѣверу, что было довольно трудно, такъ какъ приходилось ломать молодой, новообразовавшійся ледъ. Только 21-го марта Южный Крестъ достигъ острова Окленда къ югу отъ Новой Зеландіи, и лишь въ іюлѣ 1900 года путешественники вернулись въ Англію.

Экспедиція Борхгревингка дала наукѣ очень многое: годъ, проведенный на антарктическомъ материкѣ, далъ возможность собрать матеріалъ по морской и прѣсноводной фаунѣ южныхъ полярныхъ странъ; найдено нѣсколько видовъ лишайниковъ, три вида мховъ и три вида насѣкомыхъ; дѣлались магнитныя и метереологическія наблюденія почти цѣлый годъ; приблизительно опредѣлено положеніе магнитнаго полюса (73°20′ ю. шир. и 146° в. д.), подробно нанесенъ на карту берегъ Земли Викторіи отъ мыса Эдери до ледяной стѣны Росса и т. д.

VI.

Пока Бельгика и Южный Крестъ находились въ полярныхъ странахъ, въ Англіи и Германіи шли дѣятельныя приготовленія для снаряженія экспедиціи.

На VII международномъ географическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1899 г., гдѣ Арктовскій докладывалъ о томъ, что удалось сдѣлать Бельгикѣ и сообщались извѣстія отъ кап. Іенсена изъ Новой Зеландіи, о томъ какъ онъ отвезъ Борхгревингка на землю Викторіи, извѣстный ученый и спеціалистъ по полярнымъ странамъ Маркгамъ сообщилъ о планахъ германской и англійской южно-полярныхъ экспедицій и о томъ, какія приготовленія для этой послѣдней уже сдѣланы; здѣсь же проф. Э. Дригальскій, начальникъ германской экспедиціи,

сообщилъ о своихъ планахъ и приготовленіяхъ. А осенью 1901 г. обѣ экспедиціи были уже «въ походѣ», на пути въ Капштадтъ.

Германская экспедиція состояла изъ 20 лицъ, въ числѣ которыхъ были д-ръ Ванхёффенъ (зоологъ и ботаникъ), д-ръ Гацертъ (врачъ), д-ръ Филиппи (геологъ и химикъ) и самъ Дригальскій (начальникъ экспедиціи и океанографъ). Кромѣ того на суднѣ было 5 офицеровъ (изъ нихъ одинъ инженеръ), для помощи въ различныхъ, особенно геодезическихъ работахъ.

Ѣхала экспедиція на спеціально для этой цѣли выстроенномъ суднѣ «Гауссъ», построенномъ въ Килѣ, по типу трехмачтовой шкуны, но съ паровой машиной для хода подъ паромъ и парусами. Деньги на экспедицію были ассигнованы германскимъ правительствомъ, и въ средствахъ недостатка не было. Поэтому съ научной стороны экспедиція была оборудована превосходно; былъ взятъ даже воздушный шаръ, для того, чтобы обозрѣвать съ него окружающую мѣстность.

Къ осени 1901 года всѣ приготовленія были закончены и 11 августа Гауссъ покинулъ Кильскую гавань и отправился въ Капштадтъ, куда и прибылъ 23-го ноября.

Экспедиція предполагала обслѣдовать самый западный уголъ Земли Уилькса, между 90° и 100° вост. долготы, пробраться оттуда къ Землѣ Викторіи, перезимовать тамъ и обслѣдовать весь берегъ Земли Уилькса.

Между прочимъ, одной изъ задачъ экспедиціи было основать на островахъ Кергуэленъ магнитную и метеорологическую станцію; для этой цѣли, въ помощь Гауссу германское правительство зафрахтовало пароходъ Австрійскаго Ллойда «Тэнглинъ», который бы отвезъ на Кергуэленъ черезъ Китай и Австралію значительную часть груза для Гаусса, матеріалъ для станціи, ея завѣдующаго, д-ра Энценшпенгера и 50 сибирскихъ ѣздовыхъ собакъ, и забралъ бы съ Гаусса почту.

Дирекція зоологическаго сада въ Берлинѣ просила Энценшпергера по мѣрѣ возможности во время переѣзда и на Кергуэленѣ заняться ловлей живыхъ птицъ для зоологическаго сада и отправить ихъ въ Германію на Тэнглинѣ. Чтобы узнать нап-

лучшіе способы перевоза и кормленія южно-полярныхъ птицъ, докторъ посѣтилъ директора зоологическаго сада въ Сиднеѣ и получилъ отъ него различныя цѣнныя указанія.

12-го октября 1901 года Тэнглинъ вышелъ изъ Сиднея и прибылъ на Кергуэленъ только послѣ тяжелаго четырехнедѣльнаго переѣзда. Предназначавшееся для станціи мѣсто, въ гавани Трехъ Острововъ, оказалось неудобнымъ для зимовки и д-ръ Энцершпергеръ рѣшилъ устроить станцію въ бухтѣ Обсерваторіи, гдѣ еще въ 1874 году проживала англійская экспедиція для наблюденія за прохожденіемъ Венеры черезъ солнечный дискъ. Мѣсто для стоянки было удобное, а на фундаментѣ стараго помѣщенія англійской экспедиціи было можно построить новый жилой домъ. Маленькое прѣсное озеро въ 80-ти метрахъ отъ морского берега избавляло отъ заботъ о водѣ для питья. Выгрузка матеріаловъ оказалась тяжелой работой: судно стояло довольно далеко отъ берега, переѣзды на лодкахъ при бурной, снѣжной и дождливой погодѣ были затруднительны, багажъ слѣдовало перевезти немалый: 360-ти тоннъ угля, 250-ти тоннъ строительнаго матеріала, 100 ящиковъ провіанта, массу сухарей для собакъ, керосина и т. д., не считая 57-ми собакъ и 24 щенятъ, родившихся большею частью въ пути.

Китайскій экипажъ частью хворалъ, частью готовъ былъ взбунтоваться, такъ что двоимъ участникамъ экспедиціи съ капитаномъ Нейхаусъ и офицерами Тэнглина пришлось почти всю работу сдѣлать самимъ. Съ трудомъ выстроили жилое помѣщеніе а всѣ прочія работы пришлось отложить. На охоту совершенно нехватало времени, такъ что были пойманы и отосланы всего три пингвина. Въ этихъ трудахъ прошло уже четыре недѣли а Гауссъ все не приходилъ, такъ что 14-го декабря Тэнглинъ ушелъ, увозя съ собой въ Европу только докладъ Энцершпергера о переѣздѣ изъ Сиднея на Кергуэленъ и его отчетъ о первомъ мѣсяцѣ пребыванія на этихъ островахъ, обратно въ Сидней.

А Гауссъ замѣшкался въ Капштадтѣ и по дорогѣ нѣсколько дольше, чѣмъ предполагалось.

На пути изъ Капштадта къ Кергуэлену въ пустынной области

Индійскаго океана, теплыя волны котораго здѣсь уже охлаждены теченіями Ледовитаго океана до немногихъ градусовъ выше нуля, лежатъ острова Крозетъ, многочисленныя скалы, окружающія группу изъ четырехъ болѣе крупныхъ вулканическихъ острововъ.

На первый день Рождества экспедиція Дригальскаго достигла самаго большого изъ этихъ острововъ—острова Поссесіонъ.

Острова Крозетъ со времени ихъ открытія, 130 лѣтъ тому назадъ *), ни разу не были предметомъ научнаго изслѣдованія, и, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, было рѣшено пристать къ берегу и ближе ознакомиться съ характеромъ мѣстности. Островъ Поссесіонъ образованъ наслоеніями лавы, потоки которой въ различныя времена вырывались изъ нѣдръ моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыто до восьми такихъ слоевъ. Образованное слоями лавы плато круто спускается на глубину 200 метровъ къ морю, волны котораго изрыли берегъ многочисленными бухтами и ущельями. Острова необитаемы,—ихъ оживляютъ только тысячи полярныхъ и приполярныхъ птицъ: пингвиновъ, баклановъ, буревѣстниковъ,—да неуклюжіе морскіе слоны валяются на берегу. Въ глубинѣ вырытыхъ прибоемъ бухтъ, тамъ и сямъ, по краснымъ стѣнамъ лавы пѣнистые потоки низвергаются въ море. У этихъ острововъ Гауссъ встрѣтилъ первыя ледяныя горы—два мощные гиганта, которые, по всей вѣроятности, случайно проникли слишкомъ далеко на сѣверъ, такъ какъ кромѣ нихъ до острововъ Кергуэленъ не было встрѣчено никакихъ льдовъ.

Когда онъ въ первый день новаго 1902 года подходилъ къ Королевскому проливу у Кергуэлена, гдѣ Тэнглинъ долженъ былъ остановиться, никакихъ слѣдовъ пребыванія его не обнаружилось. Наконецъ только разсмотрѣли сигнальный шестъ съ германскимъ флагомъ, и въ развалившейся хижинѣ тюленебоевъ, на островкѣ Хогъ-Исландѣ, нашли бутылку съ письмомъ, увѣдомлявшимъ, что Энценшпергеръ перенесъ станцію въ бухту Обсерваторіи, гдѣ всѣ условія для устройства станціи были благопріятнѣе.

*) Экспедиціей Маріона, въ 1771 г.

Когда Гауссъ сталъ на якорь въ бухтѣ Обсерваторіи 2-го января, дѣло нашлось сейчасъ же въ изобиліи. Надо было помочь Энценшпергеру съ товарищами достроить обсерваторію, принять и погрузить на Гауссъ запасы топлива и провіанта, и помѣстить на кораблѣ собакъ.

Нѣсколько недѣль прошли быстро; каждый свободный часъ уходилъ на продолженіе и пополненіе отчетовъ о сдѣланныхъ уже экспедиціей наблюденіяхъ. Наконецъ, 31-го января 1902 г., утромъ, Гауссъ выступилъ навстрѣчу полярнымъ льдамъ, къ конечной цѣли своего путешествія.

Только черезъ два мѣсяца, 2-го апрѣля, случай занесъ германскій пароходъ «Эссенъ» на Кергуэленъ, хотя и въ другую бухту; здѣсь его однако-жъ сейчасъ же открыли обитатели станціи, не имѣвшіе никакого иного случая для отправки на родину какъ своихъ сообщеній, такъ и полученной имъ съ Гаусса почты.

Тяжело нагруженный взятыми съ Кергуэлена запасами дровъ и провіанта Гауссъ направился къ юго-востоку. Послѣ трехдневной ѣзды по очень неспокойному морю путешественники еще разъ остановились у маленькой группы острововъ Макдональда. Эти острова были открыты въ 1853-мъ *) году, — съ тѣхъ поръ ихъ посѣтила только одна научная экспедиція (Челленджера), да нѣсколько разъ наѣзжали тюленебои; поэтому ихъ стоило еще разъ посѣтить, особенно большой островъ Хирдъ съ его доходящими до 2000 метровъ горными вершинами. Съ гигантскаго ледяного купола къ сѣверу спускаются семь глетчеровъ до самаго моря,—это въ сущности одна ледяная шапка, отроги которой сползаютъ во всѣ стороны къ морю или въ самое море. Между ними врѣзаются нѣсколько бухтъ,—онѣ принимаютъ въ себя ручьи съ глетчеровъ и служатъ мѣстомъ, куда слетается чуть не все птичье царство южнаго полушарія: гигантскіе буревѣстники *), пингвины, чайки, капскіе голуби и др.

Приставая къ берегу, путешественники увидали на возвы-

*) Кап. Хирдомъ.
*) (Procellaria antarctica).

шенности между двумя сѣверными бухтами огромное стадо морскихъ слоновъ, состоявшее по крайней мѣрѣ изъ 400 штукъ.

Все время отъ полудня до наступленія темноты ушло на посѣщеніе большого глетчера, собираніе камней и охоту. Когда путешественники садились въ лодку, чтобы отправиться на бортъ, бурная прибойная волна окатила ихъ съ ногъ до головы и промочила насквозь. Близъ устья ручья еще уцѣлѣла полуразвалившаяся хижина тюленебоевъ, и надпись разсказывала о спасеніи пріютившихся послѣ кораблекрушенія моряковъ американскимъ военнымъ судномъ. Вскорѣ все скрылось изъ виду,—ночь и туманъ поглотили очертаніе острова, закованнаго въ ледяной панцырь и омываемаго морскимъ прибоемъ.

Море было очень безпокойно: тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день, путешествіе продолжалось на юго-востокъ, по направленію къ Землѣ Уилькса. 7-го февраля была встрѣчена первая столообразная ледяная гора; еще нѣсколько айсберговъ встрѣтилось въ послѣдующую бурную ночь и на слѣдующій день ихъ видѣли уже цѣлыхъ полдюжины. Съ этихъ поръ ледяныя горы появлялись одна за другой, и 13-го февраля корабль былъ уже на краю сплошного пловучаго льда, а съ 15-го февраля углубился въ него, съ трудомъ пролагая путь къ югу, по протокамъ и открытымъ мѣстамъ между льдинами.

Льдины, сначала мелкія и круглыя, стали большими плитами, поднимавшимися на 2—3 фута надъ поверхностью моря, такъ что 15-го февраля на нихъ уже было можно произвести первыя магнитныя наблюденія. Экспедиція Уилькса въ 1840 году полагала, что нашла здѣсь край полярнаго материка, но послѣдующія экспедиціи земли не нашли и Дригальскій также безуспѣшно искалъ ее въ означенной мѣстности. Только далекая цѣпь ледяныхъ горъ на югѣ нѣсколько разъ обманывала путешественниковъ, заставляя предполагать присутствіе берега. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ признакамъ было можно съ вѣроятностью сказать, что за этими, нанесенными моремъ, массами льда, хотя довольно далеко, находится материкъ.

Въ тщетной борьбѣ со льдомъ Гауссъ прошелъ вдоль края сплошного льда на западъ и 18-го февраля приступилъ къ новой попыткѣ вторгнуться въ средину льдовъ.

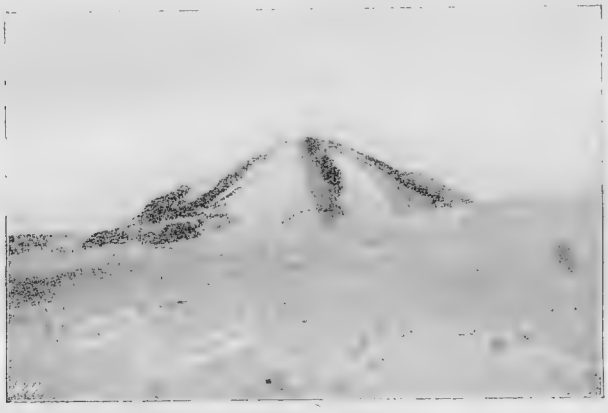
Сначала судно пробиралось между старыми рыхлыми глыбами, но послѣ полудня встрѣтило болѣе твердый ледъ и значительное число высокихъ айсберговъ. Ночью подъ снѣгомъ и дождемъ Гауссъ съ трудомъ продвигался впередъ, а на слѣдующій день два измѣренія глубины дали поразительный результатъ—лотъ достигалъ морского дна всего на глубинѣ 240 метровъ,—слѣдовательно судно плыло уже надъ подводнымъ основаніемъ антарктическаго полярнаго материка. Пингвины и тюлени плавали по морю на столообразныхъ ледяныхъ горахъ; къ вечеру Гауссъ неожиданно вышелъ изъ льдовъ въ открытое море при попутномъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи. Вокругъ плавали большія ледяныя горы, но весь слѣдующій день было можно итти къ югу по свободному морю. Мелкія, разсыпавшіяся волны обливали судно и вмѣстѣ со снѣжной мятелью окутывали его ледяной коркой. 21-го февраля рано утромъ была усмотрѣна земля. Пробираясь между высокими ледяными горами, Гауссъ достигъ отвѣсной стѣны материковаго льда; здѣсь онъ принялъ западное направленіе и весь день шелъ впередъ до наступленія ночи; ночью поднялась снѣжная буря и принудила корабль лавировать между льдинами и айсбергами. Въ 4 часа утра оказалось невозможно долѣе удержать судно на свободѣ: глыбы льда стѣснили его со всѣхъ сторонъ, а упорная трехдневная снѣжная буря, сковавшая ледъ, отняла всякую возможность выбиться изъ него. Приходилось рѣшиться зимовать здѣсь, на $91^0\ 8'$ в. д. и $66^0\ 2'$ ю. ш., во льду вмѣсто твердой земли, и начать приготовленія къ научной работѣ.

23-го февраля былъ сдѣланъ первый выѣздъ по льду на ловлю пингвиновъ, 25-го спустили на ледъ собакъ, а 1-го марта во временной обсерваторіи на льду уже начались магнитныя наблюденія. Слѣдующій день принесъ небольшое волненіе,—цѣпь огромныхъ ледяныхъ горъ приближалась съ такою быстротою, что, казалось, ледяное поле, въ которое вмерзъ Гауссъ, разобьется и судно снова освободится. Но эта цѣпь подошла и залегла длинной вереницей на сѣверѣ, такъ что все ледяное поле осталось неприкосновеннымъ, и такъ непоколебимо пролежало еще цѣлыхъ десять мѣсяцевъ.

Гауссъ находился на разстояніи километровъ 85-ти отъ края

материковаго льда на неглубокомъ мѣстѣ—около 300—400 метровъ глубины. На плоскихъ мелякъ, пересѣкающихъ это водное пространство, лежали многочисленныя ледяныя горы, державшія въ цѣлости ледяное поле между ними. На югѣ виднѣлся материковый ледъ съ нагроможденными передъ нимъ льдами, на востокѣ болѣе высокія части материка, съ высокой, свободной ото льда, вулканической вершиной, получившей имя горы Гаусса.

Послѣ того, какъ мятели и морозы заполнили провалы и неровности льда, положеніе зимующихъ, несмотря на дальность



Гора Гаусса съ запада.

материка, могло считаться довольно надежнымъ и благопріятнымъ.

Первыя недѣли, конечно, ушли на постройку на льду многочисленныхъ обсерваторій, предназначенныхъ для астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, на измѣреніе температуры льда и морской воды, на ловлю рыбы подо льдомъ и другія работы. Кромѣ того, осеннее время, пока не прекратился день, было использовано на двѣ санныя поѣздки; первая состоялась въ мартѣ и повела за собою изслѣдованіе горы Гаусса и восхожденіе на нее. Вторая поѣздка въ апрѣлѣ—совершилась по тому же направленію: у подошвы горы была

построена метеорологическая станція и произведены геологическія наблюденія. Наступившія въ маѣ зимнія снѣжныя бури положили всякимъ экскурсіямъ конецъ.

Сейчасъ же, вслѣдъ за окончательной остановкой корабля, въ мартѣ, была закончена установка воздушнаго шара на привязи, такъ что уже 29-го марта было возможно предпринять нѣсколько подъемовъ на высоту до 500 метровъ, откуда открывался прекрасный видъ на бухту и окрестную страну.

Склады и обсерваторія вокругъ Гаусса.

Земля, открытая экспедиціей Гаусса, получила названіе Земли Императора Вильгельма II; у берега моря она образовала заливъ, получившій по имени одного изъ германскихъ министровъ названіе бухты Позадовскаго.

Вся страна представляла ровное, покрытое снѣгомъ и льдомъ пространство, у края котораго на берегу моря поднимался невысокій (366 метровъ) потухшій вулканъ,—гора Гаусса. Онъ былъ свободенъ отъ снѣга и льда, и лишь кое-гдѣ покрытъ тощими лишайниками; зато на немъ во множествѣ гнѣздились морскія птицы.

Вначалѣ, пока путешественники не свыклись съ насту-

шившими снѣжными бурями, были очень затруднительны частые, необходимые для наблюденія, переходы отъ корабля къ разбросаннымъ по льду отдѣльнымъ постройкамъ. Высокій остовъ Гаусса исчезалъ изъ глазъ, едва отъ него удалялись на десятокъ шаговъ. Такимъ образомъ 26-го апрѣля хватились одного матроса, отправившагося на участокъ не далѣе 10-ти метровъ. Весь экипажъ судна, связавшись канатами, сейчасъ же пустился на поиски потеряннаго товарища; его нашли, нако-

Гауссъ и его вѣтряной моторъ послѣ снѣжной бури.

пецъ, около расположенной въ 40 метрахъ отъ судна метеорологической станціи, на которую онъ случайно наткнулся. Впослѣдствіи всѣ обсерваторіи были соединены съ кораблемъ канатами, вдоль которыхъ можно было передвигаться. Въ маѣ снѣжныя бури стали такъ сильны, что походная кузница, нѣсколько лопатъ и другіе инструменты были засыпаны и частью погибли, такъ какъ ледъ подался подъ тяжестью снѣговыхъ массъ, раскололся и значительно погрузился въ море. Самое судно временами бывало наполовину засыпано исполинскими снѣжными заносами и порою сильно кренилось на одинъ бокъ.

Откапываніе его стоило большихъ трудовъ, при чемъ послѣ первой же мятели все опять принимало прежній видъ.

Отъ холода на кораблѣ не страдали даже тогда, когда прекратилось нагрѣваніе котла и пришлось отказаться отъ парового отопленія,—тепло такъ хорошо держалось внутри корабля, что нѣсколькихъ антрацитовыхъ печекъ оказалось вполнѣ достаточно. Гораздо болѣе пришлось пожалѣть объ электрическомъ освѣщеніи, прекратившемся съ прекращеніемъ пара. Маленькій вѣтряный моторъ, находившійся на кораблѣ, оказался совсѣмъ неприспособленнымъ къ воздушнымъ теченіямъ южно-полярныхъ странъ. Керосинъ былъ взятъ въ ничтожномъ количествѣ, такъ что главный машинистъ Стэръ занялся изобрѣтеніемъ и изготовленіемъ лампъ для ворвани, которыя скоро поступили въ общее употребленіе въ большомъ количествѣ и дѣйствовали отлично.

Въ темные зимніе мѣсяцы путешественники большею частью проводили время на кораблѣ, но съ наступленіемъ болѣе теплой погоды, въ сентябрѣ, снова начались санныя поѣздки по льду, преимущественно вдоль границы материковаго льда, и въ свободное отъ работъ время почти всѣ занимались болѣе или менѣе длинными прогулками, кто на лыжахъ, кто на запряженныхъ собаками саняхъ. Къ сожалѣнію, поѣздки на болѣе далекія разстоянія ни внутрь материка, ни вдоль берега такъ и не предпринималось.

Съ декабря состояніе льда и разрыхленіе снѣжнаго покрова сдѣлали дальнѣйшія поѣздки затруднительными, а подъ конецъ совершенно невозможными, такъ что путешественникамъ пришлось ограничиться небольшими экскурсіями и продолженіемъ стаціонарныхъ наблюденій, которыя все время велись очень усердно, пока въ концѣ января не пришли въ движеніе ближайшія ледяныя горы, что указывало на близкое освобожденіе изъ ледяной тюрьмы.

Уже цѣлыя недѣли экспедиція работала надъ тѣмъ, чтобъ облегчить освобожденіе судна изо льда: прежде всего по направленію съ запада на востокъ, передъ носомъ корабля, была насыпана широкая—въ 10 метровъ—полоса мусора, чтобы весною концентрація солнечныхъ лучей извѣстнымъ образомъ

вызвала таяніе льда. Эта цѣль была достигнута вполнѣ: въ теченіе января подъ слоемъ мусора образовалась глубокая борозда, вдоль которой треснулъ ледъ 8 февраля. За недѣлю передъ этимъ широкое ледяное поле—съ поверхностью въ восемь квадратныхъ километровъ,—посреди котораго лежалъ Гауссъ, пришло въ движеніе, но было снова задержано окружающими ледяными горами.

Тѣмъ не менѣе машины были вычищены, все приготовлено для уборки станціонныхъ построекъ; солнцу помогли взрывами большихъ порцій робурита, и 8 февраля при взломѣ льда все

Гауссъ, занесенный снѣгомъ (лѣто).

быстро привели въ порядокъ, такъ что къ вечеру Гауссъ могъ подъ парами выйти изъ десятимѣсячной ледяной тюрьмы и направиться на западъ.

На слѣдующее утро разразилась жестокая снѣжная буря и началась трехдневная упорная борьба съ льдинами, во время которой судно медленно подвигалось къ западу. Путешественники не могли выбраться изъ льдинъ и движущихся ледяныхъ горъ, не подавшись значительно на сѣверъ, чѣмъ уклонялись отъ цѣли путешествія. Съ другой стороны, оставаясь среди скопленія льдовъ, они рисковали снова застрять и остаться въ такомъ положеніи еще на цѣлый годъ.

При такихъ обстоятельствахъ Дригальскій рѣшилъ выбраться изъ льдовъ и ѣхать къ западу вдоль края движущагося льда до той долготы, гдѣ въ 1874 году экспедиціи Челленджера удалось гораздо далѣе пробраться на югъ. Однако ему это не очень удавалось, и больше мѣсяца еще Гауссъ оставался затертый льдинами, тщетно пытаясь выбраться изъ нихъ. Наконецъ, 16 марта судно вышло за сѣверную границу сплошныхъ льдовъ и направило свой курсъ на западъ; 18 марта на югѣ передъ Гауссомъ открылось свободное водное пространство, что подавало нѣкоторую надежду, на этотъ разъ, пройти къ югу, дальше, чѣмъ въ первую зимовку. Но уже на слѣдующій день западный вѣтеръ нагналъ огромныя массы льда и снова началась 14-дневная борьба съ льдинами и айсбергами; судно, лавируя и изощряясь во всѣхъ тонкостяхъ навигаціи, шло то по южному, то по западному направленію. 8 апрѣля разразилась новая буря, приведшая въ неистовое волненіе все покрытое льдомъ море. Мелкія льдины были давно раздроблены и разогнаны; теперь въ столкновеніи съ волнами и горами разлетѣлись на куски болѣе крупныя плиты, вся ледяная поверхность дико волновалась; буря пригнала судно къ исполинской ледяной горѣ, у подошвы которой кипѣлъ грозный прибой. Такое положеніе и очевидная невозможность въ это позднее время года еще разъ пройти къ югу привели начальника экспедиціи къ окончательному рѣшенію—покинуть льды, а вмѣстѣ съ ними и антарктическую область. Самый южный пунктъ, достигнутый экспедиціей, лежалъ приблизительно подъ 65° южной широты на границѣ между квадрантами Эндерби и Викторіи.

9-го апрѣля Гауссъ вышелъ окончательно изъ полосы сплошного льда, а 12-го простился съ послѣдними плавучими льдами. 19-го апрѣля судно заѣхало въ Кергуэленъ за оставшимися тамъ членами экспедиціи и отправились въ Индійскій океанъ, къ островамъ Св. Павла и Нов. Амстердамъ, чтобы сдѣлать тамъ нѣкоторыя научныя наблюденія. 11-го мая пассажиры Гаусса съ восторгомъ замѣтили на горизонтѣ первый корабль, а 31-го мая 1903 года судно стало на якорь въ гавани Портъ-Наталя, въ Южной Африкѣ.

Всѣ члены экспедиціи благополучно возвратились въ Европу за исключеніемъ д-ра Эпцепшпергера, который скончался въ Кергуэленѣ въ февралѣ 1903 года отъ сонной болѣзни (бери-бери).

Наиболѣе важное географическое пріобрѣтеніе экспедиціи Дригальскаго—это значительно укрѣпившаяся, почти несомнѣнная увѣренность въ томъ, что у южнаго полюса мы имѣемъ дѣло съ мощнымъ, совершенно погребеннымъ подо льдомъ материкомъ, а не со свободнымъ моремъ, отчасти покрытымъ скопленіями льда и отдѣльными оледенѣвшими островами, какъ это до сихъ поръ предполагали нѣкоторые.

Изслѣдованія границъ антарктической области оставляли на восточной сторонѣ между Землями Уилькса и Эндерби около 40° широты совершенно неизслѣдованнаго пространства, и казалось возможнымъ, а нѣкоторыми извѣстными географами даже предполагалось на основаніи метеорологическихъ данныхъ, что здѣсь существуетъ свободный ото льда проходъ, который ведетъ глубоко внутрь ледовитой области, подобно морю Уэдделя или морю Росса. Нѣкоторые высказывались даже за возможность существованія временами открытаго водянаго сообщенія между глубоко вдающимся въ область Антарктиды моремъ Уэдделя и этой неизвѣстной, только мимоходомъ задѣтой экспедиціей Челленджера, страной. Здѣсь легко могло проходить теченіе, пересѣкающее всю область Антарктиды подобно теченіямъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, и по этому теченію, полагали они, при благопріятныхъ условіяхъ корабль могъ бы пройти гораздо дальше къ южному полюсу, чѣмъ всевозможныя санныя экспедиціи.

Экспедиція Гаусса положила конецъ всѣмъ этимъ предположеніямъ. Присутствіе твердой земли, выдвинутой почти до 65° южной широты, характерныя атмосферныя явленія, измѣренія морской глубины—все говоритъ за существованіе материковой массы, которая лежитъ вокругъ полюса, наиболѣе выдвинута въ сторону восточнаго полушарія и, кромѣ уже извѣстныхъ глубокихъ заливовъ моря Росса и моря Уэдделя врядъ ли имѣетъ другія значительныя выемки. Интересны также

метеорологическія наблюденія, собранныя экспедиціей. Изо всѣхъ климатовъ, встрѣчающихся на окраинахъ антарктическаго материка, климатъ, царящій на ничѣмъ не защищенной полосѣ берега, обращеннаго къ Индійскому океану, кажется дѣйствительно наиболѣе непривѣтливымъ. Бури, происходящія тамъ, нельзя сравнить ни съ чѣмъ; противъ нихъ безполезны всякія усилія, гонимыя ими снѣжныя массы засыпаютъ одинаково легко цѣлый корабль и одинокую палатку санной экспедиціи, заставляя своею тяжестью толстую ледяную кору проваливаться и погружаться въ море; бушуя два, три, пять дней непрерывно съ неуменьшающеюся яростью, онѣ представляютъ собою самое величавое и непреодолимое явленіе антарктической природы. Порою предвѣщаемыя облаками, порою разражаясь внезапно, онѣ мгновенно наполняютъ снѣгомъ весь воздухъ, дѣлая невозможнымъ что-нибудь разглядѣть на разстояніи нѣсколькихъ метровъ.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Дригальскій: «Во время одной санной экскурсіи, находясь впереди, я внезапно пересталъ видѣть слѣдующія за мною сани. Я остановился, собаки налетѣли на меня; мы съ трудомъ поставили палатку, втащили сани, чтобы ее поддержать и подпереть, и послѣ того день и ночь и еще день и ночь лежали, не имѣя возможности оставить палатку, скученные въ количествѣ 8-ми человѣкъ на крошечномъ пространствѣ, гдѣ въ теченіе 48-ми часовъ совершали всѣ жизненныя отправленія. Снаружи ревѣла буря, потрясая палатку, которую мы подпирали и держали извнутри. Понемногу палатку занесло снѣгомъ, проникавшимъ черезъ всѣ отверстія, такъ что намъ пришлось цѣлые часы работать, чтобы отрыть палатку, когда, наконецъ, послѣ долгаго ожиданія буря утихла». Немного мягче поступали бури съ самимъ судномъ, иногда почти совершенно погребая его и заставляя клониться на бокъ подъ тяжестью снѣга. Порою, когда всѣ люки и окна заносились снѣгомъ, экипажъ сидѣлъ въ каютахъ, какъ въ большомъ гробу, и постоянно, едва удавалось съ трудомъ отрыться, слѣдующая буря приводила все въ прежній видъ. Даже лѣтомъ, въ серединѣ января, разражались ужасныя, длившіяся цѣлый день, снѣжныя бури; въ маѣ и августѣ онѣ бушуютъ почти непрерывно.

Благодаря положенію Гаусса въ прибрежной полосѣ путешественники могли изучить фауну окружающаго южный материкъ, сравнительно мелкаго моря, весьма обстоятельно. Какъ до сихъ поръ утверждаютъ всѣ изслѣдователи, собственно антарктическій животный міръ, населяющій материкъ и окружающее мелководье, бѣденъ видами. Изъ млекопитающихъ встрѣчаются только киты и тюлени, да и изъ тѣхъ только немногіе виды. Въ особенности между китами, встрѣченными въ 1902 году при вступленіи въ область льдовъ, и въ 1903 году во время санныхъ экскурсій по близости отъ окраинъ льда, не

Тюлень, выглядывающій изъ подо льда.

попадалось вовсе крупныхъ, стоющихъ охоты, видовъ. Экипажъ Гаусса встрѣтилъ только нѣсколько китовъ и дельфиновъ, которые порою появлялись въ полыньяхъ и удивительными прыжками подкидывали свои грузныя тѣла надъ льдинами. Точно такъ же только изрѣдка попадались тюлени и то по одиночкѣ, а не стадами. Наиболѣе крупные виды—мощный морской слонъ въ 5—6 метровъ длиною и изящный морской леопардъ со своимъ пятнистымъ мѣхомъ,—держатся главнымъ образомъ на глубокомъ морѣ и не проникаютъ южнѣе внѣшняго пояса сплошного льда. По близости материка встрѣчались только болѣе мелкіе виды, изъ которыхъ тюлень Уэдделя попадался даже довольно часто. На его длинномъ (въ 9—10 футовъ) туло-

вищѣ сидитъ небольшая, изящная по сравненію съ мощнымъ объемомъ груди, голова. Неуклюжіе и неповоротливые на льду, въ водѣ эти тюлени въ высшей степени проворны и быстры, хотя, не зная враговъ и не привыкши къ бѣгству, въ воду шли очень неохотно, только когда ранены или очень проголодались. Тогда можно было слышать, какъ они проносились подо льдомъ съ шумомъ, напоминающимъ свистъ пули, отыскивая и проламывая болѣе тонкія мѣста ледяной коры, которыя они снизу различали по освѣщенію.

Пищу тюленей составляютъ рыбы и каракатицы, остатки которыхъ находили въ желудкахъ убитыхъ животныхъ въ не-

Императорскіе пингвины.

вѣроятномъ количествѣ. Въ началѣ октября на свѣтъ появляется дѣтеныш, всегда одинъ, уже при рожденіи фута въ четыре ростомъ. Тюлени были такъ довѣрчивы, какъ только могутъ быть довѣрчивы животныя, не знающія человѣка и не имѣющія никакихъ враговъ вокругъ себя. «При приближеніи человѣка», пишетъ зоологъ экспедиціи, Ванхёффенъ, «они бросали на него изумленные взгляды и, сейчасъ же успокоившись, снова ложились на бокъ. Замѣшательство выражалось комичнымъ почесываніемъ спины и головы. Даже матери съ новорожденными дѣтенышами никогда не пытались напасть на человѣка; иногда онѣ щелкали

челюстями съ видомъ безпечной угрозы, и старались лечь между дѣтенышемъ и нападающимъ. Если дѣтеныша утаскивали, мать ползла за нимъ, точно гусеница, уткнувъ голову въ ледъ, поднявъ плечи и на мычанье дѣтеныша отвѣчала такими же звуками. За старыми животными охотились ради свѣжаго мяса, и необходимаго жира для освѣщенія, за молодыми изъ-за мѣха»

Богаче всего, конечно, былъ представленъ міръ птицъ, которыя существенно отличались отъ вяловатыхъ тюленей своею живостью. Больше всего было большихъ, красивыхъ императорскихъ пингвиновъ (Aptenodytes forsteri), которые прогуливались по льду стаями штукъ въ 200. Эти исполинскія,—до 35-ти килограммовъ вѣсомъ,—птицы окрашены бѣлымъ цвѣтомъ снизу, крылья и спину имѣютъ сѣроголубыя, съ оранжевыми пятнами по обѣимъ сторонамъ горла. Онѣ не гнѣздились и не выводили птенцовъ на горѣ Гаусса, какъ маленькіе буревѣстники, но часто водили туда на прогулки свое потомство, такъ что многіе птенцы были пойманы. «Они», пишетъ Ванхёффенъ, «важно выступаютъ по льду; увидѣвъ что-нибудь необычайное,—людей, собакъ, другихъ пингвиновъ—останавливаются, выпрямившись во весь ростъ, и кричатъ. Въ такихъ случаяхъ они съ любопытствомъ подходили ближе и по большей части дѣлались жертвами своего любопытства. На четверенькахъ по гладкому снѣгу, подпираясь крыльями, они уползаютъ такъ быстро, что человѣкъ насилу поспѣваетъ за ними».

Пингвины выпрыгиваютъ на ледъ.

Какъ всѣ живыя существа антарктическаго міра, пингвины

должны добывать себѣ пищу въ водѣ, почему превосходно плаваютъ и ныряютъ. Въ мелководье они ныряютъ до дна, охотясь за рыбой и головоногими; подъ водой они бросаются,—скорѣе летятъ, чѣмъ плывутъ,—ихъ ноги неподвижны, а гребутъ короткія крылья,—отъ одного отверстія до другого. Стремительность ихъ подъ водой такъ велика что выскакивая пингвины взлетаютъ почти на высоту человѣческаго роста и оттуда падаютъ на свою мягкую, обложенную жиромъ, грудь. Люди экспедиціи пользовались ихъ искусствомъ нырять чтобы протягивать подо льдомъ веревки невода отъ одного отверстія до другого. Они привязывали веревку къ ногѣ пингвина и пускали его въ воду. Отверстіе сейчасъ же закрывалось досками; птица бросалась къ ближайшей дырѣ во льду и выскакивала наружу вмѣстѣ съ веревкой. Къ этой веревкѣ можно было пристраивать сѣть для рыбной ловли. Въ эти сѣти попадалось всевозможное морское звѣрье—невѣдомыя рыбы на ряду съ родичами обычныхъ сѣверныхъ видовъ, морскія звѣзды и полипы, кораллы, ракообразныя голотуріи, моллюски и черви, странныя фигуры которыхъ теперь красуются въ музеяхъ.

Болѣе рѣдкимъ но и болѣе дерзкимъ оказывался вдвое меньшій пингвинъ Адели (Pygscelis Adeiae), дѣлавшій постоянно отчаянныя попытки нападенія на упрямыхъ собакъ, какіе бы горькіе опыты онъ не получалъ въ этихъ битвахъ. Исполинскіе буревѣстники и хищныя чайки угрожали птенцамъ пингвиновъ и окружали больныхъ и старыхъ пингвиновъ, ожидая ихъ конца.

Но самыя интересныя наблюденія доставляли два вида маленькихъ буревѣстниковъ, строившихъ гнѣзда и выводившихъ птенцовъ въ разсѣлинахъ горы Гаусса,—довѣрчивыя, хорошенькія на видъ птицы. Бѣлый буревѣстникъ *) былъ бы совершенно незамѣтенъ на полетѣ и снѣгу, благодаря бѣлому атласистому оперенью, если бы его не выдавали два черныхъ пятышка—лапы и клювъ.

Такимъ образомъ естествоиспытатели экспедиціи провели 14 мѣсяцевъ во льду, постоянно стремясь изучить каждое проявленіе и каждую форму жизни, которыя имъ представляли южный материкъ и его ледяная оболочка, начиная отъ китовъ

*) Pagodroma nivea.

и тюленей и кончая бактеріями птичьихъ поселковъ и лишайниками и мхами въ разсѣлинахъ горы Гаусса.

VII.

Положеніе англійской экспедиціи вначалѣ было хуже, чѣмъ германской; правительство, какъ вѣроятно помнитъ читатель, отказалось поддержать ее. Лондонское географическое общество могло дать слишкомъ мало (5 тыс. фун. стер.) и пришлось собирать деньги подпиской.

Подписка вначалѣ имѣла незначительный успѣхъ, но затѣмъ въ мартѣ 1889 года, одинъ изъ членовъ лондонскаго географическаго общества, М. Лонгстаффъ, пожертвовалъ на снаряженіе экспедиціи 25 тыс. фунтовъ (250 тыс. р.), и вскорѣ вмѣстѣ съ пожертвованіями другихъ членовъ этого общества составилась крупная сумма въ 40 тыс. ф. с. Тогда правительство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія уже не сочло возможнымъ отказать экспедиціи въ поддержкѣ, и съ своей стороны ассигновало такую же сумму; всего съ частными пожертвованіями набралось около 100 тыс. ф. с.

Теперь денегъ было достаточно, и экспедиція стала снаряжаться. На огромныхъ верфяхъ въ Дёнди было выстроено для экспедиціи спеціальное судно,—«Дисковери» по своему типу довольно близко подходящее къ Гауссу, но значительно больше его и могущее развивать большую скорость. Точно такъ же были очень хорошо оборудованы каюты, лабораторіи (особенно магнитная) и взятъ привязной шаръ.

Начальникомъ экспедиціи и въ то же время капитаномъ корабля былъ избранъ Робертъ Скоттъ, помощниками капитана—лейтенанты Е. Ройдсъ, Эрмитеджъ и Э. Шекльтонъ, принимавшіе участіе и въ научныхъ работахъ экспедиціи. Кромѣ того, въ составъ ея входили: врачъ, д-ръ Р. Коттлицъ и четверо ученыхъ: Уильсонъ и Ферраръ—зоологи, Ходгсонъ—біологъ и Лун Берначчи,—спеціалистъ по земному магнитизму и метеорологъ, спутникъ Борхгревинка во время его послѣдняго путешествія.

18 марта Дисковери—былъ спущенъ на воду, а въ августѣ

1901 года онъ уже покинулъ Англію, направляясь въ Капштадтъ. Изъ Капштадта Дисковери вышелъ значительно раньше, чѣмъ Гауссъ, поэтому и раньше достигъ своей ближайшей цѣли—Литтльтона на Новой Зеландіи—и уже въ концѣ декабря 1901 года могъ отправиться на югъ къ области своихъ операцій на землѣ Викторіи.

Подобно германцамъ англичане по пути также поставили себѣ маленькую побочную задачу. Они рѣшили зайти на небольшой островъ Маккари между Новою Зеландіей и южнымъ полярнымъ материкомъ, и черезъ 53 дня по выходѣ изъ Капштадта Дисковери былъ уже у береговъ этого заброшеннаго въ океанѣ острова. Островъ Маккари, имѣющій въ окружности 35 километровъ, населенъ невѣроятнымъ количествомъ антарктическихъ птицъ. Пингвины гнѣздились здѣсь тысячами; кромѣ большихъ королевскихъ пингвиновъ, *) здѣсь былъ найденъ еще другой видъ, съ хохолкомъ въ видѣ пучка желтыхъ перьевъ на головѣ. **) Хищныя чайки и буревѣстники попадались массами, однихъ полярныхъ буревѣстниковъ было отправлено въ Англію шесть новыхъ видовъ. Англичане собрали здѣсь богатую орнитологическую коллекцію, отправленную изъ Литтльтона въ Англію въ шести большихъ ящикахъ.

На пути въ Новую Зеландію Дисковери потерпѣлъ столкновеніе со льдиной, и въ Литтльтонѣ былъ принужденъ лечь въ докъ. Въ виду этого Скоттъ настойчиво потребовалъ себѣ изъ Англіи вспомогательное судно, которое и было отправлено оттуда въ послѣднихъ числахъ іюля 1902 года. Это было норвежское китобойное судно «Моргенъ», выстроенное въ 1871 году; его купили и перекрестили въ «Морнингъ». Снабженный провіантомъ и большими запасами угля, Морнингъ подъ начальствомъ капитана Кольбека, прежняго спутника Борхгревинга, долженъ былъ отправиться къ берегамъ Земли Викторіи, гдѣ ко времени его прибытія въ декабрѣ или январѣ (антарктическое лѣто) англійская экспедиція была должна закончить свою первую зимовку и начать изслѣдованіе береговъ.

Отъ береговъ Новой Зеландіи Дисковери отправился на югъ 21 декабря 1901 года, и на первый день Рождества, подъ 67°

*) Aptenodytes pennati.
**) Хохлатый пингвинъ (Eudyptes chrysocoe)

южной широты, вступилъ въ область сплошного плавучаго льда. 9 января 1902 года судно достигло мыса Эдери, и пошло между ледяными массами вдоль берега до того мѣста, гдѣ Великій Барьеръ примыкаетъ къ высокому берегу земли Викторіи близъ вулкановъ Эребусъ и Терроръ *).

Здѣсь у края стѣны оказался свободный проходъ и Дискверри продолжалъ свой путь въ восточномъ направленіи вдоль ледяной стѣны, гораздо дальше, чѣмъ въ свое время могли пройти Россъ и Борхгревинкъ. Эта поѣздка дала Скотту поводъ думать,

Ледяная, стѣна Росса.

что справедливо мнѣніе англійскаго географа Маркгама; по мнѣнію послѣдняго, Великій Барьеръ представляетъ собою не фронтъ материковаго глетчера, а исполинскую плавучую ледяную массу, за которой, быть можетъ, еще находится свободное море. Дѣйствительно, можно было наблюдать значительное передвиженіе этой ледяной стѣны по сравненію съ прежними наблюденіями. Подвигаясь далѣе на востокъ, Скоттъ добрался

*) Какъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ, у подножія Террора, Борхгревинкъ нашелъ довольно широкую полосу пляжа.

до восточного края Великаго Барръера и открылъ здѣсь землю, которую въ честь англійскаго короля, назвалъ Землей Короля Эдуарда. Такъ какъ здѣсь зимовать, однако, было невозможно, Скоттъ 31 января 1902 г. повернулъ подъ 152°30′ зап. долготы назадъ и вернулся къ Землѣ Викторіи, гдѣ экспедиція зазимовала, выбравъ мѣсто какъ можно ближе къ вулканамъ.

Оказалось, что вулканы, открытые Россомъ, стоятъ не на материкѣ, а на островѣ, который на западѣ отдѣленъ отъ материка заливомъ Макъ-Мурдо: на востокѣ къ острову примыкаетъ Великій Барръеръ, а на юго-западѣ лежитъ рядъ островковъ, которые соединены другъ съ другомъ и съ материкомъ сплошной массой льда. Скоттъ и рѣшилъ зазимовать въ заливѣ Макъ-Мурдо, у берега острова, на которомъ возвышаются вулканы.

Дискавери вмерзъ въ ледъ окончательно только 24 марта. Были воздвигнуты необходимыя для зимовки постройки, и члены экспедиціи занялись подъемами на шарѣ и предварительными экскурсіями внутрь страны, чему въ общемъ погода мало благопріятствовала. Суровая снѣжная буря чуть не погубила ихъ въ одну изъ такихъ экспедицій, при чемъ погибъ одинъ изъ матросовъ, свалившійся съ утеса.

Запасенный провіантъ оказался, къ сожалѣнію, очень плохъ, но этотъ недостатокъ можно было отчасти пополнить охотою. Когда же наступила настоящая зима съ холодами до 33° ниже нуля и бурями силою отъ 130 до 170 километровъ въ часъ, всѣ небольшія поѣздки пришлось прекратить.

Началась зимовка, которая прошла для путешественниковъ болѣе или менѣе благополучно, хотя было нѣсколько случаевъ цынги. Питались преимущественно консервами, а по воскресеньямъ свѣжей (мороженой) бараниной, которой корабль въ изобиліи снабдили овцеводы Новой Зеландіи.

День распредѣлялся такъ: вставали въ $7^1/_2$ ч. утра и въ 8 ч. утра завтракали; затѣмъ работали до часу дня; въ часъ обѣдъ, а послѣ него отдыхъ и спортивныя игры до вечера; въ 11 ч. спать.

Съ возвращеніемъ весны начались санныя экскурсіи; изъ нихъ самая значительная продолжалась болѣе трехъ мѣсяцевъ и была связана съ несказанными трудностями.

1 ноября 1902 года Скоттъ съ Шекльтономъ и Уильсономъ и съ нѣсколькими матросами взяли съ собой 18 ѣздовыхъ собакъ и сани съ достаточнымъ количествомъ провіанта и отправились на юго-западъ, по громадному, покрытому снѣгомъ ледяному пространству, которое на сѣверѣ обрывается въ видѣ ледяной стѣны Росса. На разстояніи 110 кил. отъ судна пришлось устроить складъ, на который можно было бы опираться. Потомъ началось тяжелое передвиженіе по мягкому, почти непроѣздному снѣгу; все время приходилось, перевезя впередъ половину саней, возвращаться и перетаскивать остальныя. Почти цѣлый мѣсяцъ мучилась такимъ образомъ, подвигаясь впередъ, экспедиція. Наконецъ, между 80° и 81° ю. ш. былъ устроенъ второй складъ, куда сложили все мало-мальски ненужное, чтобъ отправиться далѣе на югъ по возможности налегкѣ; 29 декабря 1903 г. подъ 82° 11, ю. ш. былъ самый южный пунктъ Антарктиды, достигнутый экспедиціей, и вообще когда-либо достигнутый людьми до сихъ поръ.

На западѣ тянулся высокій берегъ Земли Викторіи съ высотами въ 2000—3000 м.—безформенное собраніе скалъ, трещинъ и массъ льда. «Капитанъ Скоттъ», пишетъ одинъ изъ участниковъ экспедиціи, «поднялся на привязанномъ воздушномъ шарѣ выше береговъ этой непроходимой массы льда и увидѣлъ, насколько хватаетъ глазъ, безконечную ледяную пустыню, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзанную вулканическими утесами. Ясная погода позволяла различать далеко на югѣ высокій горный хребетъ, лежащій повидимому, между 83 и 84 градусомъ широты и казавшійся по меньшей мѣрѣ въ 3000—4000 метровъ высотою».

Отсюда рѣшено было возвратиться назадъ. Обратный путь оказался необычайно труднымъ. Такъ какъ свѣжей пищи не было, а захваченный съ собой кормъ оказался негоднымъ, собаки переколѣли и людямъ пришлось тащить сани на себѣ; дорогой Шекльтонъ едва не умеръ отъ холода. 3 февраля капитанъ Скоттъ и его спутники вернулись на Дисковери, гдѣ ихъ ждала большая новость.

За десять дней до ихъ возвращенія прибылъ Морнингъ, подъ искуснымъ руководствомъ капитана Кольбека.

Во время главной большой поѣздки Скотта на югъ лѣтомъ

1902—1903 года лейтенанты Эрмитеджъ и Скельтонъ съ своей стороны предприняли также самую значительную экскурсію въ западномъ направленіи, при чемъ подошли къ высокому берегу Земли Викторіи и совершили восхожденіе на него. По неровному шероховатому льду глетчеровъ они взобрались на высоту 2700 метровъ и перешли водораздѣлъ, который, повидимому, составляетъ самую высокую линію въ комплексѣ Земель Уилькса и Викторіи. Непрерывная однообразная ледяная поверхность тянется отсюда къ западу, оставаясь все время приблизительно на одной высотѣ и быть можетъ, сливается на югѣ съ необразимою ледяной равниной къ югу и востоку отъ горы Гаусса. Экспедиція Эрмитеджа и Скельтона тоже была сопряжена со всевозможными затрудненіями. У нихъ совсѣмъ не было собакъ, такъ что они должны были все время тащить сани на себѣ. На значительной высотѣ разрѣженность воздуха давала себя знать и одинъ изъ спутниковъ Эрмитеджа жестоко страдалъ отъ горной болѣзни. При переходѣ черезъ трещины въ материковомъ льду сани каждый разъ приходилось разгружать для легкости, вещи переносить по очереди, затѣмъ опять нагружать въ сани и ѣхать до новой трещины. Трещины нерѣдко были глубиною въ 50—60 футовъ, и настолько широки, что сани нельзя было перетащить иначе, какъ спуская ихъ на веревкѣ въ трещину, и вытаскивая наверхъ съ противоположной стороны. Люди, подобно альпинистамъ, связались другъ съ другомъ веревкой; тѣмъ не менѣе Эрмитеджъ провалился въ трещину,

Борхгревинкъ.

около 100 ф. глубины; на счастье веревка, къ которой онъ былъ привязанъ была очень крѣпка, и не оборвалась, такъ что его удалось невредимымъ вытащить изъ пропасти. На обратномъ пути экскурсантовъ застигла жестокая буря. Одинъ изъ нихъ, уроженецъ Новой Зеландіи, отбился отъ товарищей; напрасно онъ кричалъ, что было силъ, и бѣгалъ во всѣ стороны, разыскивая ихъ, все было напрасно; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ упалъ и заснулъ, занесенный падающимъ снѣгомъ. Когда онъ проснулся, то оказалось, что снѣгъ, засыпавшій его, растаялъ, и свѣтило яркое солнце. Вскочивши на ноги, онъ оглянулся и увидѣлъ вдалекѣ вмерзшій во льду корабль и черезъ нѣсколько часовъ былъ дома, гдѣ его уже считали погибшимъ. Оказалось, что онъ проспалъ въ снѣгу полтора сутокъ, и какимъ-то чудомъ остался цѣлъ и невредимъ!

По возвратимся къ вспомогательной экспедиціи Кольбека. Отплывши изъ Англіи въ іюлѣ мѣсяцѣ, Морнингъ въ началѣ января достигъ мыса Эдери и съ трудомъ пробрался сквозь льды вдоль берега Земли Викторіи. 23 января онъ нашелъ Дисковери, который такъ прочно сидѣлъ во льду, что являлось вопросомъ, удастся ли ему, освободиться лѣтомъ 1903 года. По протокамъ между льдами Морнингу удалось приблизиться къ Дисковери на разстояніе 18 килом.: онъ привезъ съ собой обильный грузъ новыхъ припасовъ, инструментовъ и даже смѣну людей на случай, если бы таковые понадобились.

Еще сильно потрясенный мученьями послѣдней санной поѣздки, Скоттъ въ виду этихъ обстоятельствъ сейчасъ же рѣшился провести во льду еще вторую зиму. Рѣшеніе Скотта въ этомъ случаѣ обусловливалось не только особенно благопріятнымъ полемъ дѣйствій, но и необходимостью при возвращеніи на Морнингѣ покинуть во льду свой корабль и часть коллекцій, не могшихъ умѣститься на Морнингѣ. Кромѣ того, онъ не былъ, подобно руководителю экспедиціи Гаусса, связанъ предписаніями и приказами начальства, а состоялъ полновластнымъ господиномъ своихъ дѣйствій.

По льду была проложена настоящая санная дорога, по которой пищевые и угольные запасы съ Морнинга перевезли на судно экспедиціи.

Кромѣ лейтенанта Шекльтона, совершенно лишеннаго силъ послѣ послѣдней экскурсіи, на Морнингъ вернулись 9 матросовъ съ Дисковери, отказавшихся отъ вторичной зимовки. На смѣну имъ съ Морнинга перешли новые люди.

Чтобы не замерзнуть во льду, капитанъ Кольбекъ сейчасъ же повернулъ обратно и 25 марта уже вернулся въ Новую Зеландію. Въ декабрѣ 1903 года Морнингъ долженъ былъ снова отправиться на Землю Викторіи, такъ что съ тѣхъ поръ уже можно было не безпокоиться за судьбу англійской экспедиціи.

Итакъ, Морнингъ ушелъ, а Скоттъ остался зимовать; вторая зима прошла болѣе благополучно, чѣмъ первая, а въ октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ зимняго перерыва, вмѣстѣ съ наступленіемъ южной весны, снова начались работы, которыя въ это лѣто принесли не меньшіе результаты, чѣмъ въ предыдущее.

На этотъ разъ къ западу, во внутренность Земли Викторіи отправился самъ капитанъ Скоттъ съ Скельтономъ, который былъ знакомъ съ мѣстностью по экскурсіи прошлаго года, и съ нѣсколькими матросами. Проведя два мѣсяца въ тяжкихъ трудахъ, неутомимые путешественники проникли на разстояніе 440 километровъ внутрь страны; вся она оказалась покрытой льдомъ, который по краямъ кое-гдѣ пронизанъ скалами, а внутри изрѣзанъ многочисленными и въ высшей степени опасными трещинами. Несмотря на всяческія предосторожности, всѣ участники экскурсіи однажды провалились въ такую трещину, откуда имъ удалось выбраться только съ большимъ трудомъ, при помощи веревокъ и горныхъ палокъ. Благодаря нѣсколько раннему времени года, погода была непомѣрно сурова и чрезвычайно затрудняла поступательныя движенія экскурсіи. Дулъ непрерывный «рѣжущій» вѣтеръ, «рѣжущій» не только въ переносномъ смыслѣ—онъ буквально рѣзалъ руки и лицо своей отчаянной стужей. При всемъ томъ здоровье участниковъ экскурсіи не пострадало; взятые на дорогу припасы—нѣчто въ родѣ твердыхъ мясныхъ лепешекъ изъ смѣси пеммикана съ жиромъ—оказались здоровыми и прочными. Скоттъ все время велъ экспедицію между географическимъ и магнитическимъ полюсомъ, такъ что, если бы продолжить линію пути, то она привела бы прямо къ зимовкѣ Гаусса, лежавшей приблизительно на 300 километровъ далѣе

къ сѣверу-западу. Къ наиболѣе важнымъ пріобрѣтеніямъ относятся нѣкоторыя ископаемыя растенія, найденныя въ берегахъ большого глетчера и подобныя находкамъ шведской экспедиціи,— свидѣтели той эпохи, когда и здѣсь расцвѣтала болѣе пышная жизнь. Если мы вспомнимъ о томъ, что масса такихъ окаменѣлостей найдена и въ арктической области, къ сѣверу отъ Америки, намъ придется перенестись мысленно въ далекій, далекій періодъ тропическаго великолѣпія земли, когда животное и растительное царство размножалось и расцвѣтало до самыхъ полюсовъ, періодъ, къ которому современная эпоха по климату относится такъ же, какъ ледниковый періодъ къ современному.

Впечатлѣніе, полученное отъ вида внутренности страны по восхожденіи на высочайшій пунктъ, приблизительно соотвѣтствуетъ впечатлѣнію, вынесенному экспедиціей Гаусса. Повидимому, тамъ, вмѣсто предполагаемой раньше группы острововъ, разстилается широкій, въ большей своей части плоскій материкъ, образованный первозданными горными породами, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробиты новѣйшими вулканическими образованіями. Главная масса его погребена подъ толстымъ слоемъ вѣчнаго льда. Этотъ материковый ледъ лежитъ довольно спокойно тамъ, гдѣ поверхность материка приблизительно горизонтальна; тамъ же, гдѣ земля поднимается или образуетъ высокіе горные хребты,—мощные ледники болѣе или менѣе быстро движутся впередъ и вторгаются далеко въ море. Такого же происхожденія и тотъ исполинскій ледникъ, который заканчивается Великимъ Барьеромъ. Это громадный ледникъ, сползающій съ внутреннихъ, болѣе высокихъ частей антарктическаго материка и выполняющей все пространство между Землей Викторіи и Землей Короля Эдуарда. Передняя часть его лежитъ на водѣ, покрывая всю южную часть моря Росса, а Великій Барьеръ представляетъ, такъ сказать, его передній фронтъ.

Для изученія этого могучаго ледника во время второй зимовки, какъ и во время первой, было снаряжено двѣ большихъ санныхъ экспедиціи, которыя подтвердили высказанное предположеніе.

Еще раньше, при путешествіи Дисковери вдоль стѣны Росса къ востоку, оказалось, что она лежитъ на цѣлыхъ 45 киломе-

тровъ южнѣе, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Итакъ, приходится предположить, что или въ теченіе 60 лѣтъ передній конецъ исполинскаго глетчера ежегодно отступалъ на 700—800 метровъ, или же, что вся масса льда лежитъ на поверхности воды и постепенно мѣняетъ свое положеніе.

Какъ бы въ подтвержденіе этого, большая экскурсія въ ноябрѣ 1903 года, предпринятая по поверхности ледника на юго-западѣ подъ начальствомъ офицеровъ Берна и Мюлока, обнаружила, что совершенно гладкая поверхность великаго глетчера замѣтно подается впередъ: складъ провизіи, устроенный въ январѣ 1903 года къ слѣдующему лѣту передвинулся больше, чѣмъ на 500 метровъ, по сѣверному направленію.

Другая спеціальная экскурсія подъ руководствомъ Берначчи и Ройдса, тоже въ ноябрѣ, отправилась на востокъ, по поверхности глетчера, вдоль Великаго Баррьера и пробралась на 260 километровъ къ востоку. Оказалось, что здѣсь берегъ еще ранѣе открытой Земли Короля Эдуарда загибается къ югу; все пространство между краемъ Великаго Баррьера и Землей Викторіи выполнено исполинской массой льда, лежащей на водѣ. Доказательствомъ этого служитъ измѣреніе температуры въ трещинахъ великаго глетчера. Въ противоположность материковымъ ледникамъ, здѣсь температура до извѣстной глубины падаетъ, а затѣмъ медленно и постепенно возрастаетъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ не было никакой возможности установить, переходитъ ли Великій Барьеръ непосредственно въ материковый ледникъ, покрывающій въ этомъ мѣстѣ Антарктиду, и питаемый высокими горными хребтами, или отломился и плаваетъ свободно передъ этимъ ледникомъ *).

Когда Морнингъ въ 1903 году уходилъ въ Новую Зеландію, Дисковери все еще былъ окруженъ поясомъ льда шириной въ 6400 метровъ и можно было опасаться, что корабль не освободится отъ ледяныхъ оковъ и въ слѣдующемъ году. Поэтому, на случай, если экспедиціонное судно снова замерзнетъ, кромѣ Морнинга, на этотъ разъ было послано еще второе вспомогатель-

*) Вопросъ этотъ разрѣшился въ пользу перваго предположенія много позже, во время новѣйшихъ экспедицій Шекльтона и Амундсена.

ное судно «Терра-Нова», такъ чтобы всѣ зимовавшіе на Дискавери и всѣ коллекціи могли быть захвачены.

Въ началѣ января 1904 года оба судна достигли зимовки Скотта. Сначала, дѣйствительно, пріѣхавшія судна застали еще Дискавери крѣпко сидящимъ въ старомъ льду, и, такъ какъ ледяная кора въ теченіе цѣлаго мѣсяца не представляла ни малѣйшаго измѣненія, приходилось мириться съ мыслью покинуть корабль и подвергнуть коллекціи долгой переноскѣ черезъ ледяныя поля къ пріѣхавшимъ судамъ. Наконецъ, съ 14-го февраля начались сильныя бури, взломавшія оковы, которыя уже два года удерживали во льдахъ многоиспытавшій корабль. Былъ пущенъ въ дѣло динамитъ и черезъ нѣсколько дней началось обратное путешествіе, которое всѣ три судна благополучно довели до конца. Сильный штормъ разлучилъ ихъ еще въ полярной области, такъ что они встрѣтились только въ Новой Зеландіи, откуда 1-го апрѣля 1904 года была отправлена въ Англію радостная вѣсть о томъ, что англійская южно-полярная экспедиція счастливо довела до конца свое предпріятіе.

Какъ оказалась, на обратномъ пути Дискавери попытался изслѣдовать берегъ Земли Викторіи къ западу отъ мыса Эдери, въ надеждѣ найти связь между Землей Уилькса и Землей Викторіи. Кораблю удалось проплыть довольно близко отъ острововъ Баллени и проникнуть къ западу до 156° вост. долготы, но земли нигдѣ открыть не удалось.

Изъ Новой Зеландіи Морнингъ и Терра-Нова отправились прямо въ Англію, а Дискавери поѣхалъ кружнымъ путемъ, черезъ южную часть Великаго океана, чтобы тамъ произвести нѣкоторыя океанографическія наблюденія и сдѣлать промѣры. Только 11 сентября 1904 года корабль прибылъ на родину, въ гавань Портсмута.

Населеніе встрѣтило моряковъ съ восторгомъ, а король Эдуардъ велѣлъ вычеканить новую медаль въ память путешествія для передачи ея членамъ экспедиціи.

Изъ всѣхъ полярныхъ путешествій, экспедиція Скотта оказалась наиболѣе плодотворной. Помимо цѣнныхъ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій и богатыхъ коллекцій по гео-

логіи и зоологіи антарктической области, она сдѣлала и цѣлый рядъ крупныхъ географическихъ открытій: 1) она открыла землю Короля Эдуарда, ограничивающую съ востока море Росса; 2) она проникла во внутренность Земли Викторіи и выяснила ея природу; 3) она выяснила природу ледяной стѣны Росса и изъѣздила по различнымъ направленіямъ громадной ледникъ, край котораго эта стѣна составляетъ; 4) она внесла въ карту Земли Викторіи рядъ существенныхъ поправокъ и дополненій (напр., что вулканы Росса стоятъ на островѣ) и произвела рядъ измѣреній высотъ, доказала, что въ Антарктидѣ есть горы очень значительной высоты—высшій точно измѣренный пунктъ достигаетъ 4690 м. ($4^1/_2$ версты); 5) она проникла всѣхъ дальше къ югу, (до 82° 17′) не дойдя до полюса всего около 900 верстъ.

VIII.

Съ самаго начала, на ряду съ германской и англійской, была предположена шведская южно-полярная экспедиція. Руководство сю было поручено геологу Отто Норденшильду, третьему крупному путешественнику изъ знаменитой фамиліи Норденшильдовъ: его дядя, Эрикъ-Адольфъ Норденшильдъ, умершій незадолго до отъѣзда экспедиціи, прославился, какъ единственный путешественникъ, объѣхавшій (въ 1878—79 году на кораблѣ «Вега») вокругъ Азіи, а двоюродный братъ его, Эрландъ Норденшильдъ, сынъ географа, въ это самое время путешествовалъ по наиболѣе недоступной области Южной Америки. Да и Отто Норденшильдъ уже успѣлъ составить себѣ имя научными работами.

Государство отказало изслѣдователю въ субсидіи на издержки по путешествію и средства, хотя и не въ совсѣмъ достаточномъ количествѣ были собраны частными пожертвованіями. Поэтому Норденшильдъ, располагавшій очень ограниченными средствами, пріобрѣлъ старое, уже неоднократно плававшее въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ китобойное судно, (на которомъ извѣстный путешественникъ Натгорстъ плавалъ въ Гренландію на поиски воздухоплавателя Андре), перекрестилъ его въ «Антарктикъ», снарядилъ всѣмъ необходимымъ, и 15-го октября 1901 года

выступилъ изъ гавани Гётеборга, чтобы успѣть воспользоваться южнымъ лѣтомъ 1901—1902 г.

Цѣлью шведской экспедиціи были Западная Антарктида, или Земля Греама, не входившая въ области изслѣдованія нѣмецкой и англійской экспедиціи. Капитаномъ Антарктика былъ Ларзенъ, въ 1893 году плававшій въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ на «Язонѣ» и посѣтившій восточную часть Земли Греама (названную имъ Землей Короля Оскара).

15 декабря 1901 г. Норденшильдъ былъ въ Буэносъ Айресѣ, 31-го на Фальклендскихъ островахъ, откуда онъ отплылъ на Огненную Землю, а 6-го января 1902 года Антарктикъ, покинувъ Землю Штатовъ (крайній изъ о-въ Огненной Земли), гдѣ была устроена Аргентинскимъ правительствомъ магнитная станція для сравненія данныхъ, полученныхъ отъ наблюденій на Кергуэленѣ и Новой Зеландіи, отправился къ югу.

Еще не переходя полярнаго круга, экспедиція вступила въ одну изъ самыхъ поразительныхъ частей Антарктиды,—Южно-Шетландскіе острова.

«11-го января, утромъ», пишетъ Норденшильдъ, «весь экипажъ почувствовалъ, что мы вступаемъ въ совершенно новую область. Въ воздухѣ было холодно, и вода имѣла температуру 0°, а земля къ которой мы приближались, была покрыта густымъ туманомъ. Къ полудню туманъ разсѣялся, и мы могли созерцать во всемъ великолѣпіи первую изъ южно-полярныхъ странъ, которая намъ встрѣтилась на пути—островъ Короля Георга».

Весь островъ былъ погребенъ подо льдомъ и снѣгомъ, который покрывалъ всю землю отъ вершинъ горъ и до берега моря. Ледники спускались съ высокихъ, въ 900 метровъ, крутыхъ стѣнъ, утопая концами въ морѣ. Ни стебелька травы на темныхъ скалахъ, окружавшихъ берега негостепріимнаго острова. Пристать было совершенно невозможно, такъ какъ берегъ представлялъ круто обрывающіяся, часто отвѣсныя стѣны, а тамъ, гдѣ онъ былъ отложе, его окружали торчавшія изъ моря острыя скалы.

Антарктикъ поплылъ дальше къ острову Нельсонъ: этотъ островъ былъ гораздо менѣе покрытъ снѣгомъ. Здѣсь можно было высадиться, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ удалось найти нѣкоторые слѣды растительности: лишайники, мхи и различныя

водоросли. Въ подушкахъ мха встрѣтилось довольно много мелкихъ насѣкомыхъ, между прочимъ былъ найденъ даже одинъ жучокъ—первый, котораго удалось найти въ антарктической области.

Путешественники были невольно поражены такой скудостью наземной жизни, въ особенности сравнительно съ богатствомъ животныхъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ. Кажется, что производительныя силы природы здѣсь какъ будто сосредоточились на жизни моря, поражающаго путешественника богат-

Высадка на островѣ Нельсона.

ствомъ и изобиліемъ. Нигдѣ на земномъ шарѣ не встрѣчаются такія исполинскія полчища рыбъ, ведущія за собою неизмѣримыя стаи птицъ и китовъ. Скалы и льды оживлялись тысячами тюленей, нѣсколькихъ видовъ, которые такъ мало боялись людей, что давали себя гладить. Только пингвины, какъ разъ занятые выводомъ птенцовъ, оказывались раздражительными, и отвѣчали путешественникамъ ударами клювовъ.

Въ такой обстановкѣ Антарктикъ, прошелъ проливъ Брансфильда, приблизился къ берегу Земли Луи-Филиппа, и вошелъ въ одинъ изъ каналовъ, извивающихся между ней и прилегающими островами; задача Норденшильда была узнать, отдѣлена ли

Земля Луи-Филиппа отъ Земли Греама, или нѣтъ,—островъ она, или часть материка. Имѣя влѣво Землю Луи-Филиппа, судно направилось къ югу, по этому проливу, такъ-называемому Орлеанскому каналу.

Вскорѣ Норденшильдъ добрался до прежняго залива Юза и вступилъ на путь, уже обстоятельно изслѣдованный Жерлашемъ. Такимъ образомъ оказалось, что Земля Луи-Филиппа—не островъ, а стоитъ въ непосредственной связи съ Землей Данко: Орлеанскій каналъ нигдѣ не заворачиваетъ къ востоку; напротивъ, онъ шелъ къ юго-западу и вывелъ въ каналъ Бельгики (откр. Жерлашемъ). Проплывши по этому проливу до конца острова Брабанта, Антарктикъ вернулся обратно и прошелъ вокругъ сѣвернаго конца Земли Луи-Филиппа, время отъ времени высаживаясь на берегъ; пройдя между Землей Луи-Филиппа и лежащимъ у ея сѣвернаго конца островомъ Жуэнвилля, Норденшильдъ вышелъ къ ея восточному побережью.

И здѣсь сказалось рѣзкое различіе, существующее между восточною и западною сторонами многихъ земель и полуострововъ. Западный берегъ изрѣзанъ фіордами, отвѣсно съ большой высоты спускается въ море, покрытъ льдомъ и снѣгомъ,—восточный берегъ представляетъ собою однообразную приморскую полосу, частью ровную, частью холмистую, кое-гдѣ покрытую снѣгомъ. Экспедиція сдѣлала маленькую остановку на островѣ Сеймура, послѣ чего стала искать дорогу на югъ, по пути, пройденному Язономъ. Было ли это лѣто необычайно холодно, или ухудшился климатъ за послѣднее десятилѣтіе, но капитанъ Ларзенъ встрѣтилъ границу сплошного плавучаго льда, мощнымъ баррьеромъ окружающаго Землю Короля Оскара (восточный берегъ Земли Греама) на цѣлый градусъ широты сѣвернѣе, чѣмъ во время своего плаванія на Язонѣ въ 1893 году. Надѣясь найти проходъ, Антарктикъ еще 20 дней лавировалъ около ледяной ограды, послѣ чего оказался вынужденнымъ вернуться назадъ; самая южная достигнутая имъ точка была 66° ю. ш.

Близъ береговъ Земли Луи-Филиппа, на островѣ Сноу-Гилль, недалеко отъ горы Хаддингтонъ, были выгружены припасы и снаряды для зимовки Норденшильда и его спутниковъ. Кромѣ него рѣшились зазимовать физикъ Бодманъ, врачъ

Экелофъ, лейтенантъ Собраль изъ Аргентины и два матроса; они оставили себѣ провизіи на 2 года, сани и 24 собаки. Кромѣ того Ларзенъ, высадивши экспедицію, опять отплылъ на югъ, чтобы устроить на Землѣ Короля Оскара, гдѣ окажется возможнымъ, еще одинъ складъ запасовъ, дабы облегчить Норденшильду экскурсіи съ мѣста зимовки.

Капитанъ Ларзенъ не могъ, однако, исполнить своего обѣщанія. Еще не достигнувъ Земли Короля Оскара, Антарктикъ едва не погибъ у острова Робертсона во время сильной бури. Сплошной ледъ опять не далъ приблизиться къ Землѣ Короля Оскара, а наступающая зима принудила Ларзена отплыть къ болѣе теплымъ водамъ Аргентины.

Здѣсь, въ южнѣйшей части Атлантическаго океана, оставшіеся на Антарктикѣ ученые предприняли рядъ гидрографическихъ изслѣдованій, центральнымъ пунктомъ которыхъ былъ заброшенный въ океанѣ островъ Южной Георгіи; этотъ островъ, лежащій подъ 55° южной широты, былъ десять лѣтъ тому назадъ конечною цѣлью одной нѣмецкой экспедиціи и съ тѣхъ поръ никогда не затрогивался научными изслѣдованіями.

Въ 1675 году Ларошъ открылъ островъ въ 160 километровъ длиною, увѣнчанный высокими, покрытыми льдомъ горными хребтами, и забылъ о немъ, а черезъ 100 лѣтъ Кукъ открылъ его во второй разъ. Самый большой ледникъ острова, впадающій въ Королевскій заливъ, носитъ имя Кука.

По просьбѣ извѣстнаго нѣмецкаго географа, доктора Неймайера, Ларзеномъ была отыскана метеорологическая станція, построенная нѣмцами на берегу Королевской бухты. Жилое помѣщеніе оказалось еще въ сносномъ состояніи, но постройки обсерваторіи были разрушены, испорченъ и максимальный термометръ, оставленный въ 1883 году на Крокозіевой горѣ. На сѣверо-восточномъ берегу острова экспедиція посѣтила и тщательно изслѣдовала большой заливъ Кумберлэндъ съ его великолѣпными глетчерами, горными хребтами и моренами. Нѣкоторыя изъ большихъ, нѣкогда конечныхъ моренъ пересѣкаютъ заливъ частью находясь подъ водою, частью довольно высоко выступая надъ ея поверхностью.

Эти каменные валы, судя по глубинѣ моря, должны дости-

гать около 200 метровъ высоты, на основаніи чего можно представить себѣ величину первоначальнаго глетчера, который во всей вѣроятности покрывалъ весь заливъ Кумберлэндъ.

Во второй половинѣ зимы Антарктикъ отплылъ отъ Южной Георгіи къ Фальклэндскимъ островамъ, гдѣ члены экспедиціи работали іюль и августъ, а затѣмъ въ Огненной Землѣ, чтобы тамъ дождаться наступленія антарктической весны.

Послѣ пребыванія на прекрасномъ островѣ Южной Георгіи природа и климатъ Фальклэндскихъ острововъ показались путешественникамъ странными и печальными. Пустынныя, слегка волнистыя, лишенные хотя бы единаго дерева или куста, степи Фальклэндскихъ острововъ, надъ которыми проносятся яростныя, одинаковыя зимою и лѣтомъ бури, кажутся самыми негостепріимными мѣстами въ мірѣ. Здѣсь часто бываютъ ураганы съ отчаянной снѣжной мятелью, отъ которой ни человѣкъ, ни звѣрь не могутъ защититься подъ открытымъ небомъ. Источникомъ дохода жителей является разведеніе лошадей, рогатаго скота, главнымъ же образомъ овецъ.

Овцы пасутся круглый годъ въ степи безъ всякаго присмотра и оказываются довольно нечувствительными къ суровому климату. Наоборотъ, рогатый скотъ и лошади, которыхъ въ зимнее время тоже выгоняютъ наружу и предоставляютъ самимъ себѣ, ежегодно во множествѣ погибаютъ отъ снѣга и холода; неслыханно суровая зима, приведшая Антарктикъ къ берегамъ Фальклэндовъ, произвела ужасныя опустошенія въ ихъ стадахъ. Массами гибнетъ скотъ въ открытомъ полѣ отъ голода и холода. Бродя по снѣговымъ равнинамъ безпрестанно натыкаешься на злополучныхъ животныхъ, которыя полумертвыя или мертвыя лежатъ въ сугробахъ. Бури, свирѣпствующія у береговъ Фальклэндскихъ острововъ, по силѣ не уступаютъ бурямъ мыса Горна, такъ что крушенія шкунъ и другихъ судовъ здѣсь не являются рѣдкостью.

Жители охотнѣе всего собираются въ г. Портъ-Стэнли, наполняя грязные кабачки, гдѣ по большей части «отдыхаютъ» моряки во время своего пребыванія на Фальклэндахъ.

Въ сентябрѣ капитанъ Ларзенъ пошелъ къ Огненной Землѣ, чтобы закончить послѣднія приготовленія въ гавани Ушуайи

и съ началомъ весны приступить ко вторичной поѣздкѣ въ область полярныхъ льдовъ.

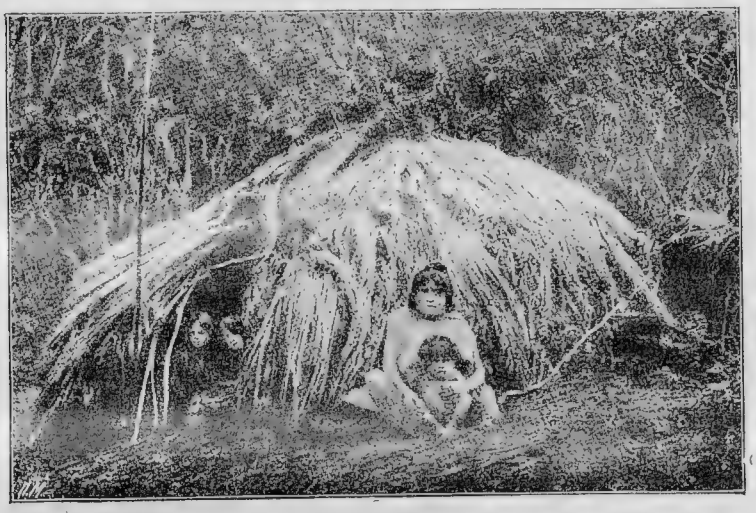
Глубокій снѣгъ еще покрывалъ лѣса и горы Огненной Земли, только темныя пятна вѣчнозеленыхъ буковъ и голубоватыя полосы лишеннаго листвы лѣса нарушали бѣлизну ландшафта. Истекшая зима отличалась необычайной суровостью, и царь лѣсовъ—гуанако былъ принужденъ искать наименѣе снѣжныхъ мѣстъ, чтобы не умереть съ голода. На бортѣ Антарктика онъ, естественно, возбудилъ большой интересъ,—организовалось нѣсколько охотничьихъ экскурсій и, хотя успѣхъ былъ непостоянепъ, однако нѣсколько этихъ статныхъ животныхъ было убито членами экспедиціи. Гуанако по внѣшнему виду и размѣрамъ сильно напоминаетъ ламу; прекрасный мягкій мѣхъ молодыхъ гуанако идетъ на весьма распространенные здѣсь гуанаковые плащи. Мясо гуанако понравилось всѣмъ.

Характерныхъ животныхъ Огненная Земля сохранитъ еще долго, несмотря на преслѣдованія цивилизованныхъ людей. Человѣческой породѣ, дѣтямъ этой земли, пришлось хуже. «Когда корабль Бигль и на немъ Дарвинъ въ первый разъ вступилъ въ проливъ, гдѣ мы сейчасъ находимся», пишетъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, «по ночамъ на берегахъ сверкали многочисленные огни. Это были индѣйцы племени Ягана, раскинувшіе здѣсь свои стоянки. Рыбная ловля доставляла имъ главную пищу и ихъ челноки изъ древесной коры плавали далеко по проливамъ. Они едва умѣли построить самую незамысловатую хижину, не носили никакой одежды, кромѣ выдровой шкуры зимою и лѣтомъ. Они говорили самымъ первобытнымъ языкомъ, ихъ фантазія была ничтожна, религіи они почти не имѣли—они стояли на низшей степени культуры. Но они сроднились съ этими суровыми, мрачно прекрасными берегами, здѣсь они могли жить, какъ не смогъ бы никто, родившійся не въ этой странѣ, здѣсь они были—господа. Имъ не посчастливилось. Изъ тысячъ людей, о которыхъ свидѣтельствуютъ еще груды костей—остатки ихъ пиршествъ—теперь осталось человѣкъ полтораста».

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ живущими внутри страны индѣйцами племени Она, хотя и они видимо близятся къ вымиранію. Они одѣваются въ мѣха гуанако, строятъ легкія хижины

изъ сучьевъ и кожъ и живутъ охотою. Кромѣ этихъ индѣйцевъ племени Она, въ западной и сѣверо-западной части большого острова живетъ еще третье племя, единственное, котораго совершенно не коснулась культура.

Часть экспедиціи посѣтила лежащую къ западу отъ Ушуайи бухту Лапатайя, на берегу которой находится лѣсопильный заводъ. Завѣдующій лѣсопилкой чрезвычайно дружелюбно принялъ путешественниковъ и помогъ имъ осмотрѣть лучшія окрест-



Огнеземельцы племени Она у своей хижины.

ныя мѣста. Главною цѣлью этой поѣздки было зоолого-ботаническое изученіе Лаго Рока, озера, связаннаго съ бухтой Лапатайя ручьемъ. Здѣсь уже началась весна. «Густые лѣса покрываютъ окрестные склоны до самаго берега, вѣтви деревьевъ порою купаются въ водѣ; кое-гдѣ порхаютъ синезеленые попугаи. Мы скользимъ по зеленоватой водѣ въ утломъ, похожемъ на индѣйскій, челнокѣ; направо мимо насъ проходятъ длинные узкіе полуострова, одинъ краше другого; слѣва изъ водъ круто поднимается скалистый хребетъ съ пятнами и полосами снѣга, величаво царя надъ окрестностью съ высоты 1200 метровъ. Лаго-

Рока принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ, когда-либо виданнымъ мною, мѣстностямъ».

Только по возвращеніи экспедиціи въ Ушуайю тамъ тоже понемногу началась весна. Послѣднія приготовленія были поспѣшно закончены, чтобы идти на югъ, какъ только наступитъ болѣе теплая погода.

«На кораблѣ пришлось многое осмотрѣть и исправить. Во всѣхъ углахъ и закоулкахъ идетъ большая чистка, всюду метутъ и убираютъ. Мы пополняемъ свои научныя приспособленія и запасъ провизіи. Выступленіе на югъ назначено около 1-го ноября. Послѣ нѣкоторыхъ работъ на фарватерѣ къ западу отъ Земли Луи-Филиппа, мы пойдемъ къ зимней станціи у Сноу-Гилля, гдѣ надѣемся быть въ первой половинѣ декабря. Въ концѣ февраля надѣемся придти въ Портъ-Стэнли, если не замерзнемъ и не придется зимовать».

Изъ этой программы исполнилась только первая часть, именно отъѣздъ на югъ, 4-го ноября 1902 года. Напрасно ожидали возвращенія Антарктика до самаго конца полярнаго лѣта. Объ части полярной экспедиціи исчезли невѣдомо куда. Въ Европѣ не на шутку стали безпокоиться за судьбу отважныхъ путешественниковъ. Собиравшаяся отправиться въ антарктическія страны французская экспедиція д-ра Шарко получила инструкціи разыскать Норденшильда и его товарищей и въ случаѣ надобности помочь имъ.

Шведы тоже стали снаряжать вспомогательную экспедицію, а Аргентинское правительство отъ себя отправило на поиски пароходъ «Уругвай», подъ начальствомъ капитана Иризара. Судьба Антарктика со всѣмъ экипажемъ оставалась въ неизвѣстности въ теченіе 13-ти мѣсяцевъ, а Норденшильда и его спутниковъ въ теченіе 21-го мѣсяца. Шведская вспомогательная экспедиція подъ начальствомъ извѣстнаго полярнаго изслѣдователя профессора Натторста уже отправлялась въ путь, какъ въ январѣ 1904 года на родину неожиданно пришло извѣстіе о томъ, что объ части экспедиціи Норденшильда подобраны «Уругваемъ» который имѣлъ возможность раньше другихъ выступить въ походъ, и находятся на пути домой.

Мы покинули Норденшильда и его пятерыхъ товарищей 21-го февраля 1902 года, въ тотъ моментъ, когда они были предоставлены самимъ себѣ со всѣми своими инструментами и припасами на мысѣ Сеймуръ, сѣверовосточной оконечности маленькаго острова Сноу-Гилля, у береговъ Земли Луи-Филиппа.

Поспѣшно было прощаніе между шестью оставшимися и 20-ю отъѣзжающими, которые торопились на зимнее время уйти со своимъ кораблемъ въ болѣе теплыя воды. Уже 14-го февраля,

Путешественники, оставшіеся на островѣ Сноу-Гилль; (въ первомъ ряду, въ серединѣ Норденшильдъ, справа отъ него Собраль).

когда весь экипажъ былъ поглощенъ выгрузкой строительныхъ матеріаловъ для зимней станціи, провіанта и инструментовъ, сѣверо-восточный вѣтеръ пригналъ такія массы льда, что приходилось думать о скорѣйшемъ отъѣздѣ, чтобы не подвергать опасности совершенно неприспособленный къ борьбѣ со льдами корабль. Не удалось даже выгрузить весь предполагавшійся запасъ угля. Корабль отплылъ къ сѣверу—«и стояли мы у Сноу-Гилля и посылали прощальный привѣтъ отъѣзжающимъ,— шестеро мужчинъ, предоставленные самимъ себѣ, стояли и чувствовали, что если мы и забыли что-нибудь необходимое на Антарктикѣ, то должны теперь сумѣть обойтись и безъ этого

необходимаго, такъ какъ здѣсь природа дастъ только ледъ и камни,—зато то и другое въ изобилiи!»

Постройка и устройство деревянной хижины заняли цѣликомъ первые дни, послѣ чего оставшіеся могли внимательнѣе осмотрѣться на клочкѣ земли, который отнынѣ сталъ ихъ отечествомъ.

Островъ имѣлъ около 20 километровъ длины; поверхность его была холмистая за исключеніемъ небольшой, покрытой щебнемъ, равнины на сѣверовосточномъ концѣ. Холмы достигали до 120 метровъ высоты, а одна высокая базальтовая вершина поднималась даже на 170 метровъ. Море, покрытое льдинами и плоская, усѣянная острыми камнями равнина—съ одной стороны, крутые склоны скалъ, между ними отвѣсная, съ домъ высотою, стѣна глетчера—съ другой, замыкали горизонтъ вокругъ зимовья. Путешественники надѣялись на частое пользованіе лыжами, но изъ этого ничего не вышло; непрерывный юго-западный вѣтеръ препятствовалъ этому зимою, а въ короткія лѣтнія недѣли солнце такъ быстро очищало почву отъ выпадающаго снѣга, что онъ скоплялся только въ горахъ въ видѣ сугробовъ и ледниковъ.

Общій видъ страны, тѣмъ не менѣе, не былъ лишенъ прелести, но былъ бы еще прекраснѣе, если бы хотя немногія животныя и растенія оживляли оцѣпенѣлую, однообразную картину. Представителями растительнаго царства являются здѣсь нѣкоторые мхи и лишайники, да и тѣ занимаютъ очень ограниченную область вышеупомянутой базальтовой вершины. Что же касается животнаго царства,—прежде всего отсутствовали пингвины, ближайшее обиталище которыхъ находилось на разстояніи 2-хъ миль отъ зимовья, а изъ летающихъ птицъ только нѣкоторыя морскія чайки выбрали островъ мѣстомъ своего пребыванія. Затѣмъ, какъ и во всей антарктической области, нехватало четвероногихъ высшаго порядка. Не было бѣлыхъ медвѣдей, мускусныхъ быковъ, ни оленей, ни лисицъ, ни полярныхъ волковъ—ничего подобнаго богатой материковой фаунѣ сѣверной полярной области. Случалось иногда, что въ ближайшихъ окрестностяхъ появлялась годная для охоты дичь—птицы или тюлени,—а въ общемъ все было тихо около мыса Сеймуръ,

и было бы еще тише и пустыннѣе, если бы упряжныя собаки не вносили нѣкотораго оживленія въ эту монотонную страну.

Настала зима. Мало что можно было предпринять сверхъ обычныхъ работъ по станціи, метеорологическихъ, магнитныхъ, астрономическихъ наблюденій и немногихъ экскурсій по ближайшимъ окрестностямъ. Ужасныя южныя бури, бушующія непрерывно лѣтомъ въ теченіе 1—2, зимою 3—5 дней, большею частью заставляли маленькое общество сидѣть дома.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали Норденшильдъ и его товарищи наступленія весны, чтобы можно было предпринять болѣе или менѣе продолжительную поѣздку къ югу, для ближайшаго изученія еще почти совсѣмъ неизвѣстнаго побережья Земли Короля Оскара. Только 30-го сентября оказалось возможнымъ предпринять подобную экскурсію. Къ несчастью, къ этому времени изъ всѣхъ привезенныхъ съ собою гренландскихъ и аргентинскихъ собакъ оставалось въ живыхъ только пять штукъ; онѣ везли большія, тяжелыя сани. Другія, болѣе легкія, санки должны были тащить на себѣ Норденшильдъ и его спутникъ, аргентинецъ Собраль; третій спутникъ, Іонассенъ, завѣдывалъ большими санями и управлялъ собаками. Недостатокъ упряжныхъ животныхъ позволялъ взять только очень ограниченное количество провіанта, — обстоятельство, заставившее экскурсію возвратиться назадъ гораздо раньше, чѣмъ предполагалось.

Итакъ, экспедиція тронулась въ путь и уже къ вечеру достигла склада провіанта, который былъ заранѣе устроенъ недалеко отъ мыса Гамильтонъ. Оставшіеся дома члены экспедиціи провожали Норденшильда нѣсколько часовъ.

Первые дни стояла прекрасная погода, и путники подвигались впередъ по льду узкаго пролива, отдѣляющаго островки Сноу-Гилль и Сеймуръ отъ высокаго, до 2 в. высотою, сплошь покрытаго льдомъ, острова, который раньше принимали за берегъ Земли Короля Оскара. Тяжелый грузъ на саняхъ, рыхлый снѣгъ и полное безвѣтріе, стоявшее первые дни, чрезвычайно истощало силы путешественниковъ. Несмотря на то, что температура не поднималась выше 10°, солнце жгло весьма сильно, и Собраль увѣрялъ, что «также тепло, какъ лѣтомъ въ Буэносъ-

Айресѣ». Зато ночью, одежда, замерзая, превращалась въ ледяной панцырь, и если, залѣзая въ спальный мѣшокъ, приходилось снимать обувь, то необходимо было напичкать ее сѣномъ или мхомъ, чтобы, замерзая, она сохранила форму ноги и ее можно было бы надѣть.

Затѣмъ наступили, однако, такіе дни, когда цѣлыя сутки завывала снѣжная буря, и путники все время должны были проводить лежа въ палаткѣ или въ спальномъ мѣшкѣ, не будучи въ состояніи сдѣлать ни шага впереда. Только 8-го октября, сдѣлавши съ большимъ трудомъ 150 км., достигли Норденшильдъ и его товарищи Робертсонова острова, открытаго Ларзеномъ въ 1893 году; здѣсь добыли они въ первый разъ свѣжаго мяса,— удалось убить двухъ молодыхъ тюленей. Съ вершины горы открывался видъ на окрестности, и на тотъ путь, который предстоялъ экспедиціи и только тутъ путешкамъ начало становиться ясно, что они не могутъ сказать съ точностью, двигались ли они по покрытому льдомъ морю или по скрытой подъ ледянымъ покровомъ сушѣ. То, что Ларзенъ въ свое первое путешествіе принималъ за острова, лежащіе къ западу отъ острова Робертсона, казалось скорѣе нунатаками—утесами, торчащими надъ поверхностью ледника, и огромный ледяной валъ, тянувшійся по направленію къ Землѣ Короля Оскара, заставлялъ предполагать, что дальнѣйшій путь пойдетъ уже по материковому, а не по морскому льду.

Съ большимъ трудомъ и опасностями пробрались наши путешки черезъ ледяной валъ и между нунатаками. Дальше на большое пространство лежалъ ровный ледъ, и можно было надѣяться въ нѣсколько быстрыхъ переходовъ продвинуться далеко впередъ, какъ вдругъ наступившая погода разомъ перевернула всѣ планы. Жестокія бури, которыя рвали и грозили ежеминутно опрокинуть палатку, чередовались съ холодными пасмурными днями, во время которыхъ было возможно лишь медленное передвиженіе. Хотя большую часть ночи было совершенно свѣтло, тѣмъ не менѣе, однако, раньше 7 ч. утра рѣдко когда вылѣзали изъ спальныхъ мѣшковъ; тяжелая работа—тащить на себѣ сани—истощала до полнаго изнеможенія.

Обыкновенно Норденшильдъ вставалъ первый и готовилъ

завтракъ, который шелъ тогда на весь день. Пропитанный потомъ костюмъ былъ еще совершенно мерзлымъ и руки коченѣли еще тогда, когда приходилось открывать двери палатки. Затѣмъ котелъ, наполненный льдомъ, ставился на огонь и варилась крутая каша изъ пеммикана. Завтракъ изъ такой каши вмѣстѣ съ порціей кофе, масла и сахара, долженъ былъ поддерживать работоспособность путешественниковъ въ теченіе 10—12 часовъ. Тѣмъ временемъ Іонассенъ складывалъ палатку, приводилъ въ порядокъ большія сани и запрягалъ собакъ, а Собраль запаковывалъ маленькія санки. Подкрѣпившись, Собраль съ Норденшильдомъ впрягались въ сани и двигались въ путь; обыкновенно они шли впереди, своимъ движеніемъ опредѣляя быстроту марша. При этомъ особенно рѣзко бросалась въ глаза та легкость, съ которой пять относительно плохо питавшихся собакъ тащили большія, тяжело нагруженныя сани, по сравненію съ тѣмъ трудомъ, съ какимъ двое здоровыхъ мужчинъ управлялись съ небольшими санками, весь грузъ которыхъ былъ немного болѣе 3-хъ пудовъ (50 килогр.); при хорошей дорогѣ было возможно маленькія сани прицѣпить къ большимъ, при чемъ, насколько можно было замѣтить, собаки даже не чувствовали себя слишкомъ отягченными. Дѣло особенно шло хорошо, когда двое мужчинъ подпирали сани сзади, а Норденшильдъ шелъ впереди и держалъ темпъ. Только въ 6 или 7 ч. вечера начинали путники оглядываться кругомъ, разыскивая подходящее мѣсто для ночлега, и найдя его, разбивали палатку между двумя санями. Вмѣстѣ съ тѣмъ готовился ужинъ, требовавшій меньше хлопотъ, нежели завтракъ; поужинавши, писали путевыя записки и лѣзли въ спальные мѣшки. «Іонассенъ и я», пишетъ Норденшильдъ, «залѣзали въ большой, двухспальный мѣшокъ изъ шкуры сѣвернаго оленя; куртка снималась и вмѣстѣ съ обувью клалась подъ голову, потомъ мы завертывались въ мѣха гуанако, и имъ, главнымъ образомъ, мы обязаны тѣмъ, что не мерзли, и притомъ были совершенно независимы другъ отъ друга. Собраль имѣлъ свой собственный спальный мѣшокъ, сдѣланный изъ парусины и толстой шерстяной матеріи въ три слоя, болѣе холодный, чѣмъ нашъ, такъ что, чтобы не замерзнуть, Собралю всегда приходилось спать одѣтому».

При такихъ обстоятельствахъ дневной переходъ въ 35 км. казался очень значительнымъ, и хотя нерѣдко удавалось дѣлать такіе переходы, зато они часто чередовались съ цѣлыми днями вынужденнаго покоя во время снѣжныхъ бурь. Наконецъ, 18-го октября наши путешественники очутились у подножія необозримаго ледянаго обрыва, тянувшагося съ запада на востокъ между горами Земли Короля Оскара и островомъ Язона, который открылъ Ларзенъ въ 1893 году близъ самаго южнаго пункта своего путешествія. Что это былъ за ледъ? Былъ ли это конецъ исполинскаго глетчера, медленно сползающаго съ низкихъ береговъ большого участка суши, или же массы льда, набившіяся между скалистыми островами и смерзшіяся вмѣстѣ? Это была интересная географическая задача, и какъ разъ здѣсь-то экскурсія и должна была внезапно прекратиться. Первымъ, и въ высшей степени непріятнымъ препятствіемъ было образованіе во льду безчисленныхъ, глубокихъ трещинъ, шириною отъ одного до 20 метровъ, часто скрытыхъ подъ рыхлымъ снѣгомъ и дѣлавшихъ путешествіе опаснымъ для жизни: съ большимъ трудомъ удавалось удержать проваливавшихся въ трещины путешественниковъ и сани отъ паденія въ пропасть. Далѣе, 19-го октября, разразилась страшная снѣжная буря, какія бывали только зимой, заставшая нашихъ путниковъ въ плохо защищенномъ мѣстѣ у подножія ледяной стѣны и едва не погубившая всю экспедицію. Сила урагана все увеличивалась съ часа на часъ и весь воздухъ былъ наполненъ густыми хлопьями снѣга. Много разъ полузамерзшимъ путешественникамъ приходилось выскакивать изъ палатки, чтобы среди обледенѣлыхъ утесовъ, торчавшихъ изъ-подъ льда, собрать нѣсколько крупныхъ камней, которыми бы можно было укрѣпить края палатки. Изъ одной подобной вылазки Іонассенъ вернулся съ сильно разбитой рукой, такъ какъ вѣтеръ сбивалъ съ ногъ, и его опрокинуло бурей на гладкомъ льду, когда онъ тащилъ крупный камень. Нѣсколько часовъ спустя вѣтромъ разорвало палатку и среди рева бури пришлось разыскивать себѣ за выдающимся утесомъ новаго убѣжища, гдѣ бы можно было снова сшить лоскутья вмѣстѣ. Это рѣшило необходимость возвращенія: провіантъ подходилъ къ концу, а въ упомянутую

бурную ночь собаки овладѣли послѣднимъ мѣшкомъ съ пеммиканомъ; изъ трехъ путешественниковъ двое были истощены до крайности, а третій сильно поврежденъ; трещины страшно затрудняли передвиженіе, и хотя буря нѣсколько утихла, погода все же продолжала оставаться неблагопріятной. Въ теченіе двухъ дней Норденшильдъ изслѣдовалъ мѣстность: взбирался на высокіе пункты, чтобы бросить взглядъ на лежащія на югѣ ледяныя массы, собиралъ образчики горныхъ породъ, а затѣмъ все поспѣшно уложили и двинулись въ обратный путь.

Сначала дѣло подвигалось довольно медленно. Желаніе сдѣлать обратный путь по новой дорогѣ, поближе къ берегамъ Земли Короля Оскара, завело путешественниковъ въ лабиринтъ опасныхъ трещинъ, заставлявшихъ дѣлать большіе обходы. Отъ блеска снѣга нѣкоторые члены экспедиціи временно ослѣпли, и, наконецъ, начались такія бури, что въ теченіе пяти дней можно было идти только четыре часа. На 150 км., отдѣлявшихъ путниковъ отъ острова Робертсона, ушло цѣлыхъ десять дней. Зато дальше дѣло пошло быстрѣе. 1-го и 2-го ноября, несмотря на суровую погоду, шли очень быстро, и на слѣдующій день показались, хотя и очень далеко, скалистые берега у южнаго конца пролива Адмиралтейства. Вѣтеръ опять достигъ силы бури, но на этотъ разъ онъ дулъ въ спину и только подгонялъ сани; Іонассенъ предложилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы въ одинъ гигантскій переходъ добраться до дому. Мысль о томъ, что придется при бурной погодѣ разбивать палатку, казалась настолько непріятной, что даже очень большой и трудный походъ представлялся легче, и предложеніе было принято. Переходъ, потребовавшій отъ путешественниковъ огромнаго напряженія и большой силы воли, продолжался отъ 10 ч. утра и до двухъ часовъ утра слѣдующаго дня. Съ наступленіемъ вечера экскурсанты достигли дикихъ скалистыхъ стѣнъ острова Локіера и впервые увидѣли близко знакомыя скалы въ окрестностяхъ станціи. Не останавливаясь было съѣдено по плиткѣ шоколада—погода не располагала къ ужину,—и двинулись дальше.

Только послѣ двѣнадцатичасового хода былъ устроенъ короткій привалъ, не столько для людей, сколько для уставшихъ собакъ.

«Я хотѣлъ бы», пишетъ Норденшильдъ, «быть художникомъ, чтобы умѣть изобразить ту дивную картину, которая представилась намъ въ эту памятную ночь. Надъ нами раскинулось безоблачное небо, сначала блѣдно, потомъ темно-голубое, и на немъ медленно и постепенно, одна за другою, загорались звѣзды, сначала Юпитеръ и Сиріусъ, затѣмъ, въ зенитѣ, Южный Крестъ, еще позже, прямо противъ насъ, блестящій Оріонъ. Совсѣмъ низко, на западѣ, виднѣлся узкій, блѣдный серпъ луны, а когда

Свѣжеваніе убитыхъ тюленей.

солнце только что зашло, все небо освѣтилось яркимъ, кроваво-краснымъ свѣтомъ, въ которомъ ясно вырисовывались рѣзкіе контуры острова Локіера съ его вертикально обрывавшимися скалистыми мысами, снѣжными куполами и сверкающей лентой ледника. Передъ нами лежалъ мысъ Гамильтонъ и торчащій подобно башнѣ сторожевой утесъ, который мы такъ долго не видали. Въ прозрачномъ воздухѣ легко и беззвучно носились полярные буревѣстники, съ перьями бѣлѣе снѣга, и съ такими тонкими очертаніями, что ихъ трудно было бы замѣ-

тить, если бы не черные глаза и клювъ. Вокругъ насъ бушевалъ вѣтеръ съ быстротою 16—17 м. въ секунду, поднимая снѣгъ и гоня его передъ собою съ дикимъ завываніемъ. Среди этой могучей природы нашъ маленькій караванъ подвигался впередъ, какъ ничтожная точка, оставляя за собою слѣдъ, который тотчасъ же заметался снѣгомъ».

Уже на небѣ занималась блѣдная заря и облака стали окрашиваться въ утреннія краски, когда сани остановились, наконецъ, подъ утесомъ на морскомъ берегу, противъ станціи. Какъ

Возвращеніе со сбора пингвиновыхъ яицъ.

только распрягли сани, пала самая слабая изъ собакъ, прямо въ снѣгъ.

Изъ дома послышались радостные крики и привѣтствія, когда появились тѣ, кого считали еще въ отсутствіи. Но сами путешественники послѣ страшнаго напряженія чувствовали наступленіе реакціи; съ темными, посинѣлыми лицами вошли они въ комнаты; Собраль сѣлъ было на стулъ подлѣ самой двери, но тотчасъ же упалъ безъ чувствъ на полъ. Норденшильдъ поспѣшно вытащилъ изъ кармана хронометръ и взглянулъ на шагомѣръ, который показывалъ 64 км., но затѣмъ ему сдѣлалось дурно, такъ что онъ долженъ былъ немедленно выйти на свѣжій воздухъ, чтобы не упасть въ обморокъ; Іонассенъ тоже почувствовалъ себя нехорошо, когда послѣ семи недѣль путе-

шествія сразу дохнулъ теплымъ комнатнымъ воздухомъ. Вскорѣ, однако, они отдохнули и съ жадностью принялись за поспѣшно поданную имъ ѣду. Оказалось, что въ экскурсіи они потеряли приблизительно по 14 фунтовъ вѣса.

Норденшильдъ надѣялся по возвращеніи встрѣтить Антарктикъ или вскорѣ дождаться его, но наступилъ 1903 годъ, прошло и прошло короткое лѣто, и въ февралѣ пришлось сознаться самимъ себѣ, что надежда на помощь исчезала и уменьшалась съ каждымъ днемъ. Благопріятное время года было по мѣрѣ силъ использовано, чтобы охотой на пингвиновъ и тюленей пополнить запасы провіанта, по счастію еще обильные. Такимъ образомъ отреченные отъ міра добыли запасъ свѣжаго мяса и горючаго матеріала для второй зимы, которая наступила въ мартѣ и прошла также однообразно, какъ и первая.

Между тѣмъ Антарктикъ подъ командой капитана Ларзена отправился отъ Огненной Земли прямо на югъ.

Ледъ между мысомъ Горнъ и Землею Короля Оскара обѣщалъ мало хорошаго. Уже въ ночь съ 9 на 10 ноября льдины начали попадаться въ большомъ количествѣ, а два дня спустя, на 61° ю. ш. дорога оказалась запертой сплошнымъ барьеромъ изъ пловучаго льда. Ничего не оставалось, какъ подождать нѣкоторое время, и это время Ларзенъ употребилъ на то, чтобы при превосходной погодѣ снять на карту сѣверо-западные берега Земли Луи Филиппа и Короля Оскара и проливы Брансфильда и Бельгики—одна изъ важнѣйшихъ работъ, которую удалось выполнить экспедиціи. 5 декабря работа была закончена, и не медля ни минуты, Ларзенъ повернулъ назадъ, чтобы обогнуть сѣверную окопечность Западной Антарктиды, и либо вокругъ острова Жуэнвилля, либо черезъ проливъ Антарктика, между нимъ и Землей Луи Филиппа, проникнуть въ заливъ Эребуса и Террора, на южномъ берегу котораго у Сноу-Гилля его давно дожидались Норденшильдъ и товарищи.

Но положеніе дѣлъ оказалось весьма серьезно. Огромное количество льда наполняло каналъ Брансфильда и изъ пролива Антарктика выступали все новыя и новыя массы. Съ вершины горы Брансфильда было видно, что весь заливъ Эребуса

и Террора заполненъ пловучимъ льдомъ, среди котораго лишь кое-гдѣ имѣются открытыя мѣста и каналы, такъ что казалось возможнымъ для искуснаго моряка протиснуться на югъ. Капитанъ Ларзенъ рѣшилъ сдѣлать попытку; и для этого, какъ онъ и раньше дѣлалъ во время серьезной борьбы со льдомъ, взялъ на себя лично командованіе ходомъ судна изъ бочки, укрѣпленной высоко на мачтѣ.

Ларзенъ.

«Никогда не видалъ я Ларзена,—пишетъ одинъ изъ его спутниковъ,—настолько въ своей стихіи, какъ тамъ, наверху, въ бочкѣ. Съ длиннымъ коричневымъ шарфомъ на шеѣ, въ мѣховой шапкѣ, надвинутой на самыя уши, съ энергичнымъ, обвѣтрѣлымъ лицомъ, выглядывалъ онъ за края своей бочки. То видишь, какъ онъ высматриваетъ въ зрительную трубу дорогу къ какой-нибудь отдаленной полыньѣ, то разсчитываетъ силу толчка о ближайшія льдины, которыя громоздятся передъ самымъ носомъ судна, то, перевѣсившись черезъ край, весь вниманіе, слѣдитъ за предательской льдиной, выплывающей изъ-подъ задней половины корабля и угрожающей винту. Вотъ онъ два раза дергаетъ звонокъ, ведущій въ машинное отдѣленіе, и винтъ моментально останавливается. Приказы штурману слѣдуютъ одинъ за другимъ и рулевое колесо вертится почти

безпрерывно. «Круто на штирбортъ!» «Легко на баборть!» Вотъ раздается ударъ въ колоколъ, машина останавливается и корабль безшумно скользитъ по небольшому открытому пространству, прямо на запирающую проходъ льдину. Съ трескомъ и шумомъ нось корабля врѣзывается на нѣсколько дециметровъ въ край льдины. Отъ толчка по всему корпусу пробѣгаетъ легкая дрожь, и передается на вершину гротъ-мачты, гдѣ бочка приходитъ въ движеніе, качаясь впередъ и назадъ. Но льдина все еще загораживаетъ путь. Корабль отступаетъ назадъ, и наноситъ второй ударъ: льдина поворачивается и сдвигается немного въ сторону. Третій натискъ удается вполнѣ: льдина трещитъ и разлетается въ куски по обѣ стороны корабля, пробивающаго себѣ путь».

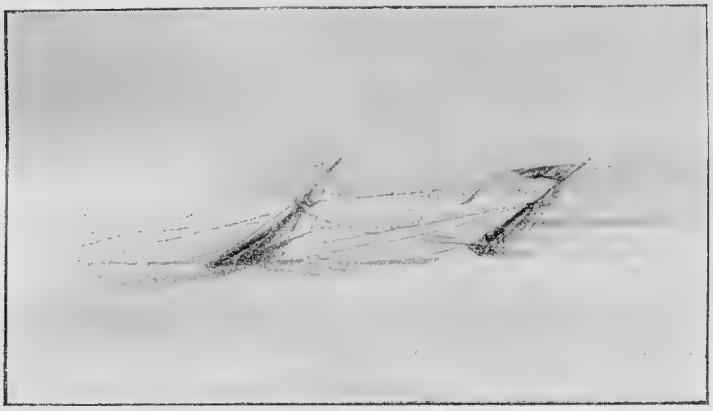
Но усилія Ларзена были напрасны: Черезъ проливъ Антарктика корабль выбрался въ заливъ Эребуса и Террора, но все пространство отсюда и до лежащихъ въ разстояніи 100 верстъ острововъ Сноу-Гилль и Сеймуръ, повидимому, было забито льдомъ. Съ большимъ трудомъ Ларзенъ выбрался изъ пролива обратно, рѣшился попробовать путь вокругъ острова Жуэнвилля, и столь же безуспѣшно. Въ теченіе цѣлаго декабря Антарктикъ безуспѣшно боролся со льдами, не подвигаясь ни на шагъ впередъ, и за это время мало-по-малу возникла мысль отправить къ Норденшильду посланцевъ, которые бы по сушѣ и по льду добрались до стоянки у Сноу-Гилля; туда, какъ казалось, можно было добраться самое большее въ двѣ недѣли, такъ какъ, судя по старымъ картамъ, на пути лежало всего на всего два узенькихъ пролива, которые нетрудно было перейти по льду,—остальное была суша. Тѣмъ временемъ Антарктикъ долженъ былъ еще разъ попытаться достичь Сноу-Гилля, но если бы къ 10 февраля это ему не удалось, онъ долженъ былъ вернуться на старое мѣсто, куда въ такомъ случаѣ должны были вернуться посланцы вмѣстѣ съ Норденшильдомъ и его товарищами. Для этой цѣли три члена экспедиціи, докторъ Андерсенъ, лейтенантъ Дузэ и матросъ Грунденъ высадились на берегъ, какъ только Антарктикъ достигъ острововъ, лежащихъ на юго-востокѣ отъ Земли Луи-Филиппа.

Вскорѣ послѣ этой высадки, 10-го января, корабль съ осталь-

пой экспедиціей былъ затертъ льдами и, въ концѣ-концовъ, Антарктикъ остановился среди льдовъ въ бухтѣ Эребуса и Террора.

Крѣпкій, но не приспособленный къ натискамъ льда, корабль пострадалъ при первомъ же напорѣ льдинъ, которыя сами поддерживали его на водѣ. Только носъ корабля поднялся на 4 фута и, когда отъ неравномѣрнаго давленія Антарктикъ накренился на бокъ, обнаружилось, что у него на боку широкая пробоина, черезъ которую потокомъ вливалась вода.

Тотчасъ заработали помпы и удалось задержать на водѣ



Гибель Антарктика.

корабль, который сдавливало со всѣхъ сторонъ. Въ концѣ января ледъ пришелъ въ движеніе; къ 9 февраля онъ настолько разошелся, что путешественники рѣшились направить корабль къ берегу; тѣмъ не менѣе задѣлать течь не удалось и вскорѣ обнаружилось, что Антарктикъ не можетъ дольше держаться на водѣ. Корабль причалили къ огромной льдинѣ; всѣ припасы и наиболѣе драгоцѣнныя коллекціи были перенесены въ лодки и экипажъ оставилъ судно. Вскорѣ волнами отнесло Антарктикъ отъ льдины, на которую высадился экипажъ; онъ быстро сталъ погружаться въ воду, и 12-го февраля въ 12 ч. 45 мин. дня волны поглотили несчастный корабль, а путешественники остались у большой льдины.

Прошло шестнадцать дней тяжелой ѣзды на веслахъ между льдами, и на островѣ Паулетъ, гдѣ была нѣкоторая надежда на охоту, члены экспедиціи рѣшили зазимовать. Построили каменную хижину и въ тяжелыхъ лишеніяхъ протекли холодные, мрачные зимніе мѣсяцы.

31-го октября, съ наступленіемъ весны, капитанъ Ларзенъ съ нѣкоторыми испытанными людьми рѣшился идти по льдамъ и сушѣ на югъ, чтобы добраться до острова Сноу-Гилля, гдѣ 20 мѣсяцевъ тому назадъ онъ оставилъ Норденшильда. Положеніе всей экспедиціи въ это время было весьма серьезное: данное Норденшильду обѣщаніе придти за нимъ въ концѣ 1902 года не сдержано, Антарктикъ пошелъ ко дну, три человѣка оставлены 9 мѣсяцевъ тому назадъ и, быть можетъ, погибли, или гдѣ-нибудь на пустынной скалѣ охотою поддерживаютъ свою жизнь. Теперь остающаяся часть экспедиціи снова раздѣлилась на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась на островѣ Паулетъ ловить пингвиновъ и тюленей для наступающей зимы, а другая отправилась къ югу, навстрѣчу неизвѣстнымъ опасностямъ.

Судьба Андерсена и его спутниковъ тоже сложилась весьма оригинально.

Антарктикъ ушелъ, и трое путешественниковъ остались на берегу съ надеждой только на свои собственныя силы и съ новой, трудной задачей впереди. У нихъ не было ни упряжныхъ собакъ для того, чтобы тащить сани, ни лодки для того, чтобы перебраться черезъ открытыя водныя пространства, такъ какъ они все равно не могли бы тащить ее по сушѣ и по льду. Тѣмъ не менѣе они смѣло принялись за свою задачу, вскорѣ однако наткнулись на серьезныя затрудненія. Уже черезъ день, послѣ того какъ они тронулись въ походъ по покрытой льдомъ возвышенности, имъ открылся видъ на огромный, никѣмъ еще до сихъ поръ не виданный, заливъ, весь покрытый нагроможденными другъ на друга глыбами льда. Оказывалось, что и здѣсь Западная Антарктида представляетъ собою узкую гористую полосу суши, отдѣленную отъ моря разбросанными островами и островками.

Нелегко было тащить тяжелыя сани между неправильными ледяными глыбами по болѣе гладкимъ и тонкимъ льдинамъ, поперекъ всего большого залива, увязая нерѣдко почти на футъ въ рыхлый снѣгъ, смѣшанный съ водою; но дѣлать было нечего и третьяго января наши путники, промокшіе съ ногъ до головы, уже стояли на берегу маленькаго островка, за которымъ на небольшомъ разстояніи уже начиналась твердая земля.

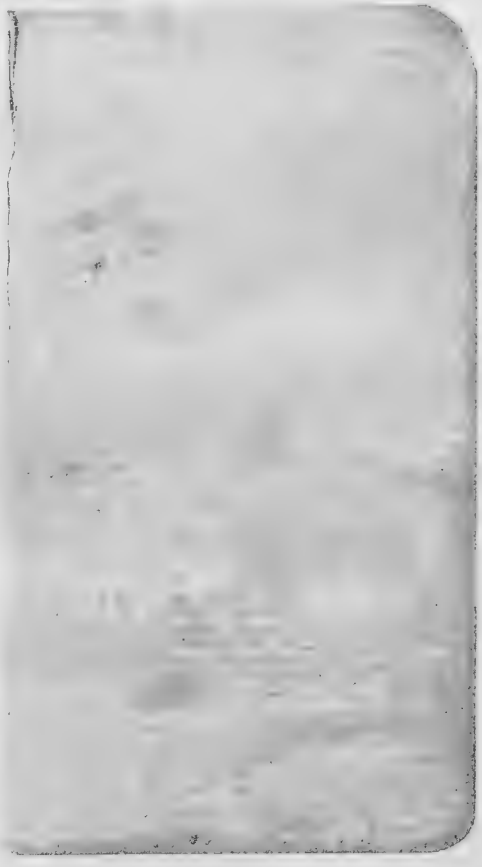
Теперь, казалось, дѣло сдѣлано; если эта, въ 30 верстъ шириною, бухта соотвѣтствовала первому изъ проливовъ, указанныхъ на картѣ, то только неширокая полоса земли, и за ней второй проливъ отдѣляли ихъ отъ Сноу-Гилля. Быть можетъ Антарктикъ уже тамъ и Пасху придется встрѣтить всѣмъ вмѣстѣ на станціи! Однако, на слѣдующій день, пройдя нѣсколько часовъ, путники убѣдились, что ихъ мечты несбыточны. Съ большимъ трудомъ по рыхлому снѣгу, черезъ всевозможныя трещины и долины, Андерсенъ и его товарищи поднялись на перевалъ, и остолбенѣли. Передъ ними лежала не гладкая поверхность материковаго льда, какъ они ожидали, но высокій крутой обрывъ, а внизу, подъ ногами, широкій морской рукавъ, весь покрытый льдомъ; ледъ въ полномъ движеніи. Дорога была закрыта. Путешественники находились на островѣ, (который впослѣдствіи получилъ названіе острова Вега), и чтобы перебраться черезъ морской рукавъ къ Сноу-Гиллю приходилось дожидаться зимы; тогда проливъ замерзнетъ и можно будетъ двигаться дальше. Такая перспектива отнюдь не была заманчивой, тѣмъ болѣе, что на сѣверѣ, въ бухтѣ Надежды, гдѣ высадились Андерсенъ и его товарищи, оставался складъ провіанта и туда долженъ былъ придти Антарктикъ. Итакъ, назадъ! Погода благопріятствовала нашей экспедиціи: ночные морозы сковывали ледъ, и дали возможность по суху перебраться обратно черезъ бухту, которая впослѣдствіи оказалась сѣверной, широкой частью пролива Кронпринца Густава. Затѣмъ опять начиная съ 8-го января три дня свирѣпствовала снѣжная буря, во время которой погибла часть, и безъ того не слишкомъ обильнаго, провіанта. (Это была та самая буря, во время которой былъ затертъ льдами Антарктикъ за нѣсколько недѣль до своей гибели), 13-го января путники были уже у исходной точки своего похода,

у Залива Надежды и теперь имъ представлялось двѣ возможности: либо Ларзенъ, достигши Норденшильда или нѣтъ, вернется за ними, либо онъ затертъ гдѣ-нибудь льдами и вынужденъ зимовать въ другомъ мѣстѣ, и тогда Дузе, Андерсенъ и Грунденъ остаются совершенно неподготовленными лицомъ къ лицу съ суровой антарктической зимой. Объ этой возможности при высадкѣ, конечно, никто не подумалъ, иначе ничего не стоило бы снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ изъ богатыхъ запасовъ корабля. Два маленькихъ котелка, три обѣденныхъ чашки съ ложками, ружье, револьверъ, пара молотковъ, клещи и гвозди, весьма ограниченный запасъ платья и обуви, вотъ все, что у нихъ было, кромѣ провіанта.

Сначала все еще надѣялись на скорое возвращеніе корабля. Весь январь, въ теченіе котораго прилежно велись ботаническія и геологическія изслѣдованія и было собрано множество остатковъ и отпечатковъ растеній въ горныхъ породахъ, невольные узники внимательно разсматривали горизонтъ со всѣхъ сторонъ, усердно наблюдая за состояніемъ льда. И въ февралѣ, когда Антарктикъ всего въ 50 морскихъ миляхъ отъ нихъ велъ свою послѣднюю борьбу со льдами, какъ на Сноу-Гиллѣ, такъ и въ заливѣ Надежды, съ нетерпѣніемъ ожидали его появленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Андерсенъ и его товарищи чувствовали, что пора уже позаботиться о зимовкѣ и начали охотиться за оставшейся еще дичью,—пингвинами и тюленями. Такъ какъ дѣло шло уже о жизни и смерти, то безпощадно убивался каждый пингвинъ, котораго только можно было настигнуть въ окрестностяхъ. Самъ по себѣ взятый съ корабля провіантъ былъ бы очень скоро съѣденъ, и приходилось дѣлать возможно большой запасъ, тѣмъ болѣе, что отъ пингвина шла въ пищу только грудка. Въ концѣ-концовъ большинство птицъ ушло, а немногія оставшіяся сдѣлались такъ осторожны, что не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе. Съ помощью вырытой въ снѣгу западни въ видѣ рва съ воронкообразными стѣнками удалось еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поймать половину большого стада, состоявшаго изъ 200 пингвиновъ, и, такимъ образомъ, къ концу апрѣля запасъ провіанта состоялъ изъ 570 пингвиновыхъ грудокъ, закопанныхъ въ нѣсколькихъ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ.

11-го февраля Андерсенъ и его товарищи начали собирать въ одно мѣсто камни для постройки хижины на зиму, вначалѣ только для времяпрепровожденія, такъ какъ никому не приходило въ голову, что какъ разъ только день спустя Антарктикъ не выдержалъ борьбы со стихіями и пошелъ ко дну. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше выяснялась серьезность положенія, и начавшіяся снѣжныя бури возвѣщали приближеніе конца лѣта; теперь уже каждый день, въ который не было бури, старались использовать, чтобы передъ наступленіемъ зимы имѣть надежную защиту отъ непогоды.



Страница изъ дневника Дузе.

Наконецъ, была выстроена хижина со стѣнами въ цѣлый метръ толщиной, площадью въ 18 кв. футовъ и высотой въ 4 фута, едва дававшая мѣсто тремъ спальнымъ мѣшкамъ и необходимымъ предметамъ обихода. Буря вгоняла въ хижину черезъ щели между камнями массу снѣга; парусиновая крыша при каждой оттепели протекала и изливала цѣлые ручьи воды въ темную хижину, гдѣ нерѣдко наканунѣ былъ морозъ въ 20°. Вскорѣ сажа и жиръ покрыли стѣны и потолокъ, людей

и одежду, посуду и спальные мѣшки чернымъ непроницаемымъ слоемъ, а толстый пластъ вязкой грязи устилалъ полъ. Но дѣлать было нечего—приходилось жить и такъ. Положеніе зимующихъ на Сноу-Гиллѣ въ хорошемъ, чистомъ, деревянномъ домѣ съ разнообразной, и даже во вторую зимовку обильной провизіей, съ книгами, табакомъ, собаками, лѣкарствами и играми казалась раемъ по сравненію съ тѣмъ, что вытерпѣли Андерсенъ и его товарищи, существовавшіе болѣе надеждами на будущее, нежели настоящимъ. День за днемъ повторялось одно и то же меню: супъ изъ пингвиновъ, вареное и жареное пингвинье мясо, чередуясь со скудными порціями кофе, чая или какао, соотвѣтствовавшими указаннымъ напиткамъ по названію, но не по вкусу. Даже хлѣбъ давался экономно, такъ какъ вся лучшая провизія откладывалась въ расчетѣ съ наступленіемъ весны повторить попытку отыскать Норденшильда. Праздничная перемѣна меню наступала тогда, когда появлялся тюлень и удавалось его застрѣлить, чтобы на нѣсколько дней снабдить столъ свѣжимъ мясомъ; шкуры тоже имѣли важное значеніе для изготовленія обуви. Когда стужа была слишкомъ велика, или буря бушевала вокругъ, часто два члена экспедиціи, на которыхъ на этотъ разъ не лежала обязанность повара, день и ночь лежали въ спальныхъ мѣшкахъ, чтобы не было холодно, и при тускломъ свѣтѣ маленькой лампочки изъ тюленьяго жира исполняли различныя мелкія домашнія работы. Скуки, собственно говоря, они не испытывали, но чувствовалась ужасная тоска по свѣту и теплу, чистотѣ и всѣмъ другимъ благамъ цивилизаціи, а также иногда давала себя знать гнетущая меланхолія темной, однообразной антарктической зимы. Дузе, картографъ, приготовилъ изъ крышки отъ коробки изъ-подъ консервовъ и пустыхъ патроновъ шахматы, и въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ съ жадностью предавались этой игрѣ. А затѣмъ цѣлыя недѣли по необходимости пришлось заниматься сапожнымъ ремесломъ, и когда потомъ вспомнили о шахматной игрѣ, оказалось, что всѣ шахматы въ одномъ изъ угловъ хижины смерзлись въ одинъ большой комокъ льда и, конечно, никуда не годились.

Начиная отъ солнцеворота время стало проходить быстрѣе, такъ какъ начались дѣятельныя приготовленія къ весеннему

путешествію. По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось все выше и выше, возрастали и надежды, и несмотря на то, что снѣжныя бури еще цѣлыя недѣли свирѣпствовали вокругъ хижины, приковывая путешественниковъ къ теплымъ спальнымъ мѣшкамъ, все же они мечтали о походѣ на югъ и встрѣчѣ съ товарищами, жадно высчитывая насколько, поднялось солнце за тѣ дни, что имъ пришлось пролежать въ хижинѣ.

2-го сентября, поднявшись на ближайшую возвышенность, Андерсенъ убѣдился, что все море до самаго острова Вега покрыто сплошной ледяной корой. Но когда къ 20 сентября были поспѣшно закончены всѣ приготовленія къ походу, наступила такая плохая погода, что объ отъѣздѣ не могло быть и рѣчи. Даже 29 числа, когда погода стала лучше, и рискнули отправиться, было еще слишкомъ рано, и на слѣдующій день разразилась новая, ужасная буря, которая заперла нашихъ троихъ отшельниковъ на цѣлыхъ 48 часовъ въ маленькой палаткѣ и едва и вовсе не погубила ихъ. Затѣмъ при тяжелой погодѣ путники медленно стали подвигаться на югъ, черезъ широкій морской рукавъ, и съ различными приключеніями достигли острова Вега, гдѣ Андерсену удалось разыскать небольшой складъ провіанта, потерянный при первомъ путешествіи. 12-го октября наши путешественники находились на скалистомъ выступѣ морского берега, и здѣсь-то и произошла ихъ встрѣча съ Норденшильдомъ, о которой будетъ сказано ниже.

Вернемся на мысъ Сеймуръ къ Норденшильду и его спутникамъ. Для нихъ вторая зима прошла такъ же, какъ и первая. Въ концѣ сентября, какъ въ предыдущемъ году, Норденшильдъ съ нѣсколькими санями и людьми предпринялъ путешествіе на этотъ разъ въ сѣверномъ направленіи, чтобы ознакомиться съ лежащей впереди, еще покрытой зимнимъ снѣгомъ, равниной острова, и въ то же время добыть какія-либо свѣдѣнія о пропавшей съ кораблемъ экспедиціи. Прошло немного дней и онъ встрѣтилъ людей съ Антарктика.

Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отправившись на сѣверъ, Норденшильдъ открылъ проливъ Кронпринца Густава, отдѣляющій отъ Земли Короля Оскара

большой островъ Росса, который считался до тѣхъ поръ частью материка, и на которомъ возвышается гора Хаддингтонъ. 12-го октября экскурсія была на пути къ лежащему на сѣверѣ отъ о. Росса островку (оказавшемуся впослѣдствіи островомъ Вени), когда Іонассенъ обратилъ вниманіе Норденшильда на какія то двѣ оригинальныя фигуры, которыя вдалекѣ двигались по льду. Норденшильдъ взялъ изъ саней зрительную трубу, и сразу увидѣлъ, что это были люди. Цѣлый рой мыслей наполнилъ его голову: кто это могъ быть? Откуда они явились? Тѣмъ временемъ собаки, взволнованныя, кажется не меньше людей, изо всѣхъ силъ тащили сани по направленію къ землѣ, откуда двигались имъ навстрѣчу на лыжахъ загадочныя человѣческія фигуры.

«Ни одной ясной мысли не было у меня въ это время въ головѣ»,—пишетъ Норденшильдъ,—«я весь былъ погруженъ въ разглядываніе людей, шедшихъ намъ навстрѣчу. Это были двое мужчинъ, черныхъ, какъ сажа, съ ногъ до головы въ черномъ одѣяніи, съ черными лицами, и въ высокихъ черныхъ шапкахъ, наведшихъ Іонассена на мысль о цилиндрахъ; глаза, прикрытые черными деревянными козырьками, такъ рѣзко выдѣлялись на черномъ фонѣ лица, что люди казались одѣтыми въ черныя шелковыя маски съ отверстіями для глазъ: никогда въ жизни я не видалъ такого сочетанія культуры съ необыкновенной дикостью внѣшняго вида. Мнѣ всего скорѣе казалось, что это члены какой-нибудь другой экспедиціи (всего вѣрнѣе экспедиціи Брюса), снаряженные по сверхновѣйшей модѣ, которая рѣзко отличалась отъ всего, о чемъ могли мечтать путешественники до моего отъѣзда. Наконецъ я очутился съ загадочными людьми лицомъ къ лицу, между тѣмъ какъ Іонассенъ нѣсколько отсталъ съ собаками. Они подали мнѣ руки, со словами: «Добрый день!» на чистѣйшемъ шведскомъ языкѣ. «Добрый день! Добрый день!»—отвѣчалъ я. «Слышалъ ли ты что-нибудь о кораблѣ?» «Нѣтъ!» «Да, и мы тоже. Какъ обстоятъ дѣла на станціи?» «Отлично, превосходно во всѣхъ отношеніяхъ». Затѣмъ наступила короткая пауза, во время которой мой мозгъ усиленно работалъ, при чемъ, однако, я никакъ не могъ себѣ составить хотя приблизительнаго понятія о положеніи вещей. Это были несомнѣнно члены нашей экспедиціи, но почему они спрашивали объ Антарктикѣ? Кто они

были, объ этомъ вопросѣ я какъ-то не думалъ, меня занималъ главнымъ образомъ вопросъ, какъ они очутились здѣсь»? Наконецъ, наступило объясненіе. «Да ты что же, не узнаешь меня, что ли?»—спросилъ незнакомецъ, и Норденшильдъ долженъ былъ сознаться. «Нѣтъ... во всякомъ случаѣ...» «Я—Дузе, а онъ—Гуннаръ Андерсенъ». Тотчасъ же всѣ загадки были раз-

Грунденъ, Андерсенъ и Дузе послѣ зимовки.

рѣшены, и захвативши съ собой Грундена, по восточному берегу острова Росса путешественники вмѣстѣ съ Норденшильдомъ вернулись къ нему на зимовье, все еще не теряя надежды на приходъ Антарктика, который могъ быть задержанъ зимними льдами.

Они ждали напрасно; ледъ треснулъ передъ Сноу-Гиллемъ, море лежало свободное на далекомъ разстояніи. Вдругъ, 8-го ноября, совершенно неожиданно появился чужой пароходъ, аргентинскій Уругвай подъ командою капитана Иризара, пришедшій

за полярной экспедиціей. Онъ также не зналъ ничего объ Антарктикѣ и его экипажѣ, такъ что какая-то катастрофа была почти несомнѣнна. Уругвай, снаряженный великодушными усиліями правительственныхъ и ученыхъ круговъ Аргентины, при первыхъ подозрѣніяхъ о крушеніи Антарктика, вышелъ изъ Буэносъ-Айреса 8-го октября и въ концѣ мѣсяца былъ уже въ Ушуайѣ. Оттуда, пройдя Южно-Шетландскіе острова, онъ направился прямо къ мысу Сеймуръ. Высаживаясь здѣсь на землю, Иризаръ къ своему великому изумленію встрѣтилъ двухъ товарищей Норденшильда, охотившихся за пингвинами. Съ ними вмѣстѣ онъ направился къ зимовью на Сноу-Гилль. Уругвай прошелъ черезъ ледъ при необычайно благопріятныхъ условіяхъ, и поэтому немедленно возникло рѣшеніе—забравъ зимующихъ и ихъ коллекціи, отправиться на розыски пропавшихъ.

Но удивительные случаи и счастливыя совпаденія еще не прекратились. На другой день по приходѣ Уругвая, когда всѣ были заняты упаковкой груза, неожиданно прибылъ капитанъ Ларзенъ съ нѣсколькими спутниками. Радостно встрѣтились товарищи, но съ боязливыми вопросами съ обѣихъ сторонъ. Эта маленькая кучка прибывшихъ вечеромъ людей—весь ли экипажъ Антарктика? А со стороны Ларзена: «прошли ли безъ потерь обѣ зимы на Сноу-Гиллѣ?» Все разрѣшилось наилучшимъ образомъ. Капитанъ нашелъ всѣхъ зазимовавшихъ совершенно здоровыми; кромѣ того, противъ всякаго ожиданія, здѣсь же очутились высаженные имъ въ январѣ Дузе, Грунденъ и Андерсенъ, о судьбѣ которыхъ онъ больше всего безпокоился. Норденшильдъ же узналъ, что всѣ недостающіе спокойно ожидаютъ его на островѣ Паулетъ.

Теперь не было больше никакой задержки. Командиру Уругвая было поручено не заниматься изслѣдованіями, а только выручить экспедицію, и онъ выполнилъ данный ему приказъ съ военной точностью. Черезъ два дня послѣ прибытія на мысъ Сеймуръ, корабль былъ уже на обратномъ пути. На островѣ Паулетъ Уругвай захватилъ оставленныхъ тамъ спутниковъ капитана Ларзена и черезъ пять дней антарктическія воды лежали уже далеко позади.

По важности научныхъ результатовъ экспедиція Норденшильда стоитъ тотчасъ же за англійской, а по обилію приключеній, выпавшихъ на долю ея участниковъ, она значительно превосходитъ послѣднюю.

Помимо важныхъ изслѣдованій изъ области океанографіи, шведская экспедиція привезла богатый матерьялъ по метеорологіи и земному магнитизму, а также коллекцію по палеонтологіи, по фаунѣ и флорѣ южно-полярныхъ областей. Но самымъ важнымъ были географическіе результаты экспедиціи: окончательно выяснивъ связь между Землей Луи-Филиппа и Землями Данко и Короля Оскара, экспедиція установила, что Земля Греама представляетъ довольно узкій полуостровъ, сѣверная часть котораго выдается далеко за полярный кругъ, и окружена со всѣхъ сторонъ архипелагами и островами; задача дальнѣйшихъ экспедицій—выяснить связь этого полуострова съ предполагаемымъ материкомъ.

На родинѣ Норденшильда и его товарищей встрѣтили съ восторгомъ, и, благодаря поддержкѣ Академіи Наукъ въ Стокгольмѣ, государство ассигновало на обработку и опубликованіе трудовъ экспедиціи 55000 кронъ (около 20 тыс. рублей). Нѣсколько отдохнувши, Норденшильдъ занялся разработкой плана новой южно-полярной экспедиціи.

IX.

Изъ всѣхъ четырехъ экспедицій, производившихъ изслѣдованія въ антарктическихъ странахъ въ періодъ 1902—1904 г. послѣдней начала кампанію, и послѣдней же и возвратилась, шотландская экспедиція капитана Брюса на кораблѣ «Скотія». Ея задача была — изслѣдовать восточную, и по возможности и южную часть моря Уэдделя, которыя со временъ Уэдделя и Росса еще не посѣщалъ никто. (Уэддель, какъ, вѣроятно, читатель помнитъ, доходилъ до 74°15 ю. ш., а Россъ нѣсколько восточнѣе, до 71°15 ю. ш., но ни тотъ ни другой никакой земли не видали, а Уэддель видѣлъ даже открытое, свободное ото льда море).

Главной задачей экспедиціи были океанографическія изслѣдованія въ морѣ Уэдделя и близлежащихъ частяхъ южнаго

Атлантическаго океана, гдѣ по даннымъ Росса были найдены очень значительныя глубины (до 7 в.), и гдѣ область распространенія плавучихъ льдовъ и низкихъ температуръ заходитъ необыкновенно далеко. Помимо чисто географическихъ задачъ, члены экспедиціи преслѣдовали и другія цѣли: такъ, на пароходѣ была устроена цѣлая фотографическая мастерская, взяты были различные аппараты для съемки полярнаго моря и неба, для фотографированія на лету альбатросовъ, буревѣстниковъ и другихъ птицъ, а тюленей и пингвиновъ во время плаванія, такимъ образомъ, чтобы потомъ ихъ движенія можно было бы возстановить въ кинематографѣ.

Капитаномъ Скотіи былъ М. Робертсонъ, двадцать лѣтъ плававшій въ океанѣ на китобойныхъ судахъ, а начальникомъ экспедиціи—В. Брюсъ, опытный полярный путешественникъ, проведшій четыре лѣта и одну зиму въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ, и въ качествѣ врача побывавшій уже съ капитаномъ Робертсономъ на китобойномъ суднѣ «Балена», въ 1892 г. въ антарктическихъ странахъ (близъ сѣверныхъ береговъ Земли Луи-Филиппа).

Въ октябрѣ 1902 года Скотія покинула родные берега, а 26 января 1903 г. она уже отчалила отъ Фальклэндскихъ острововъ, направляясь къ юго-востоку.

Лѣто стояло чрезвычайно суровое, неблагопріятное для плаванья, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Уэддель проникъ до 74° ю ш., Скотія уже на широтѣ 61°, на 1400 килом. сѣвернѣе, близъ Южно-Оркнейскихъ острововъ, натолкнулась на границу сплошного плавучаго льда, вдоль котораго и отправилась на востокъ. Только на два градуса долготы восточнѣе Брюсъ встрѣтилъ свободный проходъ, позволившій ему продолжать свой путь къ югу. Цѣлую недѣлю подвигался онъ въ желанномъ направленіи, но 22-го февраля сплошной ледъ снова преградилъ ему путь; пришлось вернуться, такъ какъ Скотія была вовсе не приспособлена для зимовки во льду. Конечный пунктъ путешествія Брюса былъ на широтѣ 70°25′ ю. ш., т. е. какъ разъ тотъ, откуда въ 1843-мъ году былъ принужденъ вернуться Россъ. Несомнѣнно, на этотъ разъ вся область была покрыта льдомъ на гораздо большемъ протяженіи, чѣмъ во время путешествія Уэдделя.

Послѣ четырехнедѣльнаго плаванья по свободному ото льда морю Брюсъ вернулся къ Южно Оркнейскимъ островамъ, чтобы провести тамъ зиму. Послѣ долгихъ поисковъ,—старинныя карты этой группы острововъ очень неточны,—нашлось удобное мѣсто, гдѣ корабль могъ 25 марта 1903 г. стать на якорь возлѣ острова Лаури, не подвергаясь опасности быть раздавленнымъ льдами. Экипажъ остался на Скотіи, но выстроилъ каменную обсерваторію на твердой землѣ и всю зиму прилежно производилъ наблюденія

Ледникъ на сѣв. берегу острова Лаури.

и дѣлалъ экскурсіи для ближайшаго изслѣдованія этой группы острововъ.

Особенно основательно были изслѣдованы острова Лаури и Сэддль; всѣ они покрыты снѣгомъ и льдомъ, который отсутствуетъ только на очень крутыхъ мѣстахъ; къ водѣ ледъ обрывается вертикально, образуя стѣны до 76 м. высоты, съ ясной слоеватостью. По своему геологическому строенію острова эти состоятъ изъ древнѣйшихъ осадочныхъ породъ. Растительность на нихъ до крайности скудная; вопреки утвержденію Уэдделя здѣсь встрѣчаются только мхи и лишайники.

Восемь мѣсяцевъ тянулся этотъ вынужденный зимній отдыхъ; въ концѣ ноября корабль освободился, и Брюсъ, оставивъ нѣсколькихъ членовъ экспедиціи, съ метеорологомъ Моссманомъ во главѣ, для дальнѣйшихъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, отплылъ въ Буэносъ-Айресъ. Получивъ тамъ по

телеграфу извѣстіе о томъ, что Шотландское географическое общество собрало необходимыя для второго года средства Брюсъ вернулся черезъ Фальклэндскіе острова обратно въ Южно-Оркнейскимъ.

Тамъ онъ взялъ оставшихся въ обсерваторіи метеорологовъ и сейчасъ же приступилъ къ новому путешествію по полярному морю, которое между тѣмъ освободилось ото льда. Лѣто оказалось благопріятнѣе предыдущаго и экспедиція только на 66° южной широты встрѣтила плавучіе льды, сквозь которые Скотія немедленно устремилась на югъ, такъ какъ время года было еще благопріятно; такимъ образомъ судно прошло еще 500 километровъ по морю, которое лѣтомъ 1903 г. было сплошь покрыто льдомъ въ этой области. Километровъ на 300 южнѣе пункта своего прошлогодняго возвращенія подъ 72°18′ ю. ш. встрѣтилъ Брюсъ гигантскій ледяной барьеръ,—край сплошь покрытаго льдомъ материка; или лежащаго передъ нимъ глетчера, вдоль котораго и направился къ западу.

7-го марта 1904 г. онъ былъ почти также далеко на югѣ, какъ Уэддель, но быстро наступившая зима положила конецъ поступательному движенію Скотіи. Сильная снѣжная буря дико волновала ледяныя горы и льдины, корабль былъ сжатъ ими и подвергся довольно сильному давленію, которое подняло его на нѣсколько футовъ. Когда непогода затихла,—вблизи виднѣлся берегъ южнаго материка, тянувшагося на необозримое пространство къ югу и востоку,—монотонная, однообразная пустыня вѣчнаго льда. Довольно большія стаи птицъ оживляли плавучіе льды, но зима наступала и птицы готовились къ отлету. Казалось уже, что здѣсь придется зазимовать, хотя и противъ воли, но 14-го марта ледяная ограда еще разъ раскрылась, Скотія освободилась и поспѣшно пошла на сѣверъ, лавируя по протокамъ и свободнымъ мѣстамъ. 22-го марта, послѣ 8-ми дневной борьбы, она пробралась между льдинами въ открытое море и направилась на сѣверъ, къ небольшому острову Гугу, въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ.

Измѣряя морскую глубину въ морѣ Уэдделя и около ледяной стѣны, вдоль края которой Скотія шла на протяженіи 280 километровъ, Брюсъ повсюду получилъ приблизительно одина-

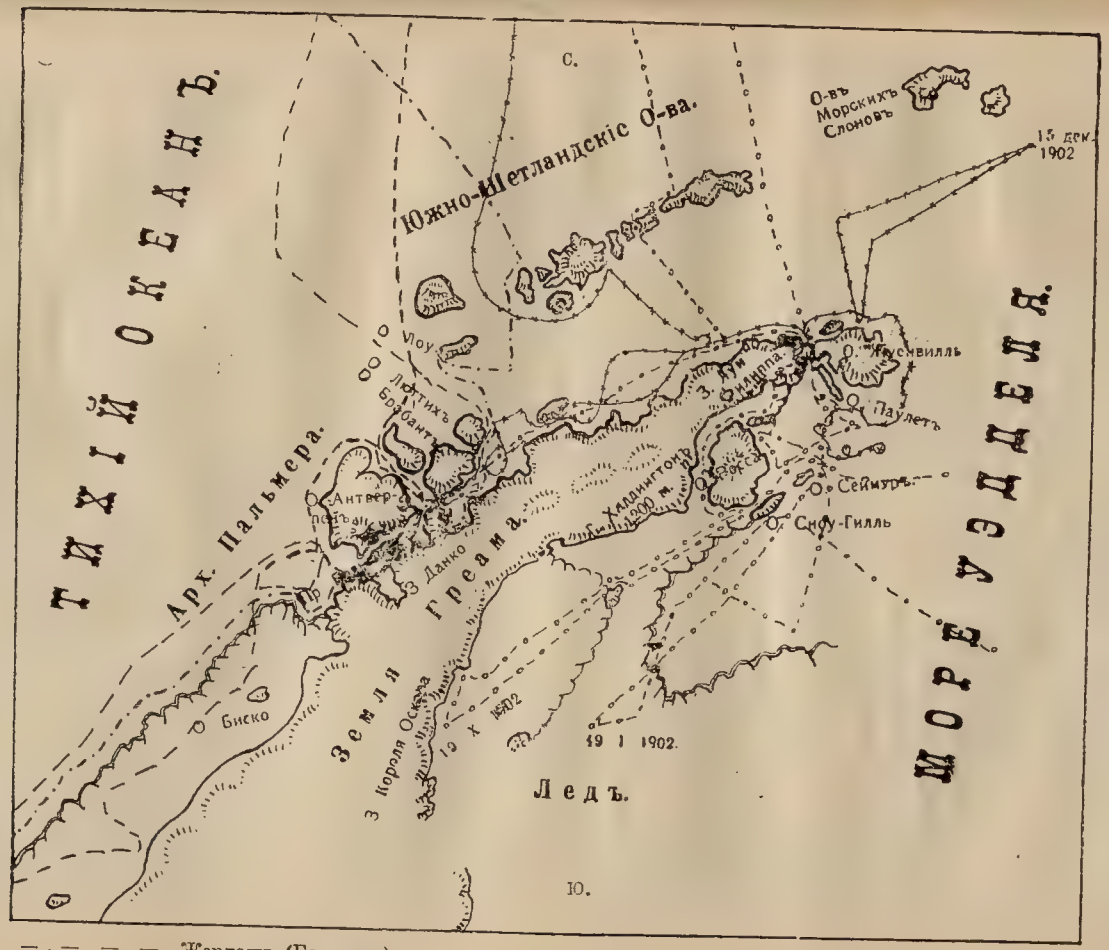
ковыя цифры—около 2000 метровъ, обстоятельство, говорящее за то, что онъ всего вѣрнѣе былъ у края не материка, а исполинскаго глетчера, Богъ знаетъ на какое разстояніе выступающаго впередъ.

8-го мая 1904 г. Скотія благополучно прибыла въ Капштадтъ, а 21-го іюля возвратилась на родину. Главный результатъ ея—океанографическія изслѣдованія, (при чемъ обнаружилось, что найденная Россомъ глубина 7 тыс. м. была, вѣроятно, ошибкой), а изъ области географіи—западная граница моря Уэдделя, предполагаемая часть материка, названная Брюсомъ Землей Котса.

Къ этой же серіи должна быть отнесена и первая французская экспедиція, подъ начальствомъ д-ра Ж. Шарко.

Въ началѣ Шарко думалъ организовать путешествіе къ сѣверному полюсу и съ этой цѣлью въ Сенъ-Мало построилъ на свой счетъ трехмачтовый корабль, съ паровой машиной, который онъ предполагалъ назвать «Pourquoi pas?».

Экспедиція находилась подъ покровительствомъ комитета, который состоялъ изъ представителей Парижской академіи наукъ, Парижскаго музея естествознанія и французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Въ началѣ 1903 г., вѣроятно подъ впечатлѣніемъ успѣховъ, достигнутыхъ антарктическими экспедиціями другихъ національностей, комитетъ этотъ измѣнилъ свои предположенія и предложилъ Шарко принять участіе въ общеевропейскомъ «походѣ противъ южнаго полюса», указавъ ему и мѣсто изслѣдованія,—Землю Александра I; а такъ какъ всѣ безпокоились за судьбу шведской экспедиціи, то ближайшей задачей было разыскать Норденшильда, и затѣмъ отправляться въ самостоятельное плаванье. Эта перемѣна, повидимому, ни чуть не противорѣчила взглядамъ Шарко, такъ какъ и самъ онъ, и его сотрудникъ по приготовленію экспедиціи, Жерлашъ, смотрѣли на арктическое путешествіе, только какъ на подготовку къ дальнѣйшему, антарктическому. Недостававшая для снаряженія корабля сумма была собрана подпиской, государство тоже пришло на помощь, морское министерство снабдило экспедицію провіантомъ и другими запасами, корабль вскорѣ былъ



Карта экспедиціи Жерлаша, Норденшильда и Шарко.

достроенъ, снабженъ всѣмъ необходимымъ, получилъ названіе «Французъ» и 27 іюня спущенъ на воду, а 23 августа 1903 г. уже отплылъ изъ Гавра, направляясь къ берегамъ Южной Америки.

Въ концѣ ноября экспедиція Шарко встрѣтила Норденшильда у Буэносъ-Айреса. Теперь французскій ученый могъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана идти по слѣдамъ Норденшильда, чтобы оказать ему помощь въ случаѣ надобности, и прямо отправился на мѣсто изслѣдованія—къ западному берегу Земли Греама.

Въ Южной Америкѣ сформировался окончательно и составъ экспедиціи.

Экипажъ Француза состоялъ изъ 13 матросовъ,—бретонцевъ; научной частью завѣдовали: самъ д-ръ Шарко, (онъ же и капитанъ корабля), зоологъ и ботаникъ Тюрке, геологъ Гурдонъ, физикъ Плено, метеорологъ и спеціалистъ по магнитнымъ наблюденіямъ Рей, астрономъ и океанографъ Мата. Экспедиція была снабжена провіантомъ на 28 мѣсяцевъ; на Огненной Землѣ, въ Пунта-Аренасъ на корабль взяли еще разборный домикъ, такъ какъ Шарко предполагалъ зазимовать на берегу, если будетъ возможно. Область его изслѣдованій находилась на западномъ берегу Земли Греама, слѣдовательно недалеко отъ поля дѣятельности бельгійской и шведской экспедицій.

Такъ какъ Шарко взялъ съ собой собакъ, которыхъ везла обратно шведская экспедиція, то можно было предполагать, что благодаря благопріятной погодѣ лѣта 1904 г. онъ сможетъ проникнуть въ тайны южнаго полярнаго материка глубже, чѣмъ это удалось шотландцамъ и нѣмцамъ изъ-за необычайно плохой погоды.

Прошелъ годъ, а никакихъ извѣстій отъ Шарко не получалось. Уругвай, тотъ самый, который выручилъ Норденшильда, отправился на поиски за Шарко, но вернулся безъ всякаго результата. Онъ обшарилъ Южно-Шетландскіе острова, на которыхъ экспедиція должна была, въ случаѣ своего пребыванія, оставить знакъ, сложенный изъ камня, но таковаго нигдѣ не оказалось.

Опасеніе за судьбу экспедиціи все возрастало, когда неожиданно въ мартѣ 1905 года получился изъ Аргентины рядъ телеграммъ, возвѣщавшихъ, что 3-го марта 1905 года экспедиція

благополучно возвратилась въ обитаемыя страны, Пуэрто Мадринъ въ Патагоніи, а 7-го іюня, Французъ уже прибылъ къ берегамъ Франціи.

Покинувши Ушуайю, Шарко отправился дѣлать съемку западныхъ береговъ архипелага Пальмера и затѣмъ Французъ вошелъ въ южную часть пролива Бельгики, въ надеждѣ здѣсь гдѣ-нибудь перезимовать; но подходящаго для зимовки мѣста не находилось и, соорудивши на берегу «кернъ»—пирамиду изъ камней, судно воспользовалось тѣмъ, что путь былъ свободенъ, и отправилось къ югу; вскорѣ оно и достигло острововъ, Биско, названныхъ по имени открывавшаго ихъ въ 1832 г. тюленебоя Биско и съ тѣхъ поръ не виданныхъ ни одной экспедиціей.

Пингвинъ, кормящій дѣтеныша.

Выдержавши въ теченіе 10 дней ужасную бурю, въ мартѣ Шарко нашелъ на одномъ изъ острововъ архипелага на о-вѣ Вандель очень удобную бухту и остался здѣсь на зиму. Чтобы не допустить въ бухту плавучихъ льдовъ, входъ въ нее былъ загражденъ цѣпью. Зимовка прошла при очень благопріятныхъ условіяхъ, но быстрыя и рѣзкія перемѣны погоды мѣшали совершить далекія санныя экскурсіи. Провизія оказалась превосходной, и экспедиція ни въ чемъ не чувствовала недостатка; тѣмъ не менѣе приходилось опасаться, что не хватитъ топлива, и поэтому, пока была возможность, путешественники топили печки тушками убитыхъ пингвиновъ, которые первое время встрѣчались въ изобиліи.

Весной была предпринята большая санная экскурсія, при чемъ взяли съ собой и лодки; эта экскурсія сняла на карту большую полосу Земли Греама.

Въ декабрѣ стали пилить и взрывать ледъ, чтобы освободить корабль. На югѣ и на западѣ море было сплошь покрыто льдами, такъ что пришлось дѣлать большой крюкъ къ сѣверу, чтобы было возможно продолжать путь на югъ. Погода была ужасная, со снѣгомъ, вѣтромъ и туманомъ. Среди льдовъ корабль подвигался къ югу, пока не завидѣли невиданную никѣмъ со временъ Беллинстаузена Землю Александра I, подступиться къ которой было, однако, совершенно невозможно, вслѣдствіе лежащаго передъ ней льда. Французъ повернулъ назадъ и поплылъ среди исполинскихъ льдовъ, пока не завидѣли берегъ новой, никѣмъ невиданной земли, составляющей, повидимому, продолженіе З. Греама и названной Шарко въ честь тогдашняго президента французской республики Землею Лубэ. Двигаясь между ледянымъ барьеромъ съ одной стороны, и сплошными массами плавучаго льда съ другой, Французъ чуть было не погибъ, наткнувшись на подводную скалу; пробоина была все-таки такъ велика, что несмотря на усиленное откачиваніе воды, продолжать путешествіе дальше стало невозможно.

Семейство полярныхъ баклановъ.

14-го февраля 1905 года Шарко повернулъ обратно и вскорѣ былъ уже за предѣлами сплошного льда.

Главнымъ результатомъ его экспедиціи является то, что ему, удалось разыскать Землю Александра I, описать берегъ Земли Греама южнѣе Земли Данко, открыть новую сушу къ юго-западу отъ Земли Александра I—Землю Лубэ, и обслѣдовать архипелаги Пальмера, Биско, и другіе; кромѣ того

экспедиція привезла массу цѣнныхъ наблюденій и снимковъ изъ жизни антарктическихъ птицъ — пингвиновъ, полярныхъ баклановъ*), буревѣстниковъ, хищныхъ чаекъ и т. д. Возвратившись во Францію, Шарко сталъ готовиться къ новой южно-полярной экспедиціи, а его судно, Французъ, было куплено аргентинскимъ правительствомъ для плаванья къ Южно-Шетландскимъ и Южно-Оркнейскимъ островамъ.

Путешествіемъ Шарко заканчивается та серія экспедицій 90-хъ годовъ, которая пролила столько свѣта на южно-полярныя страны.

Съ своей стороны она дала толчокъ цѣлому ряду начинаній, какъ научнаго, такъ и промышленнаго характера.

Во первыхъ, Аргентинское правительство устроило на Южно-Оркнейскихъ островахъ метеорологическую станцію, замѣнивши Моссмана и его товарищей аргентинцами. Далѣе, въ Буэносъ-Айерсѣ образовалась китобойная компанія для охоты въ южно-полярныхъ водахъ. Опорнымъ пунктомъ ея служитъ островъ Южной Георгіи, откуда одни корабли ходятъ въ Буэносъ-Айресъ, а другіе, подъ начальствомъ Ларзена, — котораго компанія пригласила къ себѣ на службу,—охотятся за звѣрями.

Наконецъ, на всемірномъ съѣздѣ экономистовъ въ Монсѣ, 25-го октября 1905 года, было рѣшено побудить бельгійское правительство основать интернаціональный союзъ полярныхъ изслѣдователей и созвать для этой цѣли спеціальный конгрессъ. Въ сентябрѣ 1906 года этотъ конгрессъ состоялся и на немъ Шарко уже развивалъ свой планъ новой антарктической экспедиціи; въ результатѣ была основана Международная Ассоціація для содѣйствія полярнымъ изслѣдованіямъ.

X.

Послѣ Брюссельскаго конгресса въ изслѣдованіи антарктическихъ странъ, наступило затишье, продолжавшееся почти три года. Международная Ассоціація оказалось, какъ говорится, мертворожденной; по крайней мѣрѣ никакихъ признаковъ жизни въ смыслѣ организаціи новыхъ полярныхъ изслѣ-

*) Phalacrocorax atripes.

дованій она не проявила. Но, повидимому, въ полярныхъ путешествіяхъ (какъ и вообще въ путешествіяхъ въ неизвѣданныя страны) есть какая-то особая притягательная сила, заставляющая человѣка, разъ испытавшаго, хотя бы цѣною трудовъ, лишеній и страданій, всю прелесть изслѣдованія невѣдомыхъ странъ, опять и опять возвращаться туда же, вновь и вновь испытывать прежнія ощущенія: во время этого затишья рядъ антарктическихъ путешественниковъ,—Шарко, Скоттъ, Брюсъ, Шекльтонъ,—частью обдумывали, частью снаряжали новыя южно-полярныя экспедиціи.

Эрнстъ Шекльтонъ.

Первому удалось собрать необходимыя средства и снарядиться молодому англійскому лейтенанту Э. Шекльтону, спутнику Скотта во время его знаменитаго похода къ югу. На этотъ разъ Шекльтонъ думалъ, идя тѣмъ же путемъ, продвинуться какъ можно дальше на югъ, съ цѣлью добраться, по возможности, до полюса. Такъ какъ матеріальной поддержки получить нигдѣ не удалось, Шекльтонъ на свой страхъ и рискъ занялъ 500 тыс. франковъ и на эти деньги сорганизовалъ экспедицію. Для переѣзда на З. Викторію и возвращенія обратно онъ купилъ старое тюленебойное судно «Нимродъ», небольшое и довольно тихо ходящее, но прочное и выносливое въ борьбѣ со льдами. Желающихъ ѣхать съ Шекльтономъ оказалось такъ много, что при-

шлось дѣлать строгій выборъ, останавливаясь преимущественно на молодомъ, сильномъ и знакомомъ съ полярными странами народѣ. Изъ Англіи, кромѣ экипажа «Нимрода», съ Шекльтономъ поѣхало 11 человѣкъ, въ томъ числѣ два старыхъ товарища Шекльтона по экспедиціи Скотта—Э. Жуасъ и Фр. Уайльдъ,—потомокъ знаменитаго мореплавателя Джемса Кука, перваго объѣхавшаго антарктическія страны; далѣе въ экспедиціи приняло участіе нѣсколько ученыхъ: два геолога (Пристлей и Брокльгёрстъ), біологъ Мёррей, метеорологъ—лейтенантъ флота Адамъ, топографъ (по образованію—врачъ) Маршалль и художникъ Марстонъ (благодаря которому теперь описаніе экспедиціи Шекльтона украшено цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ цвѣтныхъ рисунковъ); далѣе слѣдовали необходимые члены экспедиціи—врачъ Мэкей, поваръ и механикъ. По пути присоединилось еще трое, между прочимъ, проф. Э. Дэвидъ, геологъ, и молодой лекторъ минералогіи въ университетѣ Аделанды (Южная Австралія), Дугласъ Маусонъ—имя, съ которымъ намъ еще придется встрѣтиться дальше.

7-го августа 1907 г. «Нимродъ» покинулъ берега Англіи, а 23-го ноября онъ уже бросилъ якорь въ г. Литтльтонѣ (южный островъ Новой Зеландіи). Здѣсь корабль долженъ былъ окончательно снарядиться; здѣсь же выяснилось, что при своей малой вмѣстимости «Нимродъ» не можетъ взять на бортъ всего необходимаго запаса угля. Пришлось въ видахъ экономіи топлива зафрахтовать пароходъ «Кунію», который долженъ былъ на буксирѣ отвезти «Нимрода» до границы плавучихъ льдовъ.

1-го января 1908 г. при ясной погодѣ вышли въ море, но уже къ вечеру этого дня поднялся штормъ, вскорѣ перешедшій въ настоящую бурю. Цѣлыхъ двѣ недѣли бушевала буря, развивая жесточайшую качку: все, что не было привязано крѣпко, катилось по полу, волны перекатывались черезъ палубу, заливая отдѣленіе, гдѣ стояли лошади. «Нимроду» пришлось итти самостоятельно. При боковой качкѣ судно крепило то въ ту, то въ другую сторону больше, чѣмъ на 50°, такъ что размахи его превосходили 100°; волны нерѣдко были больше 13 м. высотою и заливали кухню и огонь въ печи. Особенно плохо приходилось лошадямъ—онѣ ужасно страдали, и одну изъ нихъ

даже пришлось пристрѣлить. Въ заключеніе «Нимродъ» далъ течь, и лишь съ большими усиліями, пустивши въ ходъ всѣ помпы, не только паровыя, но и ручныя, судно удавалось удерживать на водѣ. Только 12-го января буря стала стихать, все мало-по-малу было приведено въ порядокъ, а вскорѣ показались и первыя ледяныя горы. Термометръ упалъ до нуля, показался плавучій глыбовый ледъ, и 15-го января пришлось разстаться съ «Куніей», которая ушла на сѣверъ, а «Нимродъ» отправился на югъ, въ море Росса.

Шекльтонъ думалъ, хотя бы на первую зиму, сдѣлать своей штабъ-квартирой открытую Скоттомъ при его участіи Землю Эдуарда VII, чтобы нѣсколько изслѣдовать ея берега и внутренность. Поэтому, добравшись до Великаго Барьера—ледяной стѣны Росса, «Нимродъ» пошелъ вдоль нея на востокъ: при ясной погодѣ видно, что стѣна, высота которой большею частью около 45 м., то повышается до 60 и даже до 75 м., то понижается; передній край ея сильно изломанъ и изрѣзанъ, а въ одномъ мѣстѣ рѣзкое пониженіе стѣны совпадаетъ съ значительной выемкой къ югу, образующей защищенную и удобную бухту, названную Шекльтономъ Китовой. Вскорѣ между Великимъ Барьеромъ и открытымъ моремъ появилась масса берегового льда, среди котораго то тутъ, то тамъ виднѣлись гигантскіе айсберги, и чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ берегового льда становилось все больше и больше.

Добраться до З. Эдуарда VII оказалось невозможно вслѣдствіе окаймлявшихъ ее огромныхъ массъ плавучаго льда. Пришлось и на этотъ разъ, подобно Скотту, зазимовать у береговъ З. Викторіи, въ заливѣ Макъ-Мурдо.

«Нимродъ» высадилъ на берегъ 15 человѣкъ путешественниковъ, большой запасъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ и ушелъ въ Новую Зеландію, съ тѣмъ, чтобы вернуться на слѣдующій годъ.

Въ качествѣ упряжныхъ животныхъ на этотъ разъ, кромѣ собакъ, были взяты съ собой еще 10 привычныхъ къ снѣгамъ и морозамъ манчжурскихъ лошадокъ («пони»): дорогой двѣ изъ нихъ погибли, но 8 благополучно высадились на сушу; кромѣ животныхъ, для перевозки тяжестей былъ взятъ съ собой еще

спеціально устроенный, сильный автомобиль и моторныя сани.

Устроившись на зимней квартирѣ, путешественники использовали остатокъ осени для изученія вулкана Эребусъ.

Шарко.

На краю кратера Эребуса.

Въ мартѣ 1908 г. подъ руководствомъ лейт. Адамса, пятеро ученыхъ: проф. Дэвидъ, Маусонъ, Брокльгёрстъ, Маршалль и

д-ръ Мэкей отправились въ большую экскурсію по о-ву Росса, на которомъ среди снѣговыхъ полей дымился гигантскій, почти въ 4 тыс. метровъ высотою, конусъ вулкана. Вначалѣ подъемъ на Эребусъ не представлялъ особаго затрудненія: склоны были такъ отлоги, что до высоты 1650 м. можно было подвигаться впередъ, таща за собой сани. Дальше пришлось уже всю необходимую кладь тащить на спинѣ. На высотѣ 2800 м. жестокая мятель заставила путешественниковъ цѣлыхъ двое сутокъ отсиживаться въ палаткѣ. Взобравшись на вершину, путники оказались на краю громаднаго дѣйствующаго кратера, глубиною въ 240 метровъ. Весь онъ наполненъ и окруженъ густыми облаками водяныхъ и сѣрнистыхъ паровъ, которые поднимаются высоко въ небо и могутъ служить прекраснымъ средствомъ для наблюденія за воздушными теченіями въ высокихъ слояхъ атмосферы: наблюдая положеніе столба паровъ надъ вершиной Эребуса, можно было за нѣсколько часовъ безошибочно предсказывать погоду. На склонахъ конуса, на высотѣ 3350 м., среди снѣга дымились трещины—фумаролы, съ намерзшими вокругъ оригинальными фигурами изъ льда.

Дальше, на склонѣ вулкана, былъ открытъ второй, потухшій кратеръ, весь выполненный пемзой, сѣрой и крупными кристаллами полевого шпата.

Зиму, которая затянулась до середины августа, всѣ участники экспедиціи перенесли отлично; зато изъ лошадей по неизвѣстной причинѣ погибло 4 штуки—думаютъ, что онѣ наѣлись песку.

Весь августъ и начало сентября были посвящены изученію поверхности колоссальной ледяной массы, фронтъ которой составляетъ стѣна Росса—«Великій Барьеръ». Вблизи лагеря поверхность эта была большею частью такъ гладка, что по ней можно было свободно ѣздить на автомобилѣ (напротивъ, моторныя сани, на которыя возлагались такія большія надежды, оказались совершенно безполезными, какъ здѣсь, такъ и во время санныхъ экскурсій на югъ). Автомобиль этотъ, въ 15 лошадиныхъ силъ, отличался особенно крѣпкимъ устройствомъ и цѣлымъ рядомъ приспособленій, которыя должны были облег-

чить ему передвиженіе по льду: газъ изъ одного цилиндра служилъ для согрѣванія газогенератора, а изъ трехъ другихъ шелъ въ металлическую коробку для согрѣванія ногъ пассажировъ. Кромѣ того, были взяты съ собой незамерзающее масло и различныя запасныя части, въ особенности колеса и полозья различной формы. Еще до устройства зимней квартиры автомобиль подвергся первому серьезному испытанію: на немъ вздумали перевозить черезъ береговой ледъ, такъ наз. припай, различные грузы съ корабля на берегъ. Первая проба оказалась довольно неудачной,—по толстому слою рыхлаго снѣга, покрывавшаго разбитый трещинами береговой припай, автомобиль далеко уѣхать не могъ, такъ что его пришлось взять обратно на судно,—но двигатель при—17° С. работалъ отлично. Выбравшись на твердую землю, путешественники возобновили попытку воспользоваться автомобилемъ, но и здѣсь дѣло вначалѣ шло не лучше,—колеса проваливались глубоко въ снѣгъ, и пришлось въ теченіе зимы смастерить для него спеціальныя, особенно широкія полозья, однако, первыя же весеннія экскурсіи показали, что и это средство помогаетъ плохо, такъ какъ внутри страны снѣжный покровъ и открытый ледъ чередуются настолько часто, что пришлось бы постоянно мѣнять шины или колеса. Всего лучше шло дѣло съ простыми резиновыми шинами, обернутыми цѣпями отъ тормозовъ; при—20° резина дѣлалась совершенно твердой и теряла всякую эластичность. Чтобы облегчить машину, съ нея было снято все, кромѣ самаго необходимаго, такъ что отъ автомобиля въ концѣ-концовъ остался одинъ голый скелетъ. Въ такомъ видѣ автомобиль былъ въ началѣ сентября пущенъ въ дѣло для перевозки тяжело нагруженныхъ саней на короткія разстоянія, и съ большимъ успѣхомъ: въ первый же день онъ исполнилъ такую работу, которую могли бы сдѣлать нѣсколько дней по крайней мѣрѣ шесть человѣкъ.

Въ сентябрѣ была устроена первая большая экскурсія къ югу для подготовки похода къ полюсу. Главной цѣлью ея было соорудить въ 200 кил. къ югу отъ лагеря большой складъ корма для лошадей, чтобы воспользоваться имъ при главномъ походѣ. На этотъ разъ автомобиль могъ провезти сани только на 12 кил. отъ лагеря; дальше пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ

при такомъ большомъ морозѣ, свыше 40°, употреблять въ дѣло какъ лошадей, такъ и собакъ было рисковано. Такъ шло дѣло и дальше—на большія разстоянія автомобиль оказывался вслѣдствіе разнообразія грунта непригоднымъ: на колесахъ—онъ вязъ въ рыхломъ снѣгу, на полозьяхъ—застрявалъ на бугристомъ льду. Зато въ окрестностяхъ лагеря онъ до самаго конца оказывалъ незамѣнимыя услуги, перевозя людей и тяжести. Такимъ образомъ главный походъ къ югу былъ совершенъ исключительно силами лошадей, а когда онѣ погибли,—самихъ путешественниковъ.

Въ концѣ октября 1908 г. Шекльтонъ съ тремя спутниками Маршаллемъ, Адамсомъ и Уайльдомъ,—и четырьмя лошадьми выступилъ въ свой, ставшій впослѣдствіи столь знаменитымъ, походъ къ югу. Уходя, онъ оставилъ обстоятельныя инструкціи оставшимся членамъ экспедиціи и подробное завѣщаніе на случай гибели его партіи.

Первыя полторы недѣли дѣло шло медленно: партія постепенно подвигалась впередъ, сопровождаемая товарищами, которые тащили провіантъ для складовъ, возвращались въ лагерь, снова догоняли экспедицію и т. д.; время отъ времени налетала снѣжная буря, прерывавшая путешествіе. Каждая изъ лошадей тащила сани съ грузомъ отъ 270 до 300 килогр. (16—18 пудовъ); еще одни сани съ такимъ же грузомъ тащили пятеро человѣкъ; первое время помогалъ и автомобиль, подвозя запасы провіанта. Манчжурскія лошади оказались неукротимыми животными, полными силъ, упрямства, дикости и какихъ-то неожиданныхъ капризовъ, которые никакъ нельзя было предвидѣть. То ранили они одного изъ путешественниковъ ударами копытъ такъ сильно, что его участіе въ дальнѣйшемъ походѣ становилось подъ знакъ вопроса, то кто-нибудь изъ нихъ срывался и убѣгалъ, заставляя часами себя ловить; то всѣ онѣ набрасывались на мѣшки съ провіантомъ, растаптывали ихъ и пожирали припасенную для нихъ кукурузу. Казалось, онѣ предвидѣли свою печальную участь, и хотѣли, пока еще живы, какъ можно меньше стѣснять свою волю.

7 ноября Шекльтонъ разстался съ провожавшими его това-

рищами. Это былъ первый день, когда партіи довелось имѣть дѣло съ трещинами во льду, и такими основательными, что пришлось дѣлать обходъ въ цѣлыхъ $1^1/_2$ км. и стать лагеремъ между двумя трещинами изъ опасенія ночью провалиться въ одну изъ нихъ. Для Шекльтона было весьма непріятнымъ открытіемъ, что ледяная масса, оканчивающаяся на сѣверѣ Великимъ Барьеромъ, которую послѣ экспедиціи Скотта считали совершенно ровной и гладкой, изборождена такой массой трещинъ. Температура въ общемъ стояла довольно высокая, термометръ рѣдко падалъ ниже—10°С., но налетѣвшая на слѣдующій же день снѣжная вьюга заставила путешественниковъ цѣлыя сутки пролежать въ палаткѣ,—иначе они съ первыхъ же шаговъ рисковали провалиться въ невидимую трещину. Мучительно было безсмысленно лежать въ мѣшкахъ въ 84 км. отъ зимняго лагеря и въ 1200 км. отъ цѣли похода, и поѣдать провіантъ, предназначавшійся для труднаго похода.

Наконецъ, 9-го ноября мятель кончилась, можно было откопать сани и съ закоченѣвшими отъ холода лошадьми пуститься на поиски дороги, среди трещинъ,густой сѣтью пересѣкавшихъ ледъ. Однѣ были узки и безопасны, другія широки и такой глубины, что дна ихъ не было видно. Послѣ нѣсколькихъ часовъ хода, Чайненгъ («Китаецъ»), лошадь, тащившая переднія сани, провалился въ трещину шириною въ 3 фута: его благополучно извлекли оттуда, но еще бы немножко, и сани съ проводникомъ, кухонными принадлежностями и половиной всего запаса керосина, неминуемо погибли: засыпанная снѣгомъ трещина внизу расширялась въ зіяющую пропасть; тогда прочимъ членамъ экспедиціи оставалось бы только вернуться назадъ. Къ счастью это была послѣдняя трещина и дальнѣйшій путь сталъ гораздо легче.

Пройдя 23 км. стали лагеремъ. Поздно вечеромъ внезапно раздался сильный грохотъ, напоминавшій отдаленный пушечный громъ. Вѣроятно тамъ далеко, на краю гигантскаго глетчера, на которомъ расположились путешественники откололась громадная глыба льда: такія глыбы постоянно отламываются отъ ледяной стѣны Росса и даютъ начало столовымъ ледянымъ горамъ, медленно выплывающимъ на сѣверъ, въ открытое море.

На слѣдующій день прошли еще 25 км. и справа, на западѣ, показались горы. Къ величайшему изумленію на снѣгу былъ найденъ свѣжій пометъ пингвина, на слѣдующій день находка повторилась. Какъ могла попасть эта нелетающая птица, сюда за 80 слишкомъ килом. онъ моря? Что дѣлала она здѣсь, гдѣ нѣтъ ни воды, ни пищи?

За отчаянно холодными ночами слѣдовали солнечные, теплые дни, дѣлавшіе снѣгъ мягкимъ и рыхлымъ, затруднявшимъ передвиженіе. Ночью сонъ часто нарушали лошади, которыя разгрызали и пожирали все, что можно было раздобыть, въ родѣ веревки, одѣяла и т. д.; зато днемъ онѣ добросовѣстно тащили тяжелыя сани и экспедиція подвигалась въ сутки въ среднемъ на 24 км. Сзади, далеко на сѣверѣ все еще виднѣлся могучій конусъ Эребуса, надъ вершиною котораго стояло тяжелое облако пара, на западѣ была видна коническая вершина горы Дисковери, а впереди рисовался высокій утесъ, подъ защитой котораго два мѣсяца тому назадъ подготовительная экскурсія устроила складъ провизіи для лошадей.

15-го ноября, наконецъ, до него добрались и нашли его въ цѣлости и неприкосновенности, съ весело развѣвающимся надъ нимъ флажкомъ. Да и кто могъ бы разорить складъ въ этой мертвенной, лишенной всякаго признака жизни, странѣ?

Изъ склада взяли кормъ для лошадей, а вмѣсто него положили туда запасъ провіанта на обратный путь. Начиная отсюда на каждой стоянкѣ стали воздвигать снѣговые конусы, которые могли бы служить путевыми знаками при возвращеніи,—мѣра предосторожности, вся важность которой выяснилась впослѣдствіи.

Лошади, попрежнему были неистощимо-изобрѣтательны въ устройствѣ всевозможнаго безпорядка и въ умѣньи находить «съѣдобныя» вещи; кормили ихъ сытно, кукуруза часто оставалась недоѣденной и разбросанной по снѣгу, но онѣ считали самымъ лакомымъ блюдомъ какой-нибудь кусокъ просмоленнаго каната, или старый пиджакъ, и даже объѣли другъ другу хвосты. Но работали онѣ попрежнему хорошо и бодро шли даже по рыхлому снѣгу, несмотря, на то, что здоровы изъ четырехъ были только двѣ, а Чайпеменъ былъ такъ истомленъ, что, казалось, ему недолго остается жить.

Пейзажъ кругомъ было неизмѣнно одинъ и тотъ же: все та же гладкая и ровная поверхность безконечнаго глетчера, восточный край и верхняя часть котораго еще никому неизвѣстны, и который, выполняя обширный заливъ, несетъ къ океану колоссальныя массы льда изъ невѣдомыхъ полярныхъ пустынь. 19-го ноября Шекльтонъ достигъ 80° 32′ южной широты, крайняго пункта, до котораго шесть лѣтъ тому назадъ онъ добрался вмѣстѣ со Скоттомъ. Но тогда они прибыли сюда цѣлымъ мѣсяцемъ позже (16-го дек.), а на этотъ разъ и запасъ провіанта былъ больше, чѣмъ разсчитывалъ Шекльтонъ вначалѣ, и кромѣ того, было налицо еще 4 лошади, которыя представляли какъ бы живые запасы провизіи на крайній случай. И все-таки, только чрезвычайный интересъ къ намѣченной цѣли поддерживалъ путниковъ во время этого перехода по странѣ, подавляющей своей монотонностью и однообразіемъ. «Вотъ на насъ налетѣлъ порывъ вѣтра съ сѣвера, затѣмъ съ юга, потомъ съ востока или запада, не подчиняясь, повидимому никакой закономѣрности. Казалось, будто мы стоимъ на самомъ краю свѣта, въ странѣ, гдѣ родятся облака, гдѣ живутъ вѣтры всѣхъ четырехъ странъ свѣта и будто таинственныя силы природы ревнивымъ окомъ наблюдаютъ, насъ, смертныхъ, осмѣлившихся проникнуть сюда. Къ волшебнымъ, никогда не забывающимся впечатлѣніямъ сегодня ночью присоединяется еще картина солнца, окруженнаго кругами и ложными солнцами; возлѣ большого, вертикальнаго круга, опоясывающаго солнце, въ зенитѣ расположена дуга, изогнутая въ противоположномъ направленіи; и круги, и дуга окрашены въ цвѣта радуги».

21 ноября пришлось застрѣлить первую лошадь, вѣрнаго Чайнемена, который послѣдніе дни едва волочилъ ноги. Часть мяса была оставлена на мѣстѣ въ качествѣ запаса провіанта на обратный путь; здѣсь же оставили часть керосина, сухарей, и сахара съ тѣмъ расчетомъ, чтобы всего этого хватило на дорогу до ближайшаго склада. Новый складъ этотъ былъ отмѣченъ поставленными вертикально санями съ флагомъ наверху. Сильно уменьшившуюся кладь уложили на остальныя трое саней. На слѣдующій день на югѣ появились горы, и еще черезъ день по хорошему твердому снѣгу удалось сдѣлать по направленію

къ нимъ рѣдкій по размѣрамъ дневной перегонъ, въ цѣлыхъ 29 килом. Горы, извѣстныя еще по экспедиціи Скотта, —онъ видалъ ихъ вдали, съ привязнаго воздушнаго шара,—стали ближе, но поверхность Великаго ледника, по которому двигалась экспедиція, оставалась попрежнему ровной и гладкой, какъ бильярдный столъ.

А справа все время тянулся высокій берегъ Земли Викторіи. На этотъ разъ большое разстояніе, на которомъ держалась экспедиція отъ красвыхъ горъ Земли Викторіи, окаймляющихъ Великій ледникъ съ запада, позволяло видѣть все новые и новые хребты и вершины, которыхъ не видала экспедиція Скотта, такъ какъ шла слишкомъ близко къ землѣ, и могла видѣть только цѣпь, лежащую у самаго края суши.

29-го ноября достигли самаго южнаго пункта экспедиціи Скотта, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ пошли впередъ, навстрѣчу неизвѣстному. А новыя горы манили къ себѣ, таинственныя, покрытыя снѣгомъ отъ подошвы до вершины, высокія, рисуясь на ясномъ небѣ своими зубчатыми, смѣлыми формами. Скуки и монотонности пути какъ не бывало—каждый часъ пути приближалъ къ новымъ открытіямъ.

Погода все время стояла хорошая, температура мягкая и только бѣлая снѣговая пелена, съ ея сверкающими снѣжными кристалликами утомляла глаза и вызывала нѣсколько разъ «снѣжную слѣпоту». Лошади тоже страдали отъ этого и вскорѣ Гризи, второй пони, совершенно изнемогъ. 28-го ноября онъ еще могъ съ грѣхомъ пополамъ тащить сани, но затѣмъ пришлось его застрѣлить и онъ нашелъ себѣ могилу въ желудкѣ путешественниковъ. (Лошадиное мясо Шекльтонъ и его товарищи ѣли по большей части не вареное, а только подогрѣтое, отчего оно было мягче и удобоваримѣе).

Высокія горы на югѣ мало-по-малу стали явственно загибаться на западъ и все предвѣщало, что скоро путешествію по гладкой поверхности Великаго льда предстоитъ конецъ. Въ третьемъ депо были оставлены запасы конины, консервовъ и керосина, а остальной грузъ, разсчитанный на 9 недѣль, былъ наложенъ на двое саней, которыя отъ этого стали такъ тяжелы, что къ каждой лошади на пристяжку впряглись по два человѣка.

На западѣ появились гигантскіе, черные гранитные утесы, высотой приблизительно въ полторы-двѣ тысячи метровъ, а сзади нихъ выглядывали снѣговые великаны до 4.800 м. высоты. Между тѣмъ температура становилась все выше, снѣгъ на поверхности усиленно таялъ и передвиженіе по немъ стало требовать большого напряженія. Обѣ лошади, въ особенности болѣе старый Кванъ, напрягали всѣ свои силы, чтобы ежедневно проходить положенную порцію пути; люди помогали имъ, сколько могли, но ясно было, что лошади очень изнурены, и что долго такъ продолжаться не можетъ. Напротивъ, всѣ люди—участники экспедиціи чувствовали себя превосходно и только ихъ слишкомъ сильный аппетитъ возбуждалъ нѣкоторыя подозрѣнія. Часто, путешественники ѣли прямо на ходу сырую конину, что казалось очень вкуснымъ и предохраняло отъ цынги.

1-го декабря пробилъ послѣдній часъ для Квана; онъ не могъ уже больше тянуть сани, его приходилось тащить самого. Его пришлось застрѣлить, а изъ мяса сдѣлать главную основу четвертаго склада. Теперь уже всѣ люди вмѣстѣ тащили одни сани, а Соксъ—«послѣдній изъ могиканъ»—другія: Впереди дорогу на югъ преграждалъ высокій, покрайней мѣрѣ въ 2 тыс. м., хребетъ—Великому льду наступалъ конецъ. Вскорѣ началась полоса ледяныхъ бугровъ, и трещинъ, которыя образуются вездѣ, гдѣ ледникъ мѣняетъ уголъ своего наклона или гдѣ въ него впадаетъ боковой рукавъ. Пробраться черезъ эту полосу было немыслимо: казалось, придется разстаться съ прямымъ, точно по линейкѣ проведеннымъ маршрутомъ къ югу, и искать дороги къ полюсу въ иномъ направленіи. Однако, когда на слѣдующій день удалось дойти до горъ и взобраться на вершину высотою въ 1000 м., обнаружилось, что одинъ изъ ледниковъ, спускающихся съ этимъ горъ представляетъ широкую, открытую къ югу долину, и по немъ можно постепенно поднимаясь, безпрепятственно двигаться къ югу. Этотъ ледникъ, названный Бэрдморскимъ, вливался въ Великій Барьеръ, и тамъ, гдѣ происходило ихъ сліяніе, вслѣдствіе напора льда образовались гигантскія трещины и неровности. Отсюда открывался превосходный видъ на западную и частью южную границу Великаго Барьера, и ясно было что онъ, или, что то же самое, море, кото-

рое онъ прикрываетъ, простирается на югъ по крайней мѣрѣ до 86° ю. ш. Далеко на югѣ виднѣлась одиноко высокая гора, надъ вершиной которой, какъ надъ вулканомъ, клубилось облачко.

Желая избѣжать, по возможности, перехода черезъ безчисленныя трещины у подножія Бэрдморскаго ледника, Шекльтонъ рѣшилъ прямо перевалить черезъ небольшой хребетъ, ограничивающій этотъ ледникъ сбоку. Къ вечеру 4 декабря, послѣ утомительнѣйшаго перевала, наши путешественники разбили свой лагерь на Бэрдморскомъ глетчерѣ, въ красивѣйшей мѣстности, среди голубыхъ ледяныхъ глыбъ, лежавшихъ въ перемежку съ гранитными валунами, между прозрачныхъ ледниковыхъ озеръ.

Дальнѣйшая дорога по Бэрдморскому леднику все время прерывалась трещинами и бывали дни, когда можно было подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ, съ величайшей осторожностью; не разъ приходилось разгружать обое саней и на рукахъ переносить ихъ содержимое черезъ участки, полные трещинъ. Для самого Шекльтона, который уже нѣсколько дней страдалъ снѣжной слѣпотой, такое путешествіе было особенно мучительно. 4-го же декабря нашихъ путешественниковъ постигло серьезное несчастье: послѣдняя лошадь, Соксъ, провалилась въ невидимую, прикрытую снѣгомъ трещину и едва не увлекла за собой сани и находившагося при нихъ человѣка, Уайльда. Упряжь оборвалась и лошадь полетѣла въ пропасть, а самъ онъ уцѣлѣлъ буквально на волоскѣ, съ опасностью жизни спасая драгоцѣнныя сани. Отъ лошади не было слышно ни звука, ни вздоха: она исчезла въ бездонной, черной пропасти. Съ тяжелымъ сердцемъ стали искать путешественники мѣста, гдѣ бы остановиться на ночлегъ—кругомъ метровъ на 400 весь ледъ былъ изрѣзанъ скрытыми трещинами и нельзя было остановиться безъ опасенія раздѣлить участь Сокса. Гибель лошади ставила экспедицію въ очень серьезное положеніе: кромѣ перспективы вмѣсто конины нѣсколько дней питаться лошадинымъ кормомъ-кукурузой, теперь каждыя сани, съ грузомъ въ 250 клг. (около 15 пудовъ) приходилось тащить на себѣ двумъ людямъ, что чрезвычайно затрудняло и замедляло движеніе.

На слѣдующій день дорога была еще довольно легкой, но затѣмъ опять начались ледопады и несносныя трещины, въ ко-

торыя проваливался то тотъ, то другой участникъ экспедиціи: только «упряжь», съ помощью которой путешественники тащили сани, удерживала ихъ отъ паденія въ черныя трещины глубиной въ нѣсколько сотъ метровъ. Несмотря, однако, на эти трудности все же нерѣдко удавалось пройти въ день отъ 15 до 20 клм.

10-го декабря экспедиція оказалась на высотѣ 1000 метровъ, среди удивительнаго ландшафта изъ ледяныхъ глыбъ и скалъ. Отсюда подъемъ по глетчеру сталъ гораздо круче. Вскорѣ добрались и до той огромной конусообразной горы, которая одиноко виднѣлась на горизонтѣ, и на вершинѣ которой часто клубились облака; теперь ясно обнаружилось, что это не вулканъ. Чтобы сохранить на будущее возможно большій запасъ провіанта, Шекльтонъ и его товарищи рѣшили ѣсть возможно меньше и только предстоящій праздникъ Рождества было рѣшено отмѣтить тѣмъ, что всѣ могли ѣсть вволю; а, чтобы съэкономить возможно больше керосина, кукурузу стали ѣсть сырую, размалывая ее предварительно между камнями.

15-го декабря экспедиція достигла высоты 1700—1800 м., и, казалось, добралась наконецъ, до высокаго плато Антарктическаго материка; въ этотъ день удалось опять послѣ цѣлаго ряда короткихъ перегоновъ сдѣлать большой переходъ, свыше 20 км. На слѣдующій день опять было устроено депо, въ которомъ кромѣ провіанта сложили еще всю лишнюю, за исключеніемъ самой необходимой, одежду и налегкѣ двинулись впередъ, въ неизвѣстное. Предпріятіе становилось день ото дня серьезнѣе; было очевидно, что утеря какого-нибудь депо на обратномъ пути грозитъ всей экспедиціи неминуемой гибелью.

Два дня спустя склонъ ледника сталъ такъ крутъ, что сани пришлось втаскивать наверхъ съ помощью импровизированнаго ворота. Въ стѣнахъ, ограничивающихъ ледникъ, Уайльдъ нашелъ каменный уголь въ видѣ шести мощныхъ пластовъ, раздѣленныхъ толстыми прослойками песчаника. Значитъ и на мѣстѣ этихъ горъ, съ которыхъ теперь сползаютъ отдѣльные притоки Великаго Барьера, нѣкогда росли могучіе лѣса древовидныхъ папоротниковъ или другихъ, требующихъ тепла и свѣта, растеній.

19-го декабря уже на высотѣ 2300 м. наши путешественники

перешли 85-ю параллель, и, казалось, наконецъ, достигли Антарктическаго плато; однако на слѣдующій день экспедиція вновь очутилась въ лабиринтѣ трещинъ, и снова обнаружилось, что Бэрдморскій ледникъ еще не кончился, хотя путешественники шли по немъ цѣлыхъ 200 км.,—очевидно, это былъ одинъ изъ величайшихъ ледниковъ въ мірѣ.

До полюса все еще оставалось 465 км. Наступило полярное лѣто при 28° мороза: экспедиція была на высотѣ 2500 м. и температура все падала съ удаленіемъ отъ уровня моря. Крѣпкій, холодный южный вѣтеръ и цѣлая серія предательскихъ трещинъ, прикрытыхъ мягкимъ снѣгомъ, затрудняли путь.

24-го декабря при 32° мороза достигли высоты 2800 м. На слѣдующій день съ утра начался особенно тяжелый и крутой подъемъ: температура была еще ниже, а вѣтеръ превратился въ снѣжную вьюгу. Рождественскій праздникъ былъ отмѣченъ рѣдкимъ событіемъ,—обильнымъ обѣдомъ, послѣ котораго путники впервые послѣ нѣсколькихъ недѣль почувствовали наконецъ себя сытыми.

На этотъ разъ давно желанная поверхность Антарктическаго материка была достигнута. Это было довольно ровное, слабо наклоненное плато, одѣтое ледянымъ покровомъ, который, судя по измѣренію попадавшихся трещинъ, былъ значительно тоньше, чѣмъ на Бэрдморскомъ ледникѣ; покровъ этотъ сверху былъ засыпанъ мягкимъ снѣгомъ, лежавшимъ большими сугробами.

Передвиженіе было попрежнему трудно: холода усилились до—35°, а силы путешественниковъ вслѣдствіе плохого питанія замѣтно убывали. Послѣ Рождественскаго праздника, все, что только не было строго необходимымъ было отобрано и сложено въ депо, такъ что всего было оставлено, что называется, въ обрѣзъ. На слѣдующій день достигли высоты 3 тыс. метровъ и ко всѣмъ прочимъ трудностямъ пути присоединилась разрѣженность воздуха, еще болѣе затруднявшая передвиженіе. Тѣмъ не менѣе Шекльтонъ и его товарищи все еще не отказывались отъ своего рѣшенія добраться до полюса, хотя 29-го декабря до него все еще оставалось 375 км.

А дорога становилась все хуже, да хуже. Послѣдній день

БИБЛІОТЕКА
Академіи Наукъ

года ознаменовался жестокой мятелью, вынудившей путешественниковъ цѣлый день пролежать въ спальныхъ мѣшкахъ, въ истрепанныхъ, едва защищавшихъ отъ вѣтра палаткахъ. При этомъ плато все время подымалось и 2-го января достигли 3360 м. Разрѣженный воздухъ, рѣзкій вѣтеръ, холодъ ниже 25°—С. и черезчуръ легкое одѣяніе, на которое участники согласились сами, чтобы облегчить вѣсъ саней—все это дѣлало работу очень трудной.

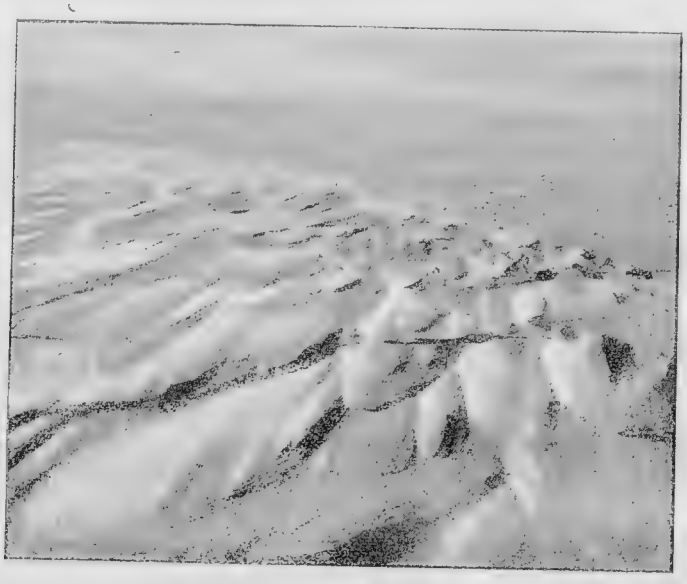
4-го января было устроенъ послѣдній складъ провіанта на высотѣ 3400 м., и въ разстояніи 240 км. отъ предыдущаго. На это разстояніе должно было хватить сложенной здѣсь провизіи, и этимъ же опредѣлился запасъ, взятый съ собою на дальнѣйшее движеніе впередъ. Несмотря на трудности пути, надежда добраться до полюса все еще теплилась въ душѣ Шекльтона и его товарищей, хотя сомнѣнія въ возможности этого возникали уже послѣ Рождества, когда обнаружилось, что поверхность Антарктическаго материка неуклонно повышается къ югу. Поэтому, устроивши послѣдній складъ, путешественники съ окончательно облегченными санями сдѣлали еще три большіе дневные перегона, но затѣмъ, 7-го и 8-го января отчаянная снѣжная буря силою свыше 120 км. въ часъ при температурѣ—45° С. приковала нашихъ путниковъ къ палаткѣ. Во время этого вынужденнаго бездѣйствія они имѣли возможность обстоятельно обдумать свое положеніе и пришли къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ: они были уже за 88° ю. ш. на высочайшемъ, удаленномъ отъ всего міра плато, совершенно одни, безъ какихъ бы то ни было средствъ сообщенія, кромѣ собственныхъ ногъ, при недостаточной одеждѣ, съ ничтожнымъ количествомъ провіанта—«у послѣдней черты», гдѣ кончается для человѣка, возможность борьбы съ природой. Поэтому было рѣшено, какъ только буря кончится, еще разъ, безъ саней и багажа сдѣлать послѣдній походъ на югъ, сколько хватитъ силъ, оставить тамъ записку въ знакъ своего пребыванія, водрузить данный англійской королевой флагъ, и въ тотъ же день возвратиться въ лагерь.

За два дня палатки были засыпаны сугробомъ почти до верху, и снѣжная пыль набилась повсюду, забираясь даже въ спальные мѣшки. Наконецъ, разъяснило; путешественники наскоро собра-

лись и тронулись въ походъ. Конечная точка пути была на снѣжной равнинѣ, на высотѣ 3500—3600 м. надъ уровнемъ моря, въ разстояніи 170 км. отъ полюса. Даже въ сильную зрительную трубу нигдѣ на горизонтѣ не было видно ни одного выдающагося пункта, ни холмика, ни горы—только безконечная, молчаливая бѣлоснѣжная пелена, простирающаяся, какъ можно думать, до самаго полюса, и дальше, одѣвая собою всю поверхность Антарктическаго материка. Здѣсь водрузили національный флагъ и штандартъ королевы, а внизу положили жестяной футляръ со вложенными документами, осмотрѣлись тщательно кругомъ и двинулись обратно.

Большимъ разочарованіемъ для Шекльтона и его товарищей, главной цѣлью своей въ данномъ случаѣ поставившихъ побитіе извѣстнаго рекорда—достиженіе полюса, былъ отказъ отъ исполненія завѣтной мечты, но предаваться грустнымъ размышленіямъ было некогда. Предстоялъ обратный путь въ цѣлыхъ 1000 км., вся успѣшность котораго зависѣла только отъ того, будутъ ли найдены оставленные по дорогѣ депо, или нѣтъ—ненахожденіе двухъ или даже одного изъ нихъ могло грозить гибелью всей партіи. А между тѣмъ для ориентировки на пустынномъ плато Антарктиды, гдѣ изъ-подъ бѣлой снѣжной пелены не выглядывало ни единаго камешка, у путниковъ были только компасы, да свои собственные, заметенные вѣтромъ слѣды,—все остальное было въ цѣляхъ облегченія оставлено по дорогѣ. Къ счастью, вѣтеръ, который дулъ теперь въ догонку, помогалъ движенію, и дневные перегоны могли быть гораздо больше. Уже на второй день достигли послѣдняго склада, а дальше къ сѣверу оказались незаметенными даже слѣды отъ саней. 15-го января прикрѣпленный къ однимъ изъ саней счетчикъ, указывавшій пройденное разстояніе, оторвался и пропалъ, такъ что теперь разстояніе приходилось отсчитывать приблизительно. Несмотря на постоянныя обмораживанія, на чрезвычайно уменьшенныя порціи ѣды, путники неудержимо стремились впередъ—вся суть была въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе достичь слѣдующаго склада, гдѣ имѣлся нѣкоторый запасъ провизіи. 20-го января достигли склада на верхнемъ концѣ Бэрдморскаго ледника, на краю Антарктическаго плато—въ

10 дней удалось продѣлать тотъ путь, который при движеніи туда потребовалъ 20 дней. Съ тѣмъ же радостнымъ чувствомъ, съ какимъ при движеніи впередъ послѣ подъема по ледянку съ его ужасными трещинами путники поднимались на Антарктическое плато, вступили они теперь на Бэрдморскій ледникъ и погрузились въ лабиринтъ ледяныхъ бугровъ и трещинъ. Постоянно проваливаясь, оставаясь невредимыми только благодаря веревкамъ, которыми путешественники связались между



Застругн.

собой, спускались Шекльтонъ и его товарищи «форсированнымъ маршемъ» по ледянку. Прямо-таки ужасны были послѣдніе два дня передъ вступленіемъ на Великій Барьеръ, гдѣ, наконецъ, послѣ долгаго недоѣданія впервые удалось какъ слѣдуетъ насытиться. «О душевныхъ и физическихъ страданіяхъ послѣднихъ 48 часовъ», пишетъ Шекльтонъ, «я своимъ описаніемъ не могу дать даже приблизительнаго понятія». Здоровые и крѣпкіе мужчины не разъ падали отъ изнеможенія. Даже за 800 м. отъ склада, когда онъ былъ уже виденъ, путники не выдержали

и упали отъ потери силъ; Маршалль, наиболѣе крѣпкій, кое-какъ дотащился до склада и принесъ пищи для своихъ товарищей.

Наконецъ, 20-го января, путешественники благополучно выбрались изъ трещинъ и вступили на Великій Барьеръ, на гладкую, какъ столъ, поверхность исполинскаго ледника. Температура сильно поднялась и часто достигала нуля, но зато путь нерѣдко затрудняли заструги,—длинныя борозды, какъ бы выгрызенныя вѣтромъ въ снѣговомъ покровѣ. Здѣсь уже не чувствовалось больше недостатка въ провіантѣ, но зато здоровье начало сдавать. Употребленіе въ пищу мяса Гризи, убитаго послѣ полнаго истощенія, вызвало сильную дезинтерію, а въ здоровой пищѣ, особенно въ сухаряхъ, чувствовался нерѣдко недостатокъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней положеніе было весьма серьезно: всѣ страдали сильнѣйшимъ кровавымъ поносомъ, и слабость мѣшала движенію впередъ. Лишь мало-по-малу возвращалось здоровье, а вмѣстѣ съ нимъ и аппетитъ въ размѣрѣ, превосходящемъ имѣвшіеся запасы. Среди голода, усталости и однообразныхъ мечтаній, вертѣвшихся преимущественно вокругъ сытной и вкусной ѣды, предстоявшей по возвращеніи въ лагерь, тащились путники отъ одного депо къ другому; недостатокъ провизіи возросъ до такой степени, что, разыскавши въ снѣгу три мѣсяца пролежавшія кости Гризи, путники съ жадностью ободрали съ нихъ и съѣли послѣднія сухожилья и связки. Вотъ что стоитъ въ дневникѣ Шекльтона на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Чайпеменъ: «Мы нашли въ снѣгу его печень и съѣли ее сегодня вечеромъ; она оказалась превосходнаго вкуса. Мы разыскивали алѣйшіе кусочки мяса, уцѣлѣвшіе отъ поябрьскаго пиршества. Раскапывая снѣгъ въ поискахъ дальнѣйшихъ сокровищъ, я наткнулся на какую-то твердую красную массу; это была кровь Чайнемена, смерзшаяся въ твердый комокъ. Мы выкопали ее, какъ неожиданный драгоцѣнный даръ; въ сваренномъ видѣ она имѣла вкусъ мясного бульона». Нѣсколько дней спустя: «Мы такъ ослабѣли, что для насъ поднимать пустые мѣшки изъ-подъ провіанта уже затрудненіе... Когда вечеромъ разобьемъ палатку, то мы съ трудомъ перетаскиваемъ одну ногу за другой черезъ порогъ палатки».

Южное полярное сіяніе надъ вулк. Эребусъ.

19-го февраля впервые опять завидѣли вулканъ Эребусъ,— первый признакъ нѣкоторой близости лагеря. Еще одинъ, теперь уже послѣдній разъ захватила путниковъ въ палаткѣ снѣжная мятель при — 44° С., еще разъ пережили они хроническое голоданіе, пока не добрались до перваго депо, сдѣланнаго подъ высокимъ утесомъ во время поступательнаго шествія. 22-го февраля впервые увидѣли они слѣды саней, которые не могли принадлежать нашимъ путникамъ, а на слѣдующій день достигли склада подъ утесомъ, гдѣ, кромѣ обильнаго и вкуснаго провіанта, нашли еще письма отъ оставшихся въ лагерѣ товарищей. Оказывалось, что «Нимродъ» уже пришелъ и дожидается возвращенія Шекльтона.

Наконецъ-то, послѣ мѣсячнаго поста можно было разговѣться. Однако, наши путешественники настолько проголодались, что могли употреблять настоящую питательную пищу, найденную въ депо, лишь съ большой осторожностью: Маршалль такъ сильно страдалъ отъ дезинтеріи, что едва могъ итти наравнѣ съ другими, да и остальные очень ослабѣли и похудѣли. Тѣмъ не менѣе, надо было во что бы то ни стало итти усиленнымъ темпомъ, такъ какъ изъ письма слѣдовало, что «Нимродъ» будетъ ждать только до 1-го марта, а затѣмъ уйдетъ на сѣверъ, чтобы не быть захваченнымъ новымъ льдомъ, такъ что въ случаѣ опозданія путникамъ грозила вторичная зимовка въ антарктической области. Кромѣ того и вообще зима съ ея мятелями и снѣжными бурями была, что называется, на носу. Чтобы какъ можно скорѣе достичь корабля, экспедиція раздѣлилась: Шекльтонъ и Уайльдъ налегкѣ пошли впередъ, а Адамсъ, здоровье котораго пострадало меньше другихъ, остался съ больнымъ Маршаллемъ и съ обильнымъ запасомъ здоровой пищи. Чтобы не терять времени, Шекльтонъ съ Уайльдомъ направились прямо къ морю, и 28-го февраля вышли на берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по имѣвшимся основаніямъ, долженъ былъ находиться корабль. Здѣсь же стояла и хижина, служившая магнитной обсерваторіей. Но хижина оказалась пуста, а корабля нигдѣ не было видно. Послѣ отчаянной, безъ спальныхъ мѣшковъ проведенной ночи удалось, наконецъ, утромъ зажечь хижину, и тѣмъ самымъ дать знать товарищамъ о своемъ возвращеніи.

Съ корабля замѣтили дымъ и черезъ 2 часа «Нимродъ» былъ уже на мѣстѣ. Подъ руководствомъ Шекльтона немедленно за обоими оставшимися путниками выступилъ спасательный отрядъ, который и доставилъ ихъ съ различными приключеніями 4 марта благополучно къ кораблю. А тѣмъ временемъ напоръ льда сдѣлался такъ силенъ, что «Нимродъ» долженъ былъ вновь уйти въ открытое море, и вернулся только послѣ усиленной сигнализаціи огнемъ.

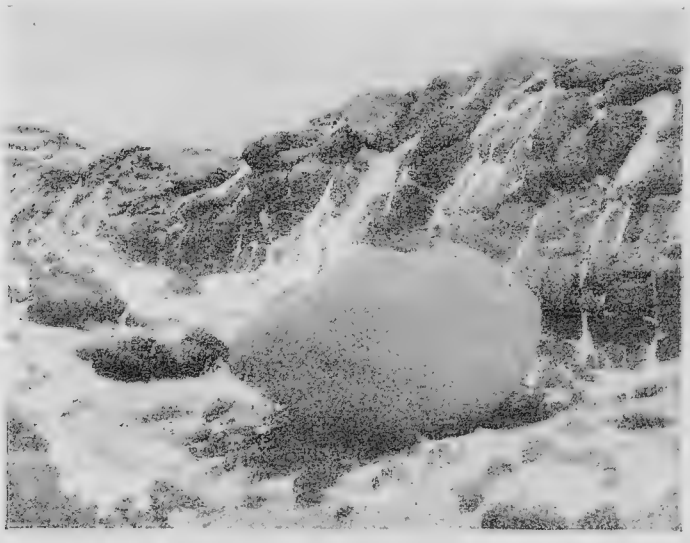
Весь походъ Шекльтона продолжался больше 4-хъ мѣсяцевъ: 73 дня туда и 53 дня обратно; хотя достигнуть намѣченной цѣли и не удалось, но все же было ясно, что при болѣе обильномъ снаряженіи—при большемъ количествѣ лошадей и провіанта—достиженіе полюса представляется вполнѣ возможнымъ.

Научныя заслуги Шекльтона и его товарищей, конечно, не въ томъ, что они прошли на югъ такъ далеко, какъ не удавалось никому другому, а главнымъ образомъ въ тѣхъ новыхъ данныхъ о природѣ антарктической области, которыя они при этомъ добыли. Открыты 8 новыхъ горныхъ хребтовъ, болѣе 100 вершинъ, превышающихъ 3600 м.; найдены многочисленныя точныя указанія на прежнее, еще болѣе грандіозное оледенѣніе около-полярнаго материка и на присутствіе каменнаго угля даже на далекомъ югѣ страны; выяснено, наконецъ, что Антарктида у полюса представляетъ высокое, постепенно повышающееся до 3600 м. плоскогорье, подобно Гренландіи одѣтое мощнымъ ледянымъ покровомъ.

За время отсутствія Шекльтона оставшіеся въ лагерѣ товарищи не сидѣли сложа руки. Напротивъ, ихъ работы дали наукѣ, пожалуй, даже больше, чѣмъ знаменитый походъ руководителя экспедиціи, а труды и опасности, которымъ они подвергались, хотя и были менѣе продолжительны, но врядъ ли уступали тому, что пришлось испытать партіи Шекльтона.

Такъ, проф. Дэвидъ съ Маусономъ и Мэкеемъ въ началѣ октября двинулся на западъ, чтобы разыскать, наконецъ, магнитный полюсъ,—главный стимулъ различныхъ антарктическихъ экспедицій, начиная отъ Дюмонъ-Дюрвилля, Уилькса и Росса.

Партія сначала шла на сѣверъ вдоль восточнаго берега З. Викторіи до ледника Дригальскаго, а затѣмъ поднялась по льду этого глетчера на ледяное плато З. Викторіи. Пройдя по немъ 400 км., партія достигла 16 января 1909 г. магнитнаго полюса, который находится на широтѣ 72°25 м. и 155°16′ в. д.—приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ его указывали вычисленія прежнихъ путешественниковъ, напр., Берначчи. Только 3-го февраля, послѣ



Гранитный валунъ, принесенный ледникомъ у м. Ройдсъ (на о. Росса).

чрезвычайно труднаго спуска по леднику, экспедиція достигла берега, но какъ нарочно въ это время береговой припай, по которому путники шли отъ зал. Макъ-Мурдо до ледника Дригальскаго, отломился, и они были бы отрѣзаны отъ зимняго лагеря, если бы случайно на слѣдующій день не проходилъ мимо «Нимродъ», направлявшійся къ зимнему лагерю, и не подобралъ ихъ.

Путешествіе Дэвида продолжалось 122 дня,—немногимъ меньше, чѣмъ партіи Шекльтона, и тоже не обошлось безъ приключеній; такъ, уже въ самомъ концѣ экскурсіи Маусонъ, завидя въ морѣ «Нимрода», побѣжалъ къ берегу и провалился

въ трещину берегового льда, но на глубинѣ 6 метровъ застрялъ, зацѣпившись за небольшой уступъ, и продержался такъ до тѣхъ поръ, пока его не вытащили матросы съ «Нимрода», приплывшіе къ берегу на лодкѣ.

Невдалекѣ отъ зимняго лагеря «Нимроду» удалось выручить и другую партію, которая занималась геологическими изслѣдованіями берега З. Викторіи, но на обратномъ пути попала на

Край ледника Феррара (слѣва внизу человѣкъ).

плавучій ледъ и оказалась въ чрезвычайно серьезномъ положеніи. Эта партія, въ составѣ геологовъ Брокльгёрста съ Пристлемъ и Эрмитеджа, отправилась въ декабрѣ 1908 г. къ берегу З. Викторіи для изученія огромнаго, лежащаго напротивъ зимняго лагеря, ледника Феррара. Экскурсія продолжалась цѣлыхъ 4 недѣли и принесла весьма значительные научные результаты. Между прочимъ, удалось констатировать, что южнополярный материкъ не только связанъ съ Австраліей могучимъ подводнымъ хребтомъ, но что между Антарктидой и Ав-

страліей, повидимому, была и сухопутная связь. Кромѣ того, въ горахъ Антарктиды были найдены колоссальныя залежи каменнаго угля, состоящія изъ множества пластовъ, залегающихъ другъ на другѣ.

Такимъ образомъ, 5-го января «Нимродъ» прибылъ къ зимнему лагерю; всѣ дополнительныя экспедиціи были закончены, извѣстіе Шекльтону въ депо подъ утесомъ оставлено, а его все не было. Съ ужасомъ ожидали обитатели лагеря возвращенія зимы съ ея снѣжными бурями и стали серьезно опасаться за участь Шекльтона и его товарищей; было рѣшено отправить на поиски отдѣльную экспедицію; она уже готовилась въ походъ, когда внезапно обнаружилось возвращеніе Шекльтона. Теперь медлить было нечего, и, погрузивши послѣднюю партію, «Нимродъ» тронулся на сѣверъ, на родину.

Тѣмъ не менѣе, на обратномъ пути Шекльтонъ рѣшился использовать благопріятное время года для знакомства съ берегами Антарктиды. Дѣло въ томъ, что между З. Викторіи и З. Уилькса есть незаполненный промежутокъ, лежащій за островами Баллени, и какъ сами эти острова, такъ и этотъ участокъ до сихъ поръ не даются въ руки ни одной экспедиціи—сплошные плавучіе льды на далекое разстояніе не пропускаютъ ни одного корабля. На этотъ разъ «Нимродъ» былъ счастливѣе, и Шекльтону удалось открыть высокую, тянущуюся на 70 км., горную цѣпь, идущую сначала на юго-западъ, а потомъ прямо на западъ и, по всей вѣроятности, связывающую З. Викторіи съ З. Уилькса.

25-го марта «Нимродъ» былъ уже въ гавани Литльтона, въ Новой Зеландіи.

Почти одновременно съ Шекльтономъ въ южно-полярной области работала другая экспедиція, гораздо болѣе скромная по своимъ задачамъ, но не менѣе серьезная по своимъ результатамъ. Ж. Шарко, не удовлетворенный своей первой экспедиціей, уже давно рѣшилъ продолжить свои прежнія работы, и добраться, наконецъ до таинственныхъ З. Александра I и Лубе. На спеціально выстроенномъ суднѣ, которое на этотъ разъ Шарко таки назвалъ «Pourquoi pas?» («А почему бы нѣтъ?»), экспедиція

15 декабря 1908 г. покинула г. Пунта Аренасъ и направилась къ западному берегу З. Греама. Детально разработанный планъ ея заключался въ концѣ-концовъ въ томъ, чтобы двигаясь на юго-западъ отъ З. Греама, проникнуть возможно дальше въ совершенно неизвѣстную восточную часть квадранта Росса; если до апрѣля 1910 г. никакихъ извѣстій отъ Шарко не будетъ, значитъ съ экспедиціей случилось что-нибудь неладное и надо ѣхать на помощь.

Къ счастью, послѣднее предположеніе не оправдалось — въ началѣ 1910 г. экспедиція возвратилась во Францію, а въ мартѣ Шарко уже сдѣлалъ свой докладъ Парижской Академіи Наукъ.

Покинувши берега Огненной Земли, Pourquoi pas направился къ острову Обмановъ въ Южно-Шотландскомъ архипелагѣ. Начиная отъ этого острова работы экспедиціи пошли полнымъ ходомъ. Сначала Pourquoi pas направился въ проливъ Жерлаша (между арх. Пальмера и З. Данко), но такъ какъ здѣсь не было ни одной удобной бухты, гдѣ можно было бы пристать къ берегу, то Шарко рѣшился съ двумя спутниками изслѣдовать проливъ Бельгики (между островами Биско и материкомъ), чтобы узнать, можетъ ли здѣсь пройти судно. При этомъ Шарко и его товарищи едва не погибли, такъ какъ пловучимъ глыбовымъ льдомъ ихъ совсѣмъ было отрѣзало отъ корабля. Затѣмъ судно тронулось дальше вдоль берега З. Греама, производя точную съемку материка и близлежащихъ острововъ. При этомъ оказалось, что видѣнный Шарко раньше островъ Аделанды имѣетъ весьма значительные размѣры; къ югу отъ него находится обширный заливъ, довольно далеко вдающійся въ глубь Антарктиды и названный заливомъ Маргариты. Берегъ этого залива и составляетъ открытая въ первое путешествіе З. Лубе — на этотъ разъ къ берегамъ ея удалось подойти вплотную. Двигаясь дальше вдоль берега зал. Маргариты, Шарко открылъ новый участокъ побережья, продолженіе З. Лубе, названной въ честь президента Французской республики, берегомъ Фалльера и прослѣдилъ его на нѣкоторое разстояніе. Всего, несмотря на тяжелую борьбу со льдами было прослѣжено и снято на карту свыше 200 км. береговой линіи. Затѣмъ, пересѣкши заливъ, Шарко

достигъ, наконецъ, З. Александра I, объѣхалъ и снялъ на карту значительную часть ея береговъ. Судя по всѣмъ даннымъ, это не часть материка, а всего вѣрнѣе, береговой островъ, въ родѣ острововъ архипелага Пальмера, или о-ва Аделанды.

На зимовку пришлось повернуть назадъ, къ о-ву Петермана. Отсюда можно было еще предпринимать различныя экскурсіи по ледникамъ, но затѣмъ жесточайшія бури, налетавшія съ сѣверо-востока дѣлали въ теченіе всей зимы экскурсированіе совершенно невозможнымъ. Только поздней весной, въ ноябрѣ, удалось съ большимъ трудомъ добраться опять до острова Обмановъ, гдѣ оказалось возможнымъ съ помощью находившихся тамъ китобоевъ пополнить недостатки снаряженія и запасы провіанта. Затѣмъ Pourquoi pas отправился опять къ югу, при чемъ по дорогѣ подробно обслѣдовалъ всѣ южные берега Южно-Шетландскихъ острововъ. На этотъ разъ, несмотря на обиліе льдовъ и чрезвычайно неблагопріятную погоду, удалось проникнуть еще южнѣе, чѣмъ въ первый разъ и открыть еще участки суши (одинъ изъ нихъ названъ теперь З. Шарко), но въ концѣ-концовъ сплошной плавучій ледъ вынудилъ экспедицію прекратить движеніе на югъ. Тогда Шарко измѣнилъ свой путь и пошелъ на западъ мимо З. Александра I. Въ дальнѣйшемъ движеніи былъ найденъ наконецъ открытый Беллинсгаузеномъ и съ тѣхъ поръ никѣмъ не видѣнный о-въ Петра I, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ его нашелъ Беллинсгаузенъ (Жерлашъ въ 1896 г. проплылъ мимо, но не видалъ его въ туманѣ). Затѣмъ Pourquoi pas продолжалъ свой путь открытымъ моремъ между 69° и 71° ю. ш. до 120° з. д. (отъ Парижа), до тѣхъ поръ, пока на кораблѣ не истощился запасъ угля; во время этого плаванія Шарко встрѣтилъ необычайно большое количество ледяныхъ горъ (за одну недѣлю ихъ было до 5000 т.!).

По своимъ результатамъ экспедиція оказалась чрезвычайно удачной. Помимо открытія цѣлаго ряда новыхъ участковъ суши, удалось подойти вплотную къ З. Лубэ и З. Александра I, и даже совершить здѣсь цѣлый рядъ высадокъ. Кромѣ того, во время одной изъ зимовокъ у береговъ о-ва Петермана, геологъ Гурдонъ, (спутникъ Шарко еще по первой его экспедиціи), сдѣлалъ обширную экскурсію внутрь З. Греама, въ надеждѣ перейти ее попе-

рекъ, до моря Уэдделя, но дошелъ только до меридіанальнаго горнаго хребта (вѣроятно продолженіе Кордильеръ), представлявшаго въ данномъ случаѣ непроходимое препятствіе. На З. Александра I слой снѣга и льда былъ такой мощности, что никакихъ другихъ горныхъ породъ найти не удалось; напротивъ, съ З. Лубэ и З. Греама привезено значительное количество образцовъ горныхъ породъ, почти исключительно гранита и діорита. И въ другомъ отношеніи плаваніе оказалось удачнымъ: несмотря на то, что еще въ январѣ 1909 г. корабль Шарко наткнулся на подводную скалу и получилъ поврежденіе, несмотря на тяжелую работу и на крайнее утомленіе, всѣ члены экспедиціи вернулись домой живы и здоровы.

XI.

Героическій походъ Шекльтона привлекъ къ его экспедиціи вниманіе не только ученыхъ круговъ, но и самой широкой публики, и не только въ Англіи, но и далеко за ея предѣлами. Въ то время какъ объ экспедиціяхъ Жерлаша, Скотта, Шарко, и т. д. знали только ученые соотвѣтствующихъ спеціальностей, да интеллигентные круги соотечественниковъ, слава Шекльтона быстро прокатилась по всему цивилизованному міру. Книга Шекльтона была переведена на всѣ европейскіе языки [1]), появилась во множествѣ изложеній и сокращеній, самого Шекльтона на перебой стали приглашать прочесть докладъ о своемъ путешествіи не только ученыя общества, но также и коронованныя особы различныхъ европейскихъ государствъ, — словомъ успѣхъ Шекльтона могъ сравниться только съ успѣхомъ другого популярнаго путешественника, — знаменитаго Фритьофа Нансена послѣ его классическаго похода къ сѣверному полюсу въ 1895 г. И что особенно характерно — въ обоихъ случаяхъ успѣхъ этотъ, въ значительной мѣрѣ несправедливый по отношенію къ другимъ изслѣдователямъ, перенесшимъ не меньше трудовъ и опасностей и достигшимъ во всякомъ случаѣ не меньшихъ результатовъ, (напр. Норденшильдъ или Скоттъ), былъ обусловленъ не серьезными научными результатами добытыми экспедиціей,

[1]) Въ томъ числѣ (въ сокращенномъ видѣ) и на русскій.

а какъ разъ тѣмъ, что съ точки зрѣнія науки представляетъ наименьшую цѣнность — «лихимъ набѣгомъ» на полюсъ, набѣгомъ, который у Шекльтона со времени гибели послѣдней лошади и оставленія, въ видахъ облегченія, научныхъ инструментовъ превратился въ простую спортсменскую прогулку, научное значеніе которой очень близко къ нулю.

И вотъ, съ одной стороны впечатлѣніе отъ успѣха Шекльтона, съ другой—извѣстіе его о сравнительно легкой достижимости южнаго полюса, дали толчокъ къ новой серіи антарктическихъ экспедицій, составившей цѣлую эпоху въ изученіи южно-полярнаго материка. Почти одновременно въ печати появился рядъ проектовъ одинъ другого грандіознѣе, принадлежащихъ представителямъ самыхъ различныхъ національностей. Открытіе сѣвернаго полюса американцемъ—Робертомъ Пири и почти открытіе южнаго полюса англичаниномъ—Шекльтономъ вызвало къ жизни національное соперничество, и чисто спортсменское стремленіе водрузить на южномъ полюсѣ флагъ своей національности въ вышеуказанныхъ проектахъ стало явно преобладать надъ болѣе глубокими и благородными мотивами прежнихъ путешествій. Особенно старались въ этомъ отношеніи американцы и японцы, въ проектахъ которыхъ желаніе «не ударить въ грязь лицомъ» передъ Европой занимало, повидимому, первое мѣсто.

Большинство этихъ проектовъ, въ которыхъ грандіозность была обратно пропорціональна исполнимости, сводились къ пересѣченію антарктическаго материка отъ моря до моря, съ заходомъ на южный полюсъ: планы эти были, однако столь фантастичны, и требовали такихъ большихъ затратъ, что ни одно государство не рѣшалось ихъ субсидировать и многія экспедиціи, (напр. шотландца Брюса, и различныхъ американцевъ), такъ и остались въ состояніи проекта.

Первый, кому удалось двинуться на завоеваніе южнаго полюса, былъ нашъ старый знакомый, Робертъ Скоттъ. Послѣ своей первой экспедиціи онъ давно уже лелѣялъ планъ пересѣченія Антарктическаго материка черезъ полюсъ, и результаты экспедиціи Шекльтона только дали новый толчекъ его приготовленіямъ.

1 іюня 1910 г., корабль Скотта «Терра Нова» отплылъ изъ Лондона въ Новую Зеландію, съ тѣмъ, чтобы быть тамъ около середины октября, для окончательныхъ приготовленій. Сюда, въ г. Литтльтонъ должны были быть доставлены прямо изъ Манчжуріи и лошади, которыми Скоттъ предполагалъ воспользоваться, какъ и Шекльтонъ, для своего похода къ югу. Сборы продолжались довольно долго и лишь 25 ноября Терра-Нова могла выступить къ югу, нагруженная въ изобиліи всѣми необходимыми принадлежностями экспедиціи, въ томъ числѣ 34 ѣздовыми собаками, 19 лошадьми и тремя моторными санями. Людей на суднѣ было 33 чел. (изъ нихъ 14 ч. команды). Планъ Скотта на этотъ разъ былъ таковъ: пріѣхавши въ Антарктиду разбиться на 2 партіи, одну — для достиженія южнаго полюса, а другую — для изученія З. Короля Эдуарда.

Сначала Терра Нова должна направиться въ заливъ Макъ-Мурдо, къ вулканамъ Эребусъ и Терроръ и здѣсь высадить главную партію, задача которой — достиженіе полюса; затѣмъ она поплыветъ къ описанной Шекльтономъ и замѣченной еще Борхгревинкомъ[1]) Китовой бухтѣ въ ледяной стѣнѣ Росса, гдѣ Великій Барьеръ настолько понижается, что подъемъ на него сравнительно легокъ, и уже отсюда предпринимать экскурсію въ лежащую относительно недалеко Землю Короля Эдуарда VII. Такой планъ при достаточномъ запасѣ провіанта и средствъ передвиженія казался совершенно выполнимымъ, особенно когда во главѣ экспедиціи стоялъ такой опытный путешественникъ и знатокъ Антарктиды, какъ Робертъ Скоттъ; и это казалось тѣмъ легче, что наиболѣе трудная часть экспедиціи,—походъ къ южному полюсу, должна была быть повтореніемъ и продолженіемъ пути Шекльтона, только съ болѣе солидными запасами провіанта. При этомъ Скоттъ, какъ и Шекльтонъ, былъ не только спортсменомъ, но и опытнымъ изслѣдователемъ, такъ что въ его рукахъ даже чисто спортсменскій походъ могъ дать значительное количество научнаго матерьяла. Стоимость экспедиціи была разсчитана на 40 тыс. фунт., (400 тыс. руб.), изъ коихъ половину

[1]) То самое мѣсто, гдѣ Борхгревингкъ дѣлалъ попытку проникнуть къ югу (см. выше).

дали различныя учрежденія и лица, а половину ассигновалъ парламентъ изъ государственныхъ средствъ. Въ смыслѣ снаряженія и запасовъ экспедиція тоже была прекрасно оборудована.

Какъ читатель, вѣроятно помнитъ, въ числѣ спутниковъ Жерлаша въ качествѣ штурмана ѣхалъ молодой норвежецъ, Роальдъ Амундсенъ. За время, протекшее между экспедиціей Жерлаша и второй экспедиціей Скотта (съ 1899 по 1910 г.) Амундсенъ успѣлъ уже пріобрѣсти въ научныхъ кругахъ громкую извѣстность, какъ превосходный полярный путешественникъ и серьезный научный работникъ: въ 1903—6 г. на маленькомъ парусномъ суднѣ «Гьёа», снабженномъ только керосиновымъ моторомъ, всего лишь съ 6-ю спутниками онъ «продѣлалъ» знаменитый «сѣверо-западный проходъ», т.-е. обогнулъ съ сѣвера материкъ Сѣв. Америки, задача, выполнить которую до сихъ поръ не удавалось еще ни одному судну, несмотря на многочисленныя жертвы и отчаянныя попытки (въ 20-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія); при этомъ онъ вновь разыскалъ и посѣтилъ сѣверный магнитный полюсъ, невиданный никѣмъ со времени Джемса Росса и Макъ-Клинтока, и въ теченіе нѣкотораго времени производилъ на немъ тщательныя магнитныя наблюденія.

Роальдъ Амундсенъ.

Вернувшись изъ этой экспедиціи Амундсенъ сталъ готовиться къ новой, еще гораздо болѣе трудной и серьезной: онъ хотѣлъ продолжить неудавшуюся попытку Нансена. На его знаменитомъ

корабль, «Фрамъ», который былъ остроенъ такъ, что не могъ быть раздавленъ напоромъ льда, Амундсенъ предполагалъ отправиться возможно далѣе на сѣверъ, дать кораблю вмерзнуть въ ледъ и затѣмъ предоставить теченію нести корабль къ сѣверо-западу, чтобы такимъ образомъ добраться до береговъ Гренландіи, или еще куда-нибудь, куда принесетъ теченіе. Вся экспедиція была разсчитана на 7 лѣтъ: во второй половинѣ 1910 г. и въ началѣ 1911 г. Амундсенъ долженъ былъ заниматься океанографическими изслѣдованіями въ Атлантическомъ и Великомъ

Фрамъ у Китовой бухтѣ.

океанѣ, а затѣмъ уже двинуться черезъ Беринговъ проливъ въ Ледовитый океанъ, чтобы отъ береговъ С. Америки начать свой «дрифтъ» (плаваніе по волѣ вѣтра и теченій). Фрамъ отплылъ къ Канарскимъ островамъ, а самъ Амундсенъ немного замѣшкался и отправился за кораблемъ вдогонку.

И вдругъ, совершенно неожиданно, какъ громъ среди яснаго неба, въ Европу пришло извѣстіе, что Амундсенъ, не сообразившій достаточно средствъ для семилѣтняго дрифта, внезапно измѣнилъ намѣреніе и отправляется въ Антарктическія страны съ цѣлью «атаковать» южный полюсъ. На родинѣ Амундсена это извѣстіе произвело совершенную сенсацію: всѣ были изумлены смѣлостью попытки и нашлись даже голоса, требовавшіе вернуть Амундсена,

такъ какъ деньги-де ему даны на сѣверную а не на южно-полярную экспедицію. Но возвращать Амундсена было поздно: въ сентябрѣ 1910 г. Фрамъ вышелъ съ о-ва Мадейры, а 14 января 1911 г. онъ былъ уже въ Китовой бухтѣ, у береговъ ледяной стѣны Росса. А въ началѣ 1912 г. въ Европу пришло по телеграфу извѣстіе, что Амундсенъ благополучно достигъ полюса, возвратился въ цивилизованныя страны, и теперь находится на пути въ Европу. Такая быстрота была тѣмъ болѣе неожиданна, что средства передвиженія у Амундсена были гораздо скромнѣе, нежели у Скотта: не было ни лошадей, ни моторныхъ саней, — только собаки. По возвращеніи Амундсена въ Европу выяснились и подробности этого на рѣдкость удачнаго путешествія.

Китовая Бухта лежитъ въ 650 км. отъ залива Макъ-Мурдо, гдѣ находился лагерь Скотта и въ 185 км. отъ береговъ З. Эдуарда VII. Здѣсь-то и высадился Амундсенъ съ 7 спутниками, эскимосскими собаками и запасомъ провіанта на 2 года.

Была середина января—полный разгаръ антарктическаго лѣта, и ледъ въ бухтѣ только недавно взломало, и взломало столь основательно, что береговой припай былъ очень узокъ и дозволилъ «Фраму» зайти на югъ значительно дальше своихъ предшественниковъ. Великій Барьеръ въ этомъ мѣстѣ настолько низокъ, что все снаряженіе и санки удалось втащить на него безъ большого труда. Такъ какъ было основаніе предполагать, что эта часть Великаго Барьера лежитъ не на водѣ, а на твердомъ днѣ (стоитъ на мели), то Амундсенъ рѣшилъ здѣсь же и устроить лагерь экспедиціи. Въ небольшой долинкѣ, километрахъ въ 4-хъ отъ стоянки корабля, въ ложбинѣ удалось найти защищенное отъ всякихъ вѣтровъ мѣстечко, которое было избрано въ качествѣ зимней квартиры, и немедленно приступили къ разгрузкѣ судна и къ постройкѣ дома. 28 января, двѣ недѣли спустя послѣ прибытія, все было выгружено, перевезено и устроено: привезенный съ собою домикъ былъ выстроенъ, припасы сложены въ склады, и Фрамъ готовился къ отплытію въ Буэносъ-Айресъ до будущаго года.

Мѣшкать было некогда. Еще въ то время, какъ Фрамъ въ послѣдній разъ поднималъ свой флагъ въ знакъ прощанія, къ югу уже направлялась первая предварительная экскурсія съ цѣлью

изслѣдовать ближайшія окрестности и поискать мѣста для устройства склада. 10 февраля съ этой послѣдней цѣлью выступила уже большая партія, изъ 4-хъ человѣкъ, съ 18 собаками и тремя санями, до верха набитыми провіантомъ и топливомъ. Была спокойная погода, ясно небо съ немногими облачками. По гладкой снѣжной равнинѣ движеніе шло быстро впередъ и 14-го числа уже достигли 80° ю. ш., — въ 4 дня было сдѣлано 160 км. Здѣсь было устроено первое депо провіанта для большого похода къ югу будущей весною, — цѣлыхъ 600 килогр. На обратный путь потребовалось всего двое сутокъ: первыя сутки было сдѣлано 65 км., вторыя —92 км. Этотъ первый походъ къ югу имѣлъ для путешественниковъ огромное значеніе: это была проба, послѣ которой они убѣдились, что снаряженіе и средство передвиженія были выбраны правильно. Дѣло было теперь только въ томъ, чтобы использовать все это наилучшимъ образомъ.

Затѣмъ отправилась вторая вспомогательная партія, въ которой приняли участіе всѣ члены экспедиціи, кромѣ повара, оставшагося въ лагерѣ. 4 марта она достигла 81° ю. ш. и устроила тамъ второй складъ съ 525 килогр. запасовъ. Здѣсь партія раздѣлилась: трое вернулись къ станціи, а прочіе пятеро продолжали свой путь къ югу и 8 марта были на 82°, гдѣ сложили еще 625 килогр. 22-го всѣ были уже въ лагерѣ; до начала зимы надо было совершить еще одну экскурсію, которая должна была до наступленія зимы отвезти еще 1100 кило солонины и 200 кило другихъ припасовъ въ первое депо на 80°, и возвратиться назадъ. Этимъ закончилось сооруженіе складовъ: къ 11-му апрѣля цѣлыхъ 3050 кило всякихъ припасовъ было разложено въ трехъ складахъ на разстояніи одного географическаго градуса другъ отъ друга.

Для того, чтобы во время главнаго похода на обратномъ пути было легко разыскать склады пришлось на гладкой, лишенной какихъ-либо выдающихся предметовъ поверхности Великаго Барьера, пришлось устраивать искусственные знаки. По обѣ стороны каждаго депо, къ западу и къ востоку, т.-е. перпендикулярно пути, на разстояніи 9 км. отъ склада, были воздвигнуты знаки изъ снѣга, а между ними, черезъ каждый километръ, установливались по 2 флага, раскрашенные такъ, чтобы сразу можно

было узнать, направо или налѣво отсюда находится складъ. Впослѣдствіи благодаря этому способу депо удавалось легко найти даже въ густомъ туманѣ.

Между тѣмъ зима приближалась быстрыми шагами. Послѣдніе дни передъ исчезновеніемъ солнца употребляли на охоту за тюленями. Общій вѣсъ добытыхъ тюленей — 60 тыс. килогр. (свыше 3700 пудовъ) — вполнѣ обезпечивалъ существованіе не только всѣмъ членамъ экспедиціи, но и ихъ 115 собакамъ. Устройство жилья для собакъ потребовало тоже большихъ заботъ.

Охота за тюленями.

У Амундсена было съ собой 10 большихъ палатокъ, разсчитанныхъ каждая на 16 человѣкъ. Эти палатки были установлены на поверхности Великаго Барьера и внутри каждой изъ нихъ снѣгъ былъ выкопанъ на цѣлую сажень, такъ—что получилось помѣщеніе высотою въ 6 м., просторное и съ большимъ содержаніемъ воздуха. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ на своемъ попеченіи такую конуру съ дюжиной собакъ, которыхъ онъ долженъ былъ кормить и блюсти; конуры оказались теплыми даже въ самые сильные морозы.

Сама природа помогала путешественникамъ устроиться на зимовку. Уже въ апрѣлѣ ихъ домъ былъ съ верхомъ засыпанъ снѣгомъ. Въ этомъ свѣже выпавшемъ снѣгу было вырыто рядъ пещеръ, стоявшихъ въ непосредственной связи съ домомъ: получилось безъ затраты строительнаго матеріала множество большихъ, просторныхъ помѣщеній, въ которыхъ помѣстились мастерскія, кузница, комната для шитья, упаковочная, амбаръ для угля, дровъ и бензина, ванная комната и даже паровая баня.

21-го апрѣля исчезло солнце и наступила ночь,—самая длинная антарктическая ночь, какую когда-либо испыталъ человѣкъ. Теперь начались приготовленія къ предстоящему походу: главной задачей было облегченіе походнаго снаряженія (главнымъ образомъ саней, которыя, дѣйствительно, были черезчуръ тяжелы), и въ цѣлесообразной упаковкѣ съѣстныхъ припасовъ.

Все время производились метеорологическія наблюденія, давшія много интереснаго и даже неожиданнаго. Зная жестокіе ураганы, свирѣпствующіе въ антарктическихъ странахъ, Амундсенъ ожидалъ вѣтряной, непріятной погоды, съ частыми, сильными бурями. Но какъ разъ, вопреки ожиданію за цѣлый годъ пребыванія въ Китовой бухтѣ здѣсь было только двѣ бури средней силы, а все остальное время дули спокойные, легкіе бризы преимущественно восточнаго направленія; атмосферное давленіе все время было очень низко, но весьма постоянно. Зато въ отношеніи температуры зима превзошла всякія ожиданія. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ перепадали температуры ниже—50° С, а 23-го августа была отмѣчена самая низкая температура —59°; средняя годовая оказалась самой низкой изъ числа измѣренныхъ на всемъ земномъ шарѣ —25° С.

Полярное сіяніе, соотвѣтствующее сѣверному сіянію арктическихъ странъ, было очень часто и обладало сильной игрой цвѣтовъ, но, за немногими исключеніями, не было особенно ярко.

24-го августа въ первый разъ выглянуло солнце. Зима кончилась. Все было уже приготовлено къ походу; но холодъ препятствовалъ выступленію. 8 сентября было стало нѣсколько потеплѣе —30°, и Амундсенъ немедленно выступилъ въ походъ. Однако черезъ нѣсколько дней термометръ снова упалъ до —55°;

Походъ Амундсена къ полюсу.

люди въ своемъ походномъ одѣяніи еще могли бы нѣкоторое время выдержать подобныя температуры, но для собакъ это было ужъ слишкомъ. Довольные, что удалось добраться до 80°, сложили наши путники провіантъ и другіе предметы снаряженія въ заранѣе приготовленные депо и возвратились въ лагерь. Переходъ отъ зимы къ лѣту совершался весьма медленно. 24-го сентября показался наконецъ первый вѣрный признакъ наступающей весны: тюлени стали вылѣзать на ледъ. 29-го обнаружился другой, еще болѣе ясный признакъ: прилетѣла стая буревѣстниковъ и съ любопытствомъ облетѣла хижину. Путешественники были рады свѣжему мясу, но долго еще низкая температура удерживала ихъ въ лагерѣ. Только къ самому концу октября погода стала болѣе постоянной, и, наконецъ, 30-го выступили въ походъ: трое пошли по направленію къ З. Короля Эдуарда, а остальные направились къ югу для исполненія главной цѣли—достиженія полюса. Эта партія состояла изъ пяти человѣкъ, 52 собакъ и четырехъ саней; провіанта, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сложено въ депо, было на 120 дней.

Была ясная, мягкая погода; температура была 1° выше нуля. Два дня спустя послѣ выхода едва не случилось серьезнаго несчастья,—передовыя сани провалились въ одну изъ многочисленныхъ трещинъ во льду; къ счастью, въ послѣдній моментъ остальные могли подоспѣть на помощь. Опоздай они на одну минуту, и сани со всѣми своими 13-тью собаками исчезли бы въ бездонной разсѣлинѣ.

На четвертый день пути достигли склада, устроеннаго подъ 80° ю. ш., пятаго ноября—подъ 82°. Въ обоихъ мѣстахъ собакамъ былъ данъ двухдневный отдыхъ и столько свѣжаго тюленьяго мяса, сколько онѣ могли съѣсть. Мѣстность между 80° и 81°-мъ ровная, дорога была хороша, и не было скрытыхъ, засыпанныхъ снѣгомъ трещинъ. Совершенно иного характера былъ перегонъ между 81° и 82°. Первые 30 к. м. это былъ сплошной лабиринтъ трещинъ, такъ что пробираться впередъ приходилось весьма осторожно. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались зіяющія пропасти, происходившія отъ того, что откалывались большіе куски ледяной поверхности; поэтому каждый шагъ могъ быть невѣрнымъ.

Южнѣе 82° Барьеръ былъ, если только это возможно, еще ровнѣе и глаже, чѣмъ раньше; поэтому экспедиція подвигалась довольно быстро. Уже начиная отъ 80° Амундсенъ сталъ сооружать изъ снѣга «керны»—путевые знаки, которые должны были указывать дорогу при возвращеніи. Всего такихъ знаковъ было воздвигнуто 150; каждый сооружался изъ 60 вырѣзанныхъ изъ снѣга крупныхъ, призматическихъ кусковъ. Эти керны вполнѣ оправдали свое ожиданіе, и только благодаря имъ удалось вернуться обратно какъ разъ по той самой дорогѣ, по которой шли туда. Кромѣ того на каждомъ новомъ градусѣ широты, пройденномъ къ югу, сооружался складъ провіанта и топлива. Это значительно облегчало сани, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудъ собакъ. Достигши 83° Амундсенъ увидалъ на юго-западѣ землю. Это могъ быть только полярный материкъ, вѣроятно продолженіе того самаго горнаго хребта, который обозначенъ на картахъ Шекльтона, и имѣетъ, повидимому, юго-восточное направленіе. Картина мѣнялась съ каждымъ днемъ все сильнѣе; снѣжныя вершины, одна другой выше, поочереди выплывали изъ за горизонта, острыя, похожія на иглы. Здѣсь въ холодныхъ, мрачныхъ очертаніяхъ подымалась надъ облаками огромная вершина, до 5 тыс. м. высоты, тамъ бѣлѣли снѣговыя поля и глетчеры, перепутанные въ дикомъ хаосѣ. Амундсенъ говоритъ, что ему никогда не приходилось видѣть болѣе дикаго, прекраснаго и вмѣстѣ величественнаго ландшафта. 17 ноября экспедиція дошла наконецъ до такого мѣста, гдѣ кончается ледяная масса Великаго Барьера и начинается материкъ; это было подъ 85°7′ ю. ш. и 165° западной долготы. То мѣсто, гдѣ можно было попасть съ Великаго Барьера на твердую землю, не представляло большихъ затрудненій, а продолженіе пути прямо къ югу должно было привести въ новыя невѣдомыя мѣста, и дать цѣнные географическіе результаты. Здѣсь Амундсенъ устроилъ свое главное депо и оставилъ тамъ провіанта на 30 дней, а остальные припасы, разсчитанныя на 60 дней, погрузилъ на четверо саней. Затѣмъ начался подъемъ на плоскогорье антарктическаго материка. Первая часть дороги шла по одѣтымъ снѣгомъ, частью довольно крутымъ склонамъ; дальше было нѣсколько непрокихъ, но очень крутыхъ глетчеровъ, для восхожденія на которыя потребо-

валось увеличить запряжку каждыхъ саней до двадцати собакъ. Затѣмъ ледники стали попадаться все чаще и чаще, и лежали на такихъ крутыхъ склонахъ, что подниматься по нимъ на лыжахъ можно было лишь съ большимъ трудомъ. Первый лагерь послѣ начала подъема лежалъ на 650 м., а второй уже на 1250 м. надъ уровнемъ моря. Къ сожалѣнію, на третій день совершенно неожиданно пришлось спускаться внизъ больше, чѣмъ на 650 м., такъ какъ дорогу пересѣкалъ большой ледникъ, который шелъ подъ угломъ къ направленію пути. Экспедиція спустилась по

Гора Педро Кристоферсенъ.

крутымъ склонамъ необычайно быстро, и вскорѣ очутилась на глетчерѣ, получившемъ названіе въ честь Акселя Гейберга. На слѣдующій день съ утра началось медленное восхожденіе по глетчеру. Для обхода огромныхъ валуновъ и широкихъ трещинъ приходилось дѣлать большіе крюки. Въ нижней части ледника эти трещины расширялись въ большія, заполненныя снѣгомъ пропасти, и приходилось двигаться съ величайшей осторожностью, такъ какъ никогда нельзя было знать, выдержитъ или нѣтъ лежащій сверху слой твердаго снѣга. Повидимому, въ этомъ ледникѣ всякое движеніе давно прекратилось. Первый

ночлегъ былъ разбитъ на высотѣ 1600 м. въ чрезвычайно живописной мѣстности; здѣсь ледникъ былъ стѣсненъ съ боковъ двумя горными великанами высотою около 5 тыс. м.,—горою Фритьофа Нансона и горой Педро-Кристоферсена. На западѣ въ концѣ глетчера поднималась еще одна высокая гора (около 4 тыс. м.)—Оле-Ингельстатъ. Въ этомъ сравнительно узкомъ мѣстѣ поверхность ледника стала необычайно бугристой и была разбита такимъ множествомъ глубокихъ трещинъ, что путникамъ не разъ казалось, что здѣсь дальнѣйшая дорога для нихъ закрыта. День спустя ледникъ кончился и они достигли слабо-пологаго плато, которое описываетъ Шекльтонъ (пл. Короля Эдуарда). Здѣсь собаки, несмотря на чрезвычайно напряженную работу послѣднихъ дней, совершили въ своемъ родѣ единственный подвигъ—прошли въ одинъ день 31 к. м. съ подъемомъ на 1750 м., такъ что на слѣдующую ночь экспедиція могла расположиться на высотѣ 3300 м. Къ сожалѣнію, здѣсь пришлось убить 24 собаки, бывшихъ до тѣхъ поръ вѣрными работниками экспедиціи. Въ этомъ мѣстѣ, получившемъ названіе Бойни, экспедиція была вынуждена простоять 4 дня изъ-за дурной погоды, да и на слѣдующіе дни была буря съ такой густой метелью, что кругомъ ничего не было видно. Дорога теперь вела подъ гору, и спускъ шелъ быстро. Когда погода на короткое время нѣсколько прояснилась, на востокѣ показались высокія горы.

28-го ноября, въ густую метель наши путники подошли вплотную къ двумъ высокимъ горамъ оригинальной формы, единственнымъ, которыя удалось увидѣть по правую сторону пути. Эти горы получившія названія Геллянда-Гансена, сыграли впослѣдствіи большую роль, какъ путевые знаки; онѣ имѣли 2800 м. высоты и были сверху до низу покрыты снѣгомъ. На слѣдующій день облака раздернулись, и показалось солнце, и тогда нашимъ путникамъ показалось, что они попали въ другую, совершенно новую страну. Прямо передъ ними вздымался громадный ледникъ, а къ востоку отъ него тянулся съ сѣверо-запада на юго-востокъ высокій горный хребетъ. Измѣренія, произведенныя у подножія этого ледника, показали всего 2500 м. высоты,—очевидно отъ Бойни экспедиція спустилась на цѣлыхъ 800 м.—открытіе не изъ пріятныхъ такъ какъ оно съ несомнѣн-

ностью предвѣщало новый подъемъ. Здѣсь былъ устроенъ складъ провіанта на 6 дней. Ночью съ мѣста стоянки открылся великолѣпный видъ на лежащіе къ востоку горы; среди нихъ особенно обращала на себя вниманіе одна вершина такой оригинальной формы, какой еще Амундсенъ никогда въ жизни не видалъ: она была 3750 м. высоты и вершины ея со всѣхъ сторонъ были однимъ могучимъ ледникомъ: «Казалось, что природа въ припадкѣ досады забросала всю гору огромными ледяными глыбами съ острыми краями». Гора была названа по имени Гельмеръ Гапсена и сдѣлалась важнѣйшимъ путевымъ знакомъ экспедиціи. Вдали виднѣлась дикая горная страна и ея вершины сверкали въ красныхъ лучахъ полуночнаго солнца; она казалась огромной высоты, въ особенности тогда, когда выглядывала изъ густыхъ облаковъ, которыя время отъ времени проносились по ней, открывая могучія вершины и разломанныя ледники. Здѣсь поднималась и высокая, (около 5 т. м.) гора Торвальдъ-Нильсена.

Подъемъ на этотъ ледникъ, получившій названіе Чортова глетчера, былъ необычайно труденъ и потребовалъ цѣлыхъ трехъ дней. Только перваго декабря оставили за собой наши путники этотъ ледяной потокъ, весь разбитый трещинами и бездонными пропастями, и очутились на высотѣ 2850 м. Передъ ними лежала покатое засыпанное каменными глыбами ледяное плато, которое въ туманѣ и метели казалось замерзшимъ озеромъ. Переходъ по этому «Мѣсту для чортовой пляски» былъ далеко не изъ пріятныхъ. Ежедневно съ ю.-в. налетали бури и снѣжныя вьюги застилавшія путь, а между тѣмъ поверхность, по которой двигалась экспедиція, заключала внутри обширныя пустоты: почва подъ ногами путниковъ гудѣла, какъ пустая бочка. 6 декабря достигли, наконецъ, высшей точки пути, лежащей на 3360 м. Начиная отсюда, лежащая внутри страны равнина стала совершенно плоской, все время оставаясь на той же высотѣ. Подъ 88°23′ лежала широта достигнутая раньше Шекльтономъ; начиная отсюда дорога стала постепенно спускаться. Поверхность была гладкой, погода прекрасной и путники ежедневно дѣлали по 28 км. Безъ большого напряженія можно было-бы увеличивать дневные перегоны, но у Амундсена было достаточно времени и припасовъ, такъ-что благоразуміе требовало щадить

силы собакъ. 11 декабря безъ всякихъ приключеній достигли 89° ю. ш. Казалось, будто путешественники попали въ страну съ вѣчно-ясной погодой. Лучшимъ доказательствомъ господствующаго тамъ затишья была полнѣйшая равнинность снѣговой поверхности, на которой не было и слѣда неровностей или сугробовъ, которые всегда образуются, когда вѣтеръ смѣняется затишьемъ.

Разсчеты Амундсена относительно пройденнаго пути до сихъ поръ все время совпадали съ астрономическими наблюденіями. Ежедневно около полудня путники останавливались, чтобы измѣрить высоту полюса (астрономическаго), а вечеромъ производились измѣренія азимута. 13 декабря высота полюса по измѣренію дала 89°37′, по разсчетамъ—89°38′. Амундсенъ разсчиталъ что 14 дек. они будутъ у цѣли. Наступилъ день—сонъ былъ нѣсколько короче обыкновеннаго, завтракъ былъ съѣденъ скорѣе, и тронулись въ путь значительно раньше чѣмъ обыкновенно. При яркомъ солнцѣ и очень слабомъ вѣеркѣ путники быстро подвигались впередъ; говорили мало,—каждый былъ занятъ своей собственной думой.

Наконецъ, высчитанное разстояніе было пройдено, цѣль достигнута. Тихо и спокойно растилалось могучее плоскогорье, котораго никогда не видалъ человѣческій глазъ, на который никогда не ступала человѣчья нога. Нигдѣ не было видно никакого возвышенія никакого знака. Всѣ пятеро взявшись рукой за древко, водрузили норвежскій флагъ; вновь открытая земля была названа «плато короля Гакона VII».

Въ теченіе ночи, которую можно было узнать только по часамъ, трое путешественниковъ обошли лагерь, сдѣлавши кругъ въ 18 км., и поставили нѣсколько керновъ, тогда какъ остальные двое производили каждый часъ астрономическія наблюденія надъ солнцемъ. Въ результатѣ получилось 89°55′ ю. ш. На другой день 16 дек. путешественники прошли недостающіе 9 км. дальше къ югу и остановились лагеремъ. Потомъ они постарались устроить въ своей палаткѣ все такъ, чтобы работать возможно спокойнѣе и удобнѣй, и затѣмъ въ теченіи 24 часовъ произвели цѣлый рядъ наблюденій. Высоту измѣряли ежечасно 4 человѣка съ помощью секстанта и искусственнаго гори-

зонта. Палатку избрали центромъ и опять обошли ее кругомъ, имѣя радіусомъ 8,3 км. и разставляя снѣговые керны.

Здѣсь же была водружена маленькая палатка, спеціально привезенная съ собой, чтобы ей обозначить мѣсто полюса; судя по климату, господствующему здѣсь, можно думать, что она простоитъ еще долгіе годы.

Надъ палаткой былъ поднятъ норвежскій флагъ и вымпелъ Фрама, — корабля экспедиціи. Въ палаткѣ было оставлено письмо королю Гакону VII съ изложеніемъ результатовъ пу-

Амундсенъ на полюсѣ.

тешествія, нѣкоторое количество теплой одежды и нѣсколько астрономическихъ инструментовъ.

17-го декабря все было готово для обратнаго пути. Отъ Китовой бухты къ полюсу было пройдено 1390 км., такъ-что ежедневные перегоны должны были въ среднемъ равняться 24 км. Покидая полюсъ, Амундсенъ и его товарищи имѣли съ собой еще двое саней и 17 собакъ и столько провіанта, что они могли, въ противуположность Шекльтону, не уменьшать, а увеличивать свои дневныя порціи. Средняя температура во время пребыванія

у полюса была—13° С., но благодаря солнцу и безвѣтрію казалось, что еще гораздо теплѣе.

Благодаря обильнымъ запасамъ провіанта и разставленнымъ путевымъ знакамъ обратный путь совершился безъ всякихъ приключеній. 25 янв., послѣ 99-дневнаго отсутствія, экспедиція прибыла на свою зимовку въ Китовой бухтѣ. Обратный путь былъ сдѣланъ въ 39 дней—безъ единой дневки, такъ что ежедневные перегоны равнялись въ среднемъ $35^1/_2$ километровъ.

Во время отсутствія Амундсена лейт. Преструдъ со своими двумя товарищами достигъ земли короля Эдуарда, и, кромѣ того, произвелъ рядъ интереснѣхъ наблюденій въ окрестностяхъ лагеря. Между прочимъ, окончательно подтвердилось, что Великій Барьеръ у Китовой бухты не плаваетъ на водѣ, а сидитъ на твердомъ подводномъ грунтѣ.

Научные результаты экспедиціи Амундсена весьма велики. Помимо открытія южнаго полюса и произведеннаго здѣсь ряда наблюденій при ясной погодѣ (чего не удалось Пири на сѣв. полюсѣ), онъ съ несомнѣнностью обнаружилъ, что море Росса и въ восточной своей части ограничено материкомъ, а не тянется поперекъ всей Антарктиды къ морю Уэдделя; далѣе, имъ открыты высокія горы, названныя горами Королевы Модъ, тянущіяся внутрь антарктическаго материка, съ огромными, до 5 т. м. вершинами; въ теченіе свыше года производились правильныя метеорологическія наблюденія въ самомъ холодномъ изъ до сихъ поръ извѣстныхъ мѣстъ земного шара; и наконецъ, впервые посѣщена таинственная З. Короля Эдуарда. Кромѣ того, привезены цѣнныя геологическія и зоологическія коллекціи.

XII.

Совершенно иначе сложилась судьба англійской экспедиціи.

Какъ читатель, вѣроятно помнитъ, она съ самаго начала раздѣлилась на двѣ части. Главный отрядъ, цѣлью котораго было достиженіе полюса, высадился въ зал. Макъ-Мурдо, на островѣ Росса, у подножія вулкана Эребусъ, у мыса Эвансъ.

11-го января домъ былъ выстроенъ и запасы вытащены на берегъ; надо было, пользуясь остающейся частью лѣта, организовать склады провіанта для предстоящаго будущимъ лѣтомъ похода къ полюсу. А для этого надо было прежде всего добраться до Великаго Барьера, до котораго отъ главной квартиры было около 39 км. Въ виду чрезвычайной крутизны берега путь этотъ приходилось дѣлать по льду, по береговому припаю. Зимой, когда ледъ крѣпокъ, это не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, но теперь въ теплое время года это было не только чрезвычайно трудно, но даже опасно. Поэтому Скоттъ рѣшилъ всю кладь и сани перевезти хотя бы часть пути на кораблѣ, прежде, чѣмъ Терра-Нова» окончательно уйдетъ дальше, чтобы отвезти на З. Эдуарда VII второй отрядъ, подъ начальствомъ Кэмбелля. Итакъ, къ 24 января 1911 г. предварительная экспедиція, состоявшая изъ 12 чел. съ 8 лошадьми и двумя упряжками собакъ была готова въ походъ. 24-го января Скоттъ со всѣмъ грузомъ уѣхалъ на «Терра-Нова», и 26-го высадился на береговомъ припаѣ, куда налегкѣ пришли его спутники, ведя лошадей въ поводу. Оттуда, распростившись съ кораблемъ, двинулись къ Великому Барьеру и устроили на немъ, на разстояніи почти 4-хъ км. отъ края главный складъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и штабъ-квартирой. Отсюда съ первой же возможностью тронулись на югъ, для сооруженія складовъ. Однако лошади оказались мало приспособленными для такого путешествія и без-

Робертъ Скоттъ.

престанно вязли въ мягкомъ снѣгу. Кромѣ того время отъ времени налетали снѣжныя вьюги, продолжавшіяся по нѣсколько дней. Все это дѣлало дальнѣйшее движеніе впередъ чрезвычайно затруднительнымъ. Пришлось ограничиться устройствомъ склада подъ 79°28′30″ ю. ш., названнаго «Депо одной тонны», такъ какъ тутъ была сложена цѣлая тонна (60 пудовъ) припасовъ. Отсюда рѣшено было двинуться назадъ, къ главному складу и дальше домой, къ мысу Эвансъ. Обратный путь благодаря мягкой погодѣ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Шли небольшими партіями, то уходя впередъ, то возвращаясь, или догоняя другъ друга; три лошади не выпесли и пали. До мыса Эвансъ такъ и не дошли, и положеніе экспедиціи было бы очень критическимъ,

На пути къ югу.

если бы неподалеку отъ Великаго Барьера, близъ южной оконечности о-ва Росса, м. Эрмитэджъ, не сохранилась хижина, построенная Скоттомъ еще во время его перваго путешествія на «Дискавери» въ 1902 г. Она была выстроена на высокомъ, выдающемся мысу, получившемъ за это названіе Хутпойнтъ (м. Хижины), и виднѣлась издалека. Эта хижина и служила убѣжищемъ нашимъ путникамъ.

Произошло это вотъ какъ.

На обратномъ пути, когда оставалось только перейти участокъ берегового льда между Великимъ Барьеромъ и м. Эвансъ, три участника экспедиціи, Боверсъ, Креанъ и Шерри-Гаррардъ съ четырьмя изъ уцѣлѣвшихъ пяти лошадей вынуждены были вслѣдствіе утомленія животныхъ остановиться на ночь лаге-

ремъ на береговомъ льду, а другіе ушли впередъ. Рано утромъ они были разбужены страшнымъ шумомъ и съ ужасомъ замѣтили, что вокругъ ихъ стоянки ледъ треснулъ и они остались на льдинѣ. Огромная трещина прошла какъ разъ черезъ то мѣсто, гдѣ стояли лошади, и одно изъ животныхъ погибло.

Тогда они приняли отчаянное рѣшеніе повернуть къ ю.-з. и по береговому льду возвратиться назадъ на Великій Барьеръ. Съ большимъ трудомъ удавалось тащить сани съ одной льдины

Молодой ледъ въ заливѣ Мака-Мурдо.

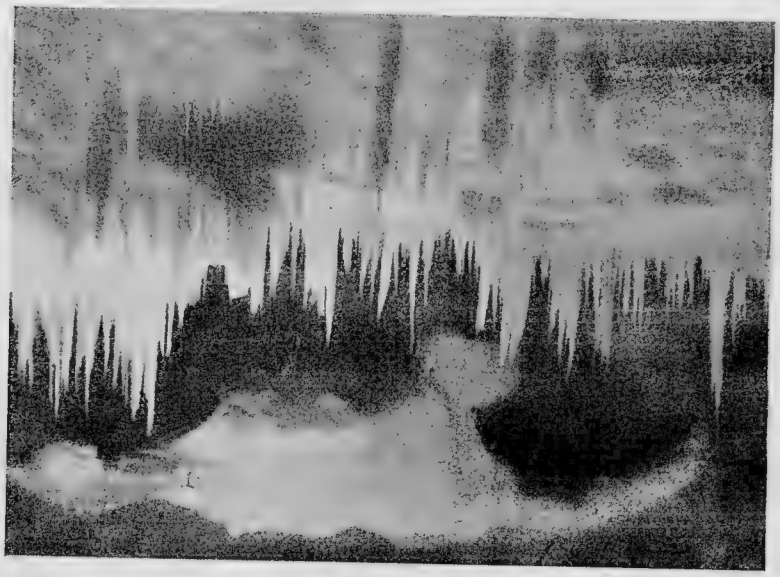
на другую. Перепуганные лошади дикими скачками перепрыгивали черезъ разверзавшіеся съ грохотомъ трещины. Около полудня, послѣ страшно тяжелаго пути, партія приблизилась наконецъ къ Барьеру. Ледяная стѣна была неприступна и прибой нагромождалъ у Барьера все новыя и новыя ледяныя глыбы. Тѣмъ временемъ Скоттъ и его товарищи, уже успѣвшіе побывать въ Хутпойнтѣ, безпокоясь за судьбу отставшей партіи, направились къ ледяному Барьеру съ другой стороны и почти дошли до него, когда лёдъ треснулъ и у нихъ подъ ногами, такъ что они

должны были немедленно отступить назадъ. Совершенно неожиданно къ своему величайшему изумленію они увидѣли Креана поспѣшно бѣжавшаго по льду,—очевидно за помощью, и окликнули его. Креанъ разсказалъ имъ о случившемся, и всѣ вмѣстѣ по береговому льду отправились на з. на спасеніе партіи. А тѣмъ временемъ льдину, на которой пріютились Боверсъ и Шерри Гаррардъ съ санями и лошадьми медленно отнесло на сѣв.-з., такъ что наши путники только случайно наткнулись на нее. Съ помощью крѣпкой альпійской веревки людей и сани удалось съ большимъ трудомъ перетащить на болѣе твердый ледъ. Хуже вышло съ лошадьми: сначала ихъ льдину отнесло теченіемъ, а затѣмъ, когда ее удалось нѣсколько подтянуть канатомъ, только одной изъ нихъ удалось благополучно перепрыгнуть черезъ трещину. Двѣ другихъ не перескочили и ихъ пришлось пристрѣлить: изо всѣхъ трещинъ выглядывали огромныя зубастыя головы касатокъ и несчастныя животныя рисковали живьемъ быть разорванными въ клочья, а вытащить ихъ на ледъ не удавалось никакими усиліями.

5-го марта вся партія во главѣ со Скоттомъ, съ упряжками собакъ и съ двумя уцѣлѣвшими лошадьми добралась до Хутпойнта.

Не желая болѣе рисковать остающимися лошадьми и санями Скоттъ рѣшилъ остановиться здѣсь и дождаться, пока береговой лёдъ не станетъ настолько твердымъ, что путешествіе по нему не представитъ ни малѣйшей опасности. Хижина въ Хутпойнтѣ представляла всѣ удобства для такого ожиданія: хорошій, теплый домъ съ нѣсколькими отдѣленіями и пристройками, которыя могли служить для помѣщенія лошадей и собакъ. Кромѣ того, въ немъ нашли въ превосходной сохранности цѣлую массу провіанта и различныхъ припасовъ, уцѣлѣвшихъ еще съ перваго путешествія Скотта. Плававшіе въ морѣ и валявшіеся на льду тюлени доставляли мясо и жиръ, который наши путешественники употребляли на топливо и освѣщеніе для сбереженія запасовъ керосина. 13-го апрѣля двинулась въ путь первая, пѣшая партія, со Скоттомъ во главѣ, но лишь мѣсяцъ спустя, 13-го мая возвратились въ главный лагерь къ мысу Эвансъ, остальные товарищи съ оставшимися лошадьми и собаками.

Надо было окончательно устраиваться на зимовку. За время отсутствія вспомогательной экспедиціи многое было уже сдѣлано для лошадей и собакъ были устроены стойла и загоны, устроена будка для метеорологическихъ наблюденій, склады провіанта и т. д. надо было все это приспособить къ суровой зимѣ. Во время первыхъ четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ температура на станціи была довольно суровая, хотя иногда поднималась до —7° С. и всего лишь одинъ разъ упала до —45° С. (Средняя годовая здѣсь



Ледяной гротъ зимою.

оказалась —18° С.,—значительно теплѣе, чѣмъ у Амундсена). Зато съ материка очень часто дулъ холодный леденящій вѣтеръ, лишь изрѣдка смѣнявшійся спокойной, ясной погодой.

Жизнь въ лагерѣ доставляла много работы: необходимо было, напр., заботиться объ животныхъ, чтобы онѣ не застаивались и были постоянно въ движеніи. Въ то же время научныя работы, (напр., метеорологическія наблюденія) шли своимъ чередомъ. Въ спокойные, ясные дни зоологъ экспедиціи, д-ръ Э. Ульсонъ, старинный другъ и спутникъ Скотта по его первому путешествію,

выходилъ съ палитрой и красками и писалъ картины. Настроеніе членовъ экспедиціи было хорошее, и они часто, когда позволяла погода развлекались футболомъ. Кромѣ того, иногда предпринимались экскурсіи въ различныя части острова Росса, къ его сѣверной оконечности мысу Ройдса и особенно въ Хутпойнтъ, хижину въ которомъ даже соединили телефономъ съ главной станціей.

Наиболѣе интересной была экскурсія въ сѣверовосточной оконечности острова Росса, къ мысу Крозье, къ мѣсту гнѣздованія императорскихъ пингвиновъ. Императорскій пингвинъ,— единственная птица, въ антарктической области гнѣздящаяся, и высиживающая яйца зимой, представляетъ огромный интересъ въ смыслѣ исторіи развитія зародыша; такія насиженныя яйца д-ру Уильсону и хотѣлось получить для своихъ научныхъ работъ. Для этого предстояло совершить около 180 км. по льду полярною ночью то при свѣтѣ луны, то при слабомъ свѣтѣ начинающагося полярнаго дня. Отправились на эту отчаянную экскурсію трое: Уильсонъ, Боверсъ и Шерри-Гаррардъ; они вышли 27-го іюня и вернулись только 29-го іюля, съ довольно богатой, хотя и трудно доставшейся добычей.

Все время холода стояли отчаянные, а у м. Крозье, на ледяномъ Барьерѣ наблюдалась чрезвычайно низкая, самая низкая въ антарктическихъ странахъ температура —60°. Экспедицію застигъ страшный ураганъ, который унесъ разбитую ими палатку вмѣстѣ со всѣмъ снаряженіемъ. На другое утро, послѣ жестокой ночи, они нашли между моренами палатку почти не поврежденной.

Въ августѣ возвратилось солнце; наступила весна съ сравнительно болѣе мягкими температурами, Начались приготовленія къ большому походу на югъ. Въ особенности приведеніе въ порядокъ и налаживаніе моторныхъ саней, которыя были посланы съ запасомъ топлива и провіанта. Потомъ мало-по-малу перебрались въ Хутпойнтъ и уже оттуда, 2-го ноября экспедиція выступила въ походъ.

Вначалѣ все шло хорошо. Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, экспедиція догнала моторныя сани; оказалось двое изъ

нихъ уже были въ негодномъ состояніи, благодаря порчѣ моторовъ.

Дальнѣйшее путешествіе стало гораздо труднѣе, такъ какъ начались снѣжныя вьюги. Тѣмъ не менѣе, лошади, несмотря на неблагопріятныя условія, отлично тащили свои сани, и кап. Оатсъ, завѣдовавшій ими, проявилъ необычайную заботливость и умѣнье.

Такъ продолжалось до 4-го декабря, когда достигли 83° 24′ ю. ш. Здѣсь ихъ захватила жестокая снѣжная буря, продолжав-

Лагерь Скотта на пути къ югу (сзади горы З. Викторіи).

шаяся цѣлыхъ четыре дня и стоившая экспедиціи необычайныхъ трудовъ: все время приходилось откапывать то лошадей, то палатку. Затѣмъ температура поднялась до +2°. Въ одну ночь вся окрестность оказалась покрытой на цѣлыхъ $1^1/_2$ фута слоемъ мягкаго, рыхлаго снѣга. Въ концѣ-концовъ всѣхъ лошадей пришлось застрѣлить, такъ какъ корма для нихъ больше не было, и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужна была пища и для собакъ. Правда, послѣднія, получивши свѣжей мясной пищи, тянули

лучше, но все же ихъ санки не могли выдержать такой большой нагрузки, какъ у лошадей.

Бури и глубокій снѣгъ очень задерживали движеніе. 21-го декабря экспедиція находилась на Бэрдморскомъ ледникѣ, подъ 85°7′ ю. ш. и подъ 165°4′ в. д. прибл. въ 7 км. къ югу и въ 55 км. къ западу отъ г. Дарвина. Здѣсь отряду пришлось проходить самую трудную часть пути. Глубокія трещины ледника были засыпаны снѣгомъ и члены экспедиціи, шедшіе пѣшкомъ, при каждомъ шагѣ погружались по колѣно въ снѣгъ; сани тоже приходилось ежеминутно вытаскивать изъ снѣга. Такъ боролись они цѣлыхъ 4 дня и при десяти-одиннадцатичасовой ежедневной работѣ подвигались въ день едва на 9 км. На пятый день снѣговая поверхность стала тверже и можно было опять пользоваться лыжами. 27 дек. достигли горы, которую Шекльтонъ назвалъ «Горой дѣлающей облака». Отсюда дорога стала настолько лучше, что можно было безъ труда дѣлать большіе перегоны и, несмотря на понесенные труды, къ путешественникамъ возвратилось бодрое настроеніе духа. Здоровье ихъ въ это время тоже не оставляло желать ничего лучшаго. Двигаясь такимъ образомъ, къ 3-му января достигли 87°32′ ю. ш., на высотѣ прибл. 3200 м., и въ разстояніи около 270 км. отъ полюса.

Дорогой Скоттъ отослалъ назадъ три партіи, которыя должны были возвратиться въ главный лагерь и передать вѣсть оставшимся товарищамъ. 4-го ноября ушла назадъ первая партія, состоявшая изъ Дэя и Хупера; они 21-го декабря безъ всякихъ затрудненій благополучно прибыли въ лагерь къ м. Эвансъ. Вторая, отосланная Скоттомъ, партія состояла изъ пяти человѣкъ: д-ра Аткинсона, физика Врайта, Шерри-Гаррарда и Кеоганна; она отдѣлилась отъ главной экспедиціи 22-го декабря и достигла м. Эванса 28-го января. Дорогой, при спускѣ съ Бэрдморскаго ледника, она праздновала Рождество, а затѣмъ совершила боковую экскурсію на морену у подножія «Горы, дѣлающей облака» и сдѣлала тамъ нѣсколько важныхъ геологическихъ находокъ. Когда они прибыли въ лагерь, то корабль Терра Нова былъ уже въ з. Макъ-Мурдо, но изъ-за льда не могъ нигдѣ пристать. Третья партія была отослана назадъ 4-го янв.; по словамъ Скотта, чрезвычайно трудно было найти на нее охотниковъ:

погода была благопріятная, дорога хорошая, до полюса близко, и всѣмъ хотѣлось двигаться впередъ. Но, къ сожалѣнію, во-первыхъ количество провіанта не позволяло взять съ собой къ полюсу такую массу людей, а во-вторыхъ, надо было передать вѣсть о состояніи экспедиціи въ Европу, а для этого застать Терру-Нову еще до ея ухода на сѣверъ.

Утромъ 4-го января эта послѣдняя партія, состоявшая изъ трехъ человѣкъ: лейтенанта Эдгара Эванса, механика Лесли и Креана проводила еще нѣсколько километровъ «полярную» партію, распростилась и двинулась назадъ, на сѣверъ, а Скоттъ съ четырьмя товарищами (д-ромъ Упльсономъ, Боверсомъ, Оатсомъ и другимъ Эвансомъ) пошелъ дальше на югъ, къ полюсу.

Первое время Э. Эвансъ и его спутники дѣлали ежедневно около 30 килом. 9-го января поднялась съ юга снѣжная буря, продолжавшаяся три дня и мѣшавшая возвращенію. Чтобы обезпечить себя провіантомъ хотя бы на первую часть дороги, наши путники направились прямо къ складу, расположенному у подножія горы Дарвина. Дорога шла наискось къ ледопадамъ, открытымъ Шекльтономъ въ верхней части Бэрдморскаго ледника, и сберегла нашимъ путешественникамъ по крайней мѣрѣ одинъ день хода. 17 января они благополучно добрались до сравнительно гладкой поверхности, которая находится въ серединѣ ледника. Зато въ нижней части глетчера имъ встрѣтились большія трудности: они попались въ настоящій лабиринтъ ледопадовъ, пропастей и трещинъ. Благодаря туману опасность спуска еще больше увеличилась. Наши путники могли подвигаться впередъ только карабкаясь и цѣпляясь руками, на крутыхъ спускахъ, или съѣзжая сидя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ склоны были нѣсколько отложе. Лицо и руки ихъ были жестоко разцарапаны и покрыты ссадинами; слава Богу, уже 18-го янв. удалось миновать это опасное мѣсто. Дальнѣйшіе 500 слишкомъ килом. были сдѣланы безъ всякихъ приключеній.

На 80° 30′ ю. ш. Э. Эвансъ заболѣлъ цынгой. Бѣда была въ томъ, что партія съ самаго начала была меньше чѣмъ предполагалось раньше, — четвертый членъ ея остался со Скоттомъ. Поэтому, несмотря на свою болѣзнь, Эвансъ долженъ былъ

вмѣстѣ съ другими тащить тяжелыя сани, такъ что его состояніе, несмотря на всѣ заботы товарищей день ото дня ухудшалось. Когда партія достигла склада «Одной тонны», Эвансъ былъ уже больше не въ состояніи держаться на ногахъ безъ помощи лыжныхъ палокъ. Ноги его очень распухли и поблѣднѣли; да и другіе признаки развивающейся цынги давали себя знать. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ больному удалось въ теченіи 4-хъ дней протащиться еще 95 км. Затѣмъ онъ свалился. Тогда его товарищи взяли всю провизію, кромѣ той, которая была необходима, что называется до-зарѣзу, сложили ее въ кучу, выстроили надъ ней снѣговой «кернъ», уложили Эванса въ его спальномъ мѣшкѣ на сани, и потащились дальше. При страшномъ напряженіи прошли еще 4 дня, какъ вдругъ 17 февраля внезапно повалилъ снѣгъ, и шелъ подъ рядъ цѣлыхъ 12 ч.; по такому рыхлому, мягкому снѣгу тащить сани не было никакой возможности. Такъ какъ состояніе Эванса было такъ плохо, что можно было ожидать всего самаго худшаго, то его товарищи рѣшились на отчаянную мѣру, чтобы спасти своего больного спутника. Креанъ рѣшился одинъ пѣшкомъ добраться до отстоявшей въ 56 км. хижины въ Хутпойнтѣ, а Лесли остался съ Эвансомъ. Креанъ послѣ отчаяннаго 10 часового перехода въ совершенномъ изнеможеніи и застывая отъ холода добрался до хижины, гдѣ онъ къ счастью засталъ Аткинсона и еще одного товарища съ двумя упряжками собакъ.

Какъ нарочно, приходъ Креана совпалъ съ началомъ снѣжнаго урагана, такъ что только въ половинѣ пятаго слѣдующаго дня удалось Аткинсону съ собаками выступить на помощь Эвансу. Несмотря на туманъ они шли напролетъ всю ночь, но только къ вечеру слѣдующаго дня добрались до палатки, гдѣ лежалъ Эвансъ. Они привезли съ собой свѣжей пищи, и дали собакамъ немного передохнуть. Аткинсонъ рѣшился доставить больного въ хижину въ одинъ перегонъ. Собаки сдѣлали этотъ 56 километровый переходъ меньше, чѣмъ въ 5 часовъ. Въ Хутпойнтѣ Аткинсонъ продержалъ больного цѣлую недѣлю, чтобы онъ нѣсколько поправился и затѣмъ на саняхъ перевезъ его прямо на корабль, который какъ разъ собрался уходить на сѣверъ. Такимъ образомъ Терра Нова повезла въ Австралію, обле-

тѣвшее по телеграфу весь цивилизованный міръ извѣстіе Эванса, что Скоттъ съ четырьмя товарищами находится уже близко отъ полюса, въ добромъ здоровьѣ и съ достаточнымъ запасомъ провіанта.

Видя, что въ условленный срокъ кап. Скоттъ не возвращается, товарищи, оставшіеся на зимней квартирѣ, тотчасъ отправили на поиски съ санями и собаками партію изъ двухъ человѣкъ. Несмотря на высшей степени неблагопріятную погоду, они прошли почти на 230 км. къ югу, пополнили складъ «Одной тонны» провіантомъ и топливомъ, и, прождавши тамъ до 10 марта, едва живые вернулись ни съ чѣмъ. Такая же неудача постигла и вторую попытку вспомогательной экскурсіи. Дальнѣйшія попытки пришлось отложить до весны (октября—ноября) 1912 г.

Наступила зима и прошла такъ же благополучно, какъ и первая; безпокоила только судьба обоихъ отрядовъ,—южнаго отряда Скотта, не вернувшагося до сихъ поръ, и сѣвернаго отряда Кэмбелля, высаженнаго Террой Новой на З. Викторіи, объ которомъ тоже не было ни слуху, ни духу.

Но вотъ прошла вторая зима. Съ наступленіемъ весны, врачъ экспедиціи, д-ръ Аткинсонъ, съ десятью человѣками отправился на поиски Скотта. Лошадей на этотъ разъ не было, но Терра Нова привезла экспедиціи 7 муловъ, которые и были взяты съ собой, какъ упряжныя животныя. Отрядъ разбился на двѣ партіи: одна подъ начальствомъ Аткинсона, другая — М. Врайта. 30-го октября 1912 г. обѣ партіи направились къ югу, захвативъ съ собой провіанта на три мѣсяца. 12-го ноября отрядъ Врайта увидѣлъ палатку, а въ ней нашли трупы кап. Скотта, д-ра Уильсона и лейт. Беверса. Очевидно, они погибли отъ холода и голода. Около труповъ найдено было лишь немного чаю: это было все, что осталось у нихъ. Скоттъ умеръ въ сидячемъ положеніи, прислонившись спиной къ мачтѣ, поддерживающей палатку; подъ головой у него находился дневникъ и другіе документы. Уильсонъ и Боверсъ умерли въ своихъ спальныхъ мѣшкахъ. Изъ оставленныхъ ими документовъ можно было получить слѣдующія свѣдѣнія.

Пока Эвансъ и его спутники боролись между жизнью и смертью, Скоттъ и его товарищи продолжали путь къ югу. Дорога была гладкая и разстояніе въ 150 км. было безъ труда пройдено въ 14 дней. 18-го янв. 1912 г. почти мѣсяцъ спустя послѣ Амундсена, экспедиція достигла, наконецъ, полюса. Приводимъ разсказъ объ этомъ въ отрывкахъ изъ дневника Скотта.

«16 января. 68 лагерь. Высота 2928 м. Темп.—30,8°. Утромъ мы прошли 12 км. Въ полдень наблюденія показали 89°42′. При мысли, что завтра мы будемъ у цѣли, мы съ увлеченіемъ тронулись въ путь. Черезъ 2 часа острые глаза Боверса открыли въ отдаленіи что-то въ родѣ путевого знака. Въ безмолвномъ напряженіи мы быстро шли впередъ... у меня сердце стучало такъ, что, казалось, готово было разорваться. Прошло еще полчаса,—Боверсъ увидалъ впереди черное пятно. Природнымъ, снѣжнымъ образованіемъ оно не было, — не могло быть — мы скоро это разобрали! Мы пошли прямо на него... Черный флагъ, привязанный къ полозу отъ саней! Рядомъ — брошенное мѣсто стоянки — слѣды саней и лыжъ ведущіе въ ту и другую сторону, ясные слѣды собачьихъ лапъ, — много слѣдовъ, — этимъ сказано все: норвежцы насъ опередили! Амундсенъ первый достигъ полюса!...

17 января. Лагерь 69. Температура утромъ — 30°. Какъ ждали мы цѣлый мѣсяцъ этого момента, но какъ наше настоящее положеніе разнится отъ того, чего мы ожидали! Сегодня былъ ужасный день: во-первыхъ, разочарованіе, во-вторыхъ, отчаянный вѣтеръ, дующій намъ въ лицо, при — 30°. Мы встали $7^1/_2$ ч. утра — никто изъ насъ не спалъ въ эту ужасную ночь,—и шли нѣкоторое время по слѣдамъ норвежцевъ. Судя по слѣду, ихъ было только двое... Затѣмъ внезапно погода испортилась, и такъ какъ слѣды стало заносить снѣгомъ, и кромѣ того, они черезчуръ далёко заворачивали на западъ, мы рѣшили идти прямо въ ту сторону, гдѣ по нашимъ расчетамъ лежалъ полюсъ. Однако къ полудню у Эванса такъ застыли руки, что мы должны были разбить палатку чтобы приготовить себѣ завтракъ. Мы прошли $13^1/_2$ километровъ, и наблюденія показывали 89°53′57″ ю. ш. Затѣмъ мы тронулись дальше, и прошли еще 12 километровъ прямо къ югу. Теперь маленькій Боверсъ показываетъ свое умѣнье наблюдать при необычайно неблагопріятныхъ усло-

віяхъ; вѣтеръ дуетъ отчаянно, температура — 29° и воздухъ полонъ той ужасной холодной сырости, отъ которой, кажется, въ нѣсколько мгновеній мозгъ застываетъ въ костяхъ. Мы, повидимому, опять нѣсколько спустились, но впереди снова придется подниматься. Вокругъ ничего не видно, ничего, что хоть немножко отличалось бы отъ ужасающей монотонности пейзажа, который мы видимъ послѣдніе дни. Господи Боже! и въ это ужасное мѣсто притащились мы съ такимъ трудомъ, и не имѣемъ въ награду даже сознанія, что, мы сдѣлали это первые!

И все-таки чего-нибудь да стоитъ забраться такъ далёко! Этотъ же вѣтеръ завтра можетъ оказаться нашимъ другомъ.

Несмотря на наше огорченіе и разочарованіе мы съѣли жирный полярный обѣдъ и почувствовали себя совсѣмъ хорошо; какъ экстренное прибавленіе была у насъ плитка шоколаду, и необычное наслажденіе—папироска, изъ запаса Ульсона. Теперь надо думать о поспѣшномъ возвращеніи назадъ. Намъ предстоитъ отчаянная борьба!

18 января. Сдѣлавши наблюденіе, мы установили, что намъ до полюса осталось около 6 килом.: приблизительно въ этомъ направленіи Боверсъ увидѣлъ кернъ, или палатку. Вскорѣ мы дошли до нея: она находилась въ $3^1/_2$ км. отъ нашаго лагеря, слѣдовательно, въ $2^3/_4$ км. отъ полюса. Въ ней мы нашли документъ, гласящій, что здѣсь прошли 5 норвежцевъ: Роальдъ Амундсенъ, Олафъ Біаландъ, Гельмеръ Гапсенъ, Сверре Гассель и Оскаръ Вистингъ 16 дек. 1911 г. Палатка хороша: маленькая, крѣпкая, поддертая единственной бамбуковой палкой. Записка, оставленная Амундсеномъ проситъ меня передать королю Гакону письмо отъ него; я кладу его въ карманъ. Кромѣ него въ палаткѣ были оставлены слѣдующіе предметы: 3 маленькихъ мѣшочка изъ оленьей шкуры, содержащіе въ себѣ смѣсь разнаго рода варежекъ и толстыхъ шерстяныхъ чулокъ; затѣмъ секстантъ, искусственный горизонтъ, гипсо-термометръ, лишенный градусника, еще секстантъ и еще гипсо-термометръ, англійской фабрики.

Я оставилъ въ этой палаткѣ записку съ сообщеніемъ, что я съ моими товарищами былъ здѣсь. Боверсъ фотографируетъ, а Ульсонъ дѣлаетъ эскизы карандашомъ. Послѣ второго завтрака

мы прошли $11^1/_2$ км. Наблюденія въ полдень показали, что мы находимся въ $1^1/_2$ км. отъ полюса... Здѣсь воздвигли мы кернъ, воткнули нашъ флагъ, нашъ бѣдный, слишкомъ поздно пришедшій флагъ и сфотографировались, — это было такъ ужасно холодно! Затѣмъ мы усмотрѣли на югѣ на разстояніи почти километра полозъ отъ саней торчащій изъ снѣга, повидимому онъ долженъ былъ обозначать точное положеніе полюса, какъ его удалось опредѣлить норвежцамъ. Прикрѣплённая къ полозу записка гласила, что палатка находится отъ полюса въ $3^1/_2$ км.;

Скоттъ и его товарищи у палатки Амундсена.

Ульсонъ беретъ записку съ собой. Несомнѣнно наши предшественники основательно позаботились объ опредѣленіи мѣста и въ точности выполнили намѣченную программу. Теперь, мнѣ кажется, я могу сказать: южный полюсъ лежитъ приблизительно на высотѣ 2900 м. (опредѣленіе норвежцевъ); характерно, что на 88° была высота приблизительно 3200 м. Мы взяли нашъ флагъ и пронесли его съ собой приблизительно $1^1/_4$ км. къ сѣверу и оставили его тамъ, воткнувши древко въ снѣгъ и укрѣпивши его, насколько возможно. Очевидно норвежцы 15 дек. достигли полюса и 17 дек. ушли назадъ, — значитъ даже раньше 21-го де-

кабря, — число, которое я въ Лондонѣ назначилъ, какъ идеальное.

Мы должны теперь повернуться спиной къ измѣнившей намъ цѣли нашаго честолюбія. Передъ нами лежитъ пространство въ 1500 километровъ труднаго пути — 1500 кил. неизбѣжно тащить сани—1500 кил. лишеній голода и холода. Что дѣлать! Мечта моей жизни, прощай!».

Такъ какъ время не допускало промедленія, то путники тотчасъ же тронулись въ походъ; однако, уже черезъ нѣсколько дней чрезмѣрное напряженіе и утомленіе начали давать себя знать, — ежедневные перегоны стали становиться все меньше и меньше. Несмотря на это все время предпринимались боковыя экскурсіи для собиранія горныхъ породъ и окаменѣлостей съ отдѣльныхъ, торчащихъ изъ леденой поверхности вершинъ; все это еще болѣе увеличивало тяжесть саней. Чтобы своевременно достигать заготовленныхъ дорогой складовъ провіанта нужно было ежедневно проходить по 17 км., но этой цифры очень рѣдко удавалось достигнуть, а при спускѣ съ Бэрдморскаго глетчера ежедневно приходилось дѣлать только по 5 килом. Благодаря этому наступалъ недостатокъ провіанта, ежедневныя порціи приходилось уменьшать, что въ свою очередь вызывало большую потерю силъ; къ этому присоединились, отчаяные холода, вызывавшіе жестокія обмораживанія. И тогда начались бѣдствія экспедиціи.

Первымъ погибъ лейт. Эвансъ. У него были обморожены и покрылись пузырями лицо, руки и ноги; два пальца на рукѣ были отморожены совсѣмъ, такъ что ногти отвалились. Онъ едва шелъ и невольно задерживалъ товарищей, которые, конечно, не могли его бросить. Наконецъ, дѣло кончилось катастрофой:

«14 февраля.... нечего себя обманывать, наши силы не прибавляются. У Унльсона нога все еще болитъ, и онъ только съ большимъ трудомъ можетъ пользоваться лыжами; но самое тяжелое положеніе у Эванса: нашъ товарищъ насъ сильно безпокоитъ... Я боюсь, что дѣло пойдетъ все хуже и хуже...

16 февраля. Положеніе очень серьезное: Эвансъ, кажется, помѣшался. Такой сознательный человѣкъ, онъ теперь совершенно измѣнился. Сегодня нѣсколько разъ утромъ и послѣ

полудня онъ заставлялъ насъ останавливаться по самымъ пустяковиннымъ поводамъ. Мы существуемъ, питаясь самыми ничтожными порціями, но нашего провіанта должно намъ непремѣнно хватить до завтрашняго вечера...

17 февраля. Ужасный день. Послѣ хорошаго сна Эвансъ имѣлъ нѣсколько лучшій видъ. Какъ всегда, онъ заявилъ, что чувствуетъ себя хорошо, и, отправляясь, впрягся въ сани; однако, черезъ полчаса у него развязались лыжи, и онъ оставилъ упряжку. Дорога была ужасной, только что выпавшій мягкій снѣгъ прилипалъ большими комками къ ногамъ и къ полозьямъ саней, сани скрипѣли при каждомъ поворотѣ; небо было покрыто облаками, по землѣ стлался туманъ. Пройдя часъ, мы остановились. Эвансъ насъ догналъ, но очень, очень медленно. Черезъ часъ онъ опять отсталъ и попросилъ Боверса дать ему веревочку. Я крикнулъ ему, чтобъ онъ догналъ насъ, какъ можно скорѣе, и онъ обѣщалъ, какъ мнѣ показалось, бодрымъ голосомъ. Пройдя мимо горы «Памятника» мы увидѣли Эванса далеко позади. Вначалѣ мы совсѣмъ не безпокоились, вскипятили чайникъ и принялись за ѣду. Но такъ какъ Эванса все еще не было, мы выглянули изъ палатки, и увидѣли, что онъ все еще очень далёко. Насъ охватило безпокойство, и мы всѣ четверо на лыжахъ бросились къ нему. Я первый добѣжалъ до него и пришелъ въ ужасъ отъ вида нашего товарища: онъ стоялъ на колѣняхъ, съ разорваннымъ платьемъ, съ голыми обмороженными руками, съ дикимъ блуждающимъ взглядомъ. Когда я спросилъ его, что съ нимъ случилось, онъ медленно отвѣтилъ, что не знаетъ, что съ нимъ, но былъ, вѣроятно, обморокъ. Мы подняли его, но, пройдя 2 или 3 шага, онъ опять опустился на снѣгъ; онъ окончательно обезсилѣлъ. Ушльсонъ, Боверсъ и я побѣжали назадъ за санями, а Оатсъ остался при немъ.

Когда мы вернулись онъ былъ безъ сознанія, а когда его внесли въ палатку онъ впалъ уже въ совершенное забытье. Онъ больше не проснулся; въ половинѣ перваго онъ умеръ».

Второй жертвой сталъ капитанъ Оатсъ. Несмотря на то что у него были сильно отморожены руки и ноги, онъ тащился еще, съ помощью товарищей, до 16-го марта. Холода были отчаянные, и всѣмъ членамъ экспедиціи приходилось плохо.

«11 марта. Дѣло Оатса очень плохо. Что мы будемъ дѣлать, что онъ будетъ дѣлать, одинъ Богъ знаетъ. Мы обсуждали этотъ вопросъ за первымъ завтракомъ. Оатсъ храбрый, хорошій человѣкъ и совершенно ясно представляетъ себѣ свое положеніе. Онъ спросилъ нашаго совѣта; что могли мы ему отвѣтить, кромѣ совѣта идти дальше сколько онъ можетъ? Одинъ хорошій результатъ имѣло это совѣщаніе: я энергично потребовалъ отъ Уильсона, чтобы онъ отдалъ каждому на руки средство покончить со своими мученьями... У насъ теперь у каждаго по 30 таблетокъ опіума, а для него остался тюбикъ морфія. Наша игра превращается въ трагедію...

16 марта. Наша трагедія въ полномъ разгарѣ. Третьяго дня за завтракомъ бѣдняга Оатсъ сказалъ, что онъ не можетъ больше идти, и предложилъ намъ оставить его въ его спальномъ мѣшкѣ. Объ этомъ не могло быть, конечно, никакой рѣчи, и мы просили его проводить насъ хотя бы до вечерняго лагеря; должно быть для него это было очень мучительно, тѣмъ не менѣе, онъ плелся за нами, и мы съ трудомъ прошли еще нѣсколько километровъ.

Ночью ему сдѣлалось хуже и мы видѣли, что его конецъ близокъ. Если эта моя книжка будетъ когда-нибудь найдена, то я прошу передать слѣдующій фактъ: послѣднія мысли Оатса были объ его матери. Передъ этимъ онъ съ гордостью говорилъ, что его полкъ долженъ быть доволенъ той храбростью, съ которой онъ шелъ навстрѣчу смерти. Мы всѣ трое можемъ подтвердить его храбрость. Цѣлыми недѣлями онъ безъ жалобъ переносилъ невыразимую боль и былъ дѣятельнымъ, и готовымъ помогать до послѣдняго мгновенія. До конца онъ не терялъ надежды,— не хотѣлъ ея терять. Вотъ каковъ былъ его конецъ: онъ заснулъ прошлую ночь въ надеждѣ больше не проснуться; но онъ все-таки проснулся утромъ, вчера. Въ это время наружи бушевала буря. «Я выйду», сказалъ онъ, «и можетъ быть нѣкоторое время пробуду наружи». Онъ вышелъ, и исчезъ въ вихряхъ снѣга,—и мы больше его не видали...

Мы знали, что Оатсъ ушелъ на смерть, мы пробовали его удержать, но онъ поступилъ, какъ герой и какъ англійскій джентльменъ. Мы—трое оставшихся—надѣемся встрѣтить нашъ конецъ такъ же храбро, а конецъ этотъ, повидимому, недалёкъ».

Затѣмъ наступила очередь трехъ остальныхъ. Несмотря на отчаянные холода и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ они шли еще пять дней и 21-го марта разбили свой лагерь всего лишь въ 20 к. отъ склада «Одной Тонны». Здѣсь застигла ихъ снѣжная буря, продолжавшаяся нѣсколько дней безъ перерыва.

«17 марта. ...стужа необычайно сильна,—въ полдень—40°; мои товарищи все еще бодры, но мы серьезно рискуемъ замерзнуть; хотя мы только объ томъ и говоримъ, что мы все еще пробьемся, въ душѣ, я глубоко убѣжденъ, никто изъ насъ больше въ это не вѣритъ. Мы ужасно мерзнемъ теперь даже на ходу, до и все остальное время; не мерзнемъ только тогда, когда ѣдимъ. Вчера мы должны были остановиться изъ-за метели и сегодня подвигаемся впередъ ужасно медленно.

18-го марта. Наши бѣдствія продолжаются. Вчера весь день вѣтеръ дулъ намъ навстрѣчу, сѣверо-западный съ силою 4, и гналъ снѣгъ прямо въ лицо; мы должны были остановиться. Ни одинъ человѣкъ не смогъ бы идти въ такую погоду, а наши силы почти совсѣмъ истощены. Я отморозилъ себѣ правую ногу, почти всѣ пальцы, а еще два дня тому назадъ я былъ гордымъ обладателемъ лучшихъ ногъ. Такъ постепенно слабѣемъ мы всѣ...

22 и 23 марта. Ураганъ продолжаетъ бушевать. Уильсонъ и Боверсъ не рѣшились выдти—завтра послѣдняя возможность— пѣтъ больше топлива, а провизіи только на одинъ, много на 2 дня; конецъ близокъ.

25 марта. Съ 21 безпрерывно была буря съ ю.-з. и з.-ю.-з. 20-го у насъ было еще топливо, чтобы приготовить каждому по 2 чашки чаю и сухой провизіи на 2 дня. Каждый день мы были готовы идти къ нашему складу находящемуся на разстояніи 20 км. Но наружи передъ дверью палатки все представляетъ одинъ сплошной снѣжный вихрь. Я не думаю чтобы мы могли надѣяться на какое-нибудь улучшеніе. Но мы выдержимъ до-конца; конечно мы становимся все слабѣе, и смерть не должна быть далёко.

Это ужасно, мнѣ кажется я не могу больше писать.

Р. Скоттъ.

Ради Бога позаботьтесь объ нашихъ близкихъ».

Кромѣ этого дневника Скоттъ оставилъ еще цѣлый рядъ писемъ женѣ, роднымъ и знакомымъ, а также обращеніе къ англійскому обществу. Для характеристики этихъ писемъ приведемъ одно, къ женѣ его друга доктора Уильсона:

«Дорогая г-жа Уильсонъ, если это письмо дойдетъ до васъ, то это значитъ, что Билль и я умерли вмѣстѣ. Теперь, когда наша послѣдняя минута приближается, мнѣ хочется, чтобы вы знали, какъ великъ душой онъ былъ до сихъ поръ,—неизмѣнно бодрый и готовый принести себя въ жертву для другихъ; ни разу онъ не сдѣлалъ мнѣ ни одного упрека, что я увлекъ его съ собой. Къ счастью, онъ не страдаетъ, или, во всякомъ случаѣ, страдаетъ очень мало. Его голубые глаза свѣтятся надеждой, его душа спокойна, потому что онъ вѣритъ: онъ считаетъ свою судьбу исполненіемъ предначертаній Всевышняго. Я не могу ничего сказать Вамъ въ утѣшеніе, кромѣ того, что Вамъ мужъ умеръ такъ, какъ онъ жилъ, какъ храбрый, вѣрный человѣкъ, какъ лучшій товарищъ и надежнѣйшій другъ.

Всѣмъ сердцемъ сочувствую Вашему горю

Вашъ *Р. Скоттъ*.

Еще болѣе характерно его «Обращеніе къ Обществу», которое мы приводимъ здѣсь почти цѣликомъ:

«Причины нашей гибели лежатъ не въ плохой организаціи, а въ тѣхъ неудачахъ, которыя преслѣдовали насъ во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ.

1. Гибель лошадей въ мартѣ 1911 г. заставила насъ выступить позднѣе, чѣмъ я предполагалъ и ограничить количество взятаго провіанта.

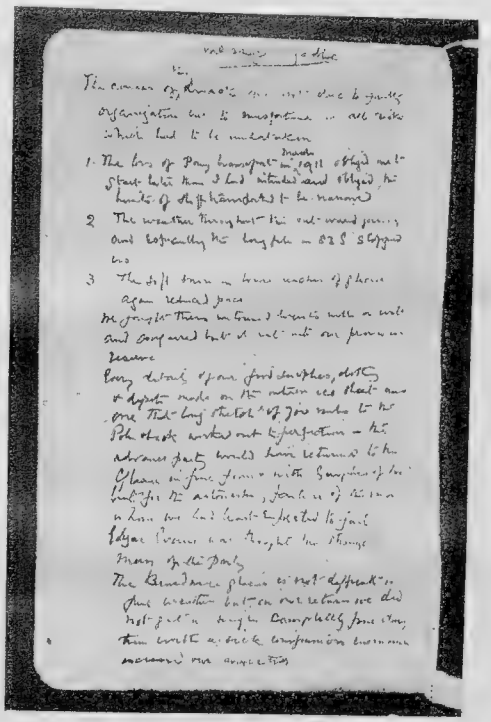
2. Плохая погода во время всего похода къ полюсу, въ особенности длительный ураганъ на 83°, все время задерживали насъ.

3. Мягкій снѣгъ въ нижнихъ частяхъ Бэрдморскаго глетчера точно такъ же сильно замедлялъ наше передвиженіе.

Противъ этихъ обстоятельствъ мы боролись энергично, и одолѣли ихъ, но цѣною нашихъ запасовъ. Каждая мелочь нашего провіанта, нашего одѣянія, какъ въ складахъ на льду, такъ и на всемъ 1300 километровомъ пути къ полюсу и обратно функціони-

ровала превосходно... Бэрдморскій ледникъ при хорошей погодѣ перейти не трудно, но на обратномъ пути у насъ не было ни одного совершенно хорошаго дня...

Но все это было ничто по сравненію съ тѣмъ, что ожидало насъ на Барьерѣ. Я утверждаю, что наши расчеты были совершенно вѣрны и ни одинъ человѣкъ не могъ бы предполагать что встрѣтить на такой широтѣ такія температуры и состояніе снѣга, въ это время года. На широтѣ 86°86′ на высшей точкѣ пути мы имѣли отъ 29 до $34^1/_2$° мороза, а на Барьерѣ, лежащемъ на 3 тыс. м. ниже, подъ 82 параллельно было регулярно днемъ—34°, ночью—44° и при этомъ, днемъ на походѣ все время вѣтеръ прямо въ лицо.... Я не думаю, чтобы когда-либо человѣку приходилось вынести столько, сколько вытерпѣли мы въ этотъ послѣдній мѣсяцъ, и все-таки, несмотря на плохую погоду, мы бы дошли, если бы не заболѣлъ другой нашъ товарищъ, Оатсъ, если бы, не совершенно необъяснимая для меня убыль топлива въ нашихъ складахъ [1]) и, наконецъ, если бы не этотъ послѣдній ураганъ, который остановилъ насъ въ 11-ти миляхъ отъ депо, гдѣ мы должны были найти необходимый для насъ провіантъ. Большей



«Обращеніе къ Обществу» (Страничка изъ записной книжки Скотта).

[1]) Какъ выяснилъ потомъ Аткинсонъ, эта убыль объяснялась испареніемъ керосина изъ сильно накалившихся жестянокъ.

неудачи нельзя себѣ и представить... Страшный штормъ уже 4 дня не позволяетъ намъ покинуть палатку. Мы ослабѣли и я едва пишу. Что касается меня, я не жалѣю объ этомъ путешествіи: оно показало, сколько лишеній можетъ вынести англичанинъ, какъ спленъ въ немъ духъ солидарности, и какъ онъ можетъ смѣло идти навстрѣчу смерти такъ же спокойно, какъ и его предки. Мы рисковали и знали, на что мы идемъ. Обстоятельства сложились противъ насъ. У насъ нѣтъ основанія жаловаться, и мы преклоняемся передъ Провидѣніемъ, но рѣшились, однако, бороться до конца. Если же намъ суждено отдать свою жизнь для чести родины, то я обращаюсь къ своимъ соотечественникамъ съ призывомъ обезпечить будущее людей, которые зависятъ отъ насъ. Если бы мы остались живы, я могъ бы описать страданія, терпѣніе и храбрость моихъ сотоварищей въ разсказѣ, который взволновалъ бы сердце каждаго англичанина.

Могила Скотта и его товарищей.

Эти отрывочныя замѣтки и наши трупы разскажутъ это за меня. Право, такая великая и богатая нація, какъ наша, должна позаботиться обезпечить тѣхъ, кого мы поддерживаемъ. Р. Скоттъ»

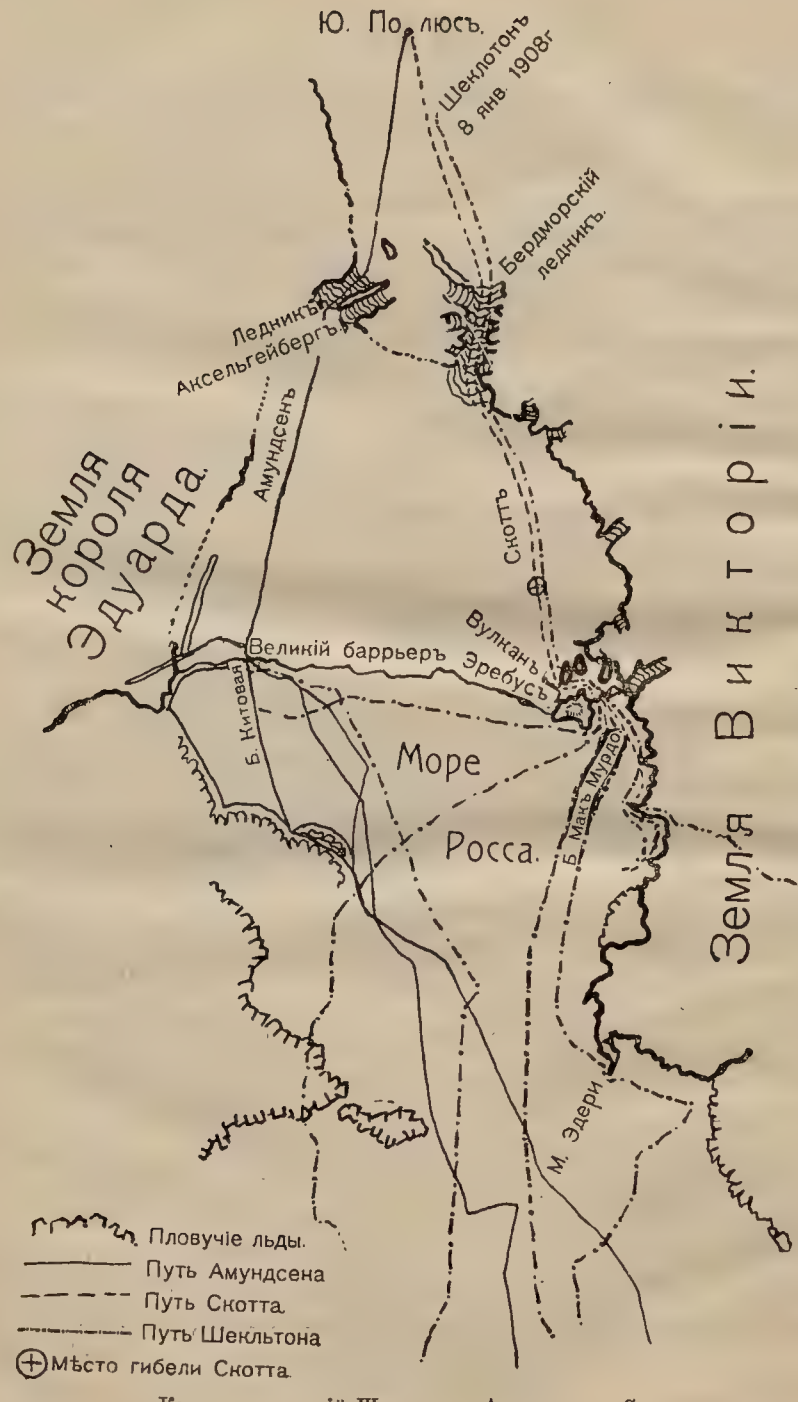
Аткинсонъ похоронилъ Скотта и двухъ его товарищей. Онъ оставилъ тѣла лежать такъ какъ они лежали, засыпалъ палатку сверху массою снѣга и надъ этимъ могильнымъ холмомъ водру

знлъ крестъ съ краткой надписью. Поиски тѣла Оатса оказались тщетными. Затѣмъ экспедиція возвратилась въ лагерь.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, научные результаты «полярной партіи» оказались весьма значительными. Это были вѣсившія цѣлыхъ 18 кгр. (свыше пуда) коллекціи ископаемыхъ съ окрестностей Бэрдморскаго глетчера, съ такими страшными трудностями доставленныя Ульсономъ и Боверсомъ къ мѣсту ихъ гибели, и собранныя необычайно тщательно, по всѣмъ требованіямъ науки. На крайнемъ югѣ, на высотѣ 2500 м. были собраны ископаемыя растенія и образцы каменнаго угля. Отпечатки растеній въ песчаникѣ и въ глинистомъ сланцѣ сохранились очень хорошо и принадлежатъ, повидимому, къ концу палеозойской или къ началу мезозойской эры. Въ нижней части глетчера были найдены ископаемые кораллы, примитивныя формы которыхъ типичны для начала палеозойской эры. Здѣсь же, у Бэрдморскаго глетчера найдены и чисто вулканическія породы.

При сравненіи трагическаго исхода экспедиціи Скота съ необычайно благопріятнымъ окончаніемъ похода Амундсена невольно приходитъ въ голову вопросъ: почему у одного все шло такъ гладко, а другого непрестанно преслѣдовали неудачи? Казалось бы, въ условіяхъ ихъ путешествія было много общаго, (напр., разстояніе отъ начала похода было приблизительно одинаковое, трудности восхожденія на Бэрдморскомъ глетчерѣ уравновѣшивались таковыми же на ледн. Акселя Гейберга, и Чортовомъ глетчерѣ и т. д.), а въ смыслѣ средствъ передвиженія, людей и провіанта Скоттъ былъ обезпеченъ гораздо больше, чѣмъ Амундсенъ. Личныя качества Скотта и его товарищей (напр. выносливость), тоже, повидимому не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Вопросъ разрѣшается при сравненіи дневниковъ обоихъ путешественниковъ. Изъ дневника Скотта ясно, что его погубила главнымъ образомъ плохая погода—ужасные холода и снѣжныя бури; они были причиной тяжелыхъ обмораживаній, вызывавшихъ болѣзни и задержки въ пути, они же были прямой причиной смерти послѣдней партіи экспедиціи. Другая причина—необы-



Карта путешествій Шекльтона, Амундсена и Скотта.

чайная трудность тащить на себѣ тяжело нагруженныя сани. Между тѣмъ Амундсенъ не испыталъ ни того, ни другого, выступивши въ походъ на двѣ недѣли раньше и возвратившись въ зимній лагерь задолго до начала вьюгъ и холодовъ, погубившихъ Скотта. А главной причиной такой разницы въ выступленіи и въ походѣ было то, что Амундсенъ, гораздо болѣе тренированный въ полярныхъ путешествіяхъ, предпочелъ обычный полярный способъ передвиженія, — собакъ, которыя гораздо выносливѣе и приспособленнѣе къ передвиженію въ снѣгахъ, чѣмъ лошади, не говоря уже о моторныхъ саняхъ, которыя, какъ показалъ уже опытъ Шекльтона, въ полярныхъ путешествіяхъ являются скорѣе дорого стоющей игрушкой, чѣмъ серьезнымъ средствомъ передвиженія. Лошади требовали и болѣе обильнаго запаса тяжелаго корма и боялись сильныхъ холодовъ; какъ явствуетъ изъ дневника Скотта, и недостаточное устройство складовъ осенью, и болѣе позднѣе выступленіе въ походъ весной—все это произошло отъ того, что главнымъ средствомъ передвиженія были выбраны лошади. Кромѣ того, значительная доля успѣха Амундсена по сравненію со Скоттомъ заключается, несомнѣнно и въ выборѣ мѣста зимовки. У Амундсена оно было прямо на Великомъ Барьерѣ, давая возможность весной трогаться въ путь прямо съ мѣста стоянки, тогда какъ у Скотта между лагеремъ и Барьеромъ лежало еще 39 кл. берегового льда,—обстоятельство сильно замедлявшее дѣло и погубившее значительную часть лошадей.

Кромѣ южной полярной экспедиціи главнымъ отрядомъ была организована еще западная экспедиція подъ начальствомъ геолога Гриффитъ-Тайлора для изученія такъ наз. Западныхъ горъ З. Викторіи съ ихъ колоссальными ледниками.

Западная экспедиція совершила двѣ большія экскурсіи: въ январѣ—мартѣ 1911 г. (когда шла подготовительная экскурсія для организаціи складовъ) и съ половины ноября 1911 г. по половину февраля 1912 г. (во время похода Скотта къ полюсу). Вторая была сопряжена съ большими трудностями и, если бы Терра-Нова не подобрала путешественниковъ, имъ пришлось бы довольно плохо. Въ эти двѣ экскурсіи и былъ снятъ на карту

и обслѣдованъ въ геологическомъ отношеніи большой участокъ восточнаго берега Земли Викторіи, отъ горы Дисковерн въ ю.-з. углу залива Макъ-Мурдо (подъ 78°20′ ю. ш.) и до бухты, носящей названіе Гранитной гавани, подъ 76°50′ ю. ш. Во время этихъ экспедиціей былъ изученъ цѣлый рядъ огромныхъ ледниковъ (глетчеры Кёттлица, Феррара, Тайлора, Макая и т. д.), наблюдались новыя ледниковыя явленія и измѣрялась быстрота движенія глетчеровъ (напр., ледникъ Макая, оказалось, движется впередъ по 25 м. въ мѣсяцъ). Въ Гранитной гавани, въ отложеніяхъ песчаника найдены многочисленные пласты угля, отчасти превратившагося въ антрацитъ, по всей вѣроятности того же возраста, какъ и угли Бэрдморскаго ледника. Вмѣстѣ съ углемъ были найдены многочисленные остатки двухъ папоротникообразныхъ растеній: мегафитона и лепидодендрона.

Біологъ Лилли, сопровождавшій экспедицію на «Терра-Нова», проведшій въ Новой Зеландіи два года надъ изученіемъ ископаемыхъ растеній, на основаніи собраннаго этой экспедиціей матеріала пришелъ къ убѣжденію, что въ третичный періодъ Антарктическій материкъ былъ связанъ съ Австраліей.

Какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, экспедиція Скотта должна была состоять изъ двухъ самостоятельныхъ отрядовъ: южнаго полярнаго, подъ начальствомъ Скотта, и сѣвернаго, подъ начальствомъ Кэмпбелля, задачей котораго первоначально было изученіе з. Короля Эдуарда. Но когда Терра Нова, высадивши на о-вѣ Росса южный отрядъ, достигла Китовой бухты, то застала тамъ Амундсена, уже устроившагося на зимовку. Тогда Кэмпбелль, рѣшился попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и заняться изученіемъ неизвѣстнаго участка з. Викторіи, лежащаго на западъ и на югъ отъ мыса Эдери. Уходя въ февралѣ 1911 г. на сѣверъ, Терра Нова высадила Кэмпбелля съ пятью товарищами близъ мыса Эдери, у береговъ залива Робертсона, гдѣ въ 1900 г. зимовалъ Борхгревинкъ.

Устроившись лагеремъ, путешественники немедленно принялись за изученіе страны. Вскорѣ всѣ окрестности лагеря, доступныя для восхожденія, были изучены, (причемъ входившій въ составъ этой партіи геологъ Приствей собралъ изъ

окрестностей залива и съ мыса Эдери великолѣпную коллекцію горныхъ породъ), но для дальнѣйшаго проникновенія внутрь З. Викторіи возможности не представлялось: весь югъ замыкался высокой цѣпью горъ Адмиралтейства, съ которыхъ круто спускались въ море ледники. Всѣ попытки, предпринятыя какъ осенью, такъ и весной 1911 г., не привели ни къ чему. Зиму провели въ исправленномъ и приспособленномъ домикѣ Борхгревинка.

Когда въ декабрѣ 1911 г. Терра-Нова подошла къ берегамъ

Нижняя часть ледника Кёгтлица съ горами З. Викторіи.

З. Викторіи, она прежде всего зашла за Кэмпбеллемъ и его товарищами. Недовольные прошлогодней работой, Кэмпбелль и его товарищи просили высадить ихъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ З. Викторіи, чтобы на обратномъ пути, возвращаясь въ Новую Зеландію, корабль захватилъ ихъ съ собой. Такъ и было сдѣлано. Высадивши Кэмпбелля и его товарищей на 550 км. южнѣе, на восточномъ берегу З. Викторіи близъ гигантской г. Мельбурнъ, Терра-Нова ушла на югъ, въ заливъ Макъ-Мурдо. Здѣсь наши путешественники провели весь остатокъ теплаго времени года, въ географическихъ и геологическихъ работахъ.

Между горой Нансена и горой Мельбурна удалось точно изслѣдовать и описать нѣсколько новыхъ ледниковъ и собрать цѣнную коллекцію вулканическихъ и осадочныхъ породъ, а также длинныхъ стволовъ окаменѣлыхъ деревьевъ относящихся къ третичному періоду.

А между тѣмъ Терра-Нова, подобравши по дорогѣ западную экспедицію Гриффитъ-Тайлора дошла до м. Эванса, и забравши тамъ письма, часть коллекцій и кое-кого изъ членовъ экспедиціи, напр. больного Эванса, дѣлала тщетныя попытки пробиться на выручку сѣвернаго отряда. Три раза пыталась она пробиться, и три раза льды не пропускали ее. Такъ она и должна была уйти на сѣверъ.

Когда, прождавши тщетно всю осень, Кэмпбелль и его товарищи поняли это, имъ ничего не оставалось, какъ провести вторую зиму въ Антарктидѣ. Стали строить зимній домъ, который былъ законченъ только къ 20-му марта, когда съ полюса уже стали налетать жестокія снѣжныя вьюги. Провіанта было мало, и вслѣдствіе ужасной погоды, почти нельзя было охотиться.

Въ теченіе шестимѣсячной зимы было убито всего только 16 тюленей и 80 пингвиновъ, такъ что ежедневныя порціи были ограничены до минимума. Однажды Кэмпбелль въ желудкѣ убитаго тюленя нашелъ 36 рыбъ, которыя, будучи зажаренными въ маслѣ, оказались очень вкусными. Нужда становилась острѣе и острѣе и начали уже опасаться форменнаго голода и связанной съ нимъ цынги. Единственная роскошь, которую себѣ могли позволить путешественники, заключалась въ томъ, что каждое воскресенье всѣ члены экспедиціи получали по 12 кусковъ сахару и по плиткѣ шоколаду. Точно такъ же по воскресеньямъ каждый получалъ по полчашкѣ чаю. Въ понедѣльникъ этотъ чай кипятился еще разъ, а затѣмъ его листья сушились и выкуривались вмѣсто табаку. Каждую субботу устраивался концертъ, а каждое воскресенье—богослуженіе. Башмаки и платье постоянно рвались и люди жестоко страдали отъ обмороженія. Въ концѣ іюля, послѣ мѣсячной ночи, опять появилось солнце и всѣ ожили. Прежде всего отправились на охоту и уложили значительное количество тюленей и пингвиновъ, мясо которыхъ, чтобы съэкономить керосинъ, ѣли сырымъ. Только тридцатаго сентября,

когда были собраны достаточные запасы мяса, рѣшили по льду тронуться на югъ къ мысу Эванса.

Сначала шли по береговому припаю, но затѣмъ дорогу перегородилъ выдавшійся далеко въ море языкъ ледника Дригальскаго. Вокругъ него море было свободно ото льда и пришлось съ большимъ трудомъ перевалить черезъ этотъ гигантскій ледникъ, чтобы выбраться на береговой припай. Въ дальнѣйшемъ пути ихъ настигли жестокія снѣжныя бури и лишь съ большими приключеніями удалось добраться до выдающагося далёко въ море мыса Робертса. Здѣсь совершенно неожиданно они наткнулись на оставленное «западной» экспедиціей депо. Въ немъ они нашли большое количество сухарей, сахару, чаю, какао, масла, сала, теплой одежды, даже письменныхъ принадлежностей и книгъ. Уже на слѣдующее утро отрядъ тронулся дальше и вскорѣ достигли второго склада Тайлора съ еще большимъ количествомъ провіанта, лежащаго противъ мыса Эванса, а затѣмъ и хижины въ Хутпойнтѣ, гдѣ Кэмпбелль нашелъ письмо отъ Аткинсона съ извѣстіемъ, что Скоттъ, по всей вѣроятности, погибъ. Отъ Хутпойнта легко добрались до лагеря у мыса Эванса. Но тамъ никого не было — всѣ ушли на поиски «полярной» партіи. Вскорѣ, явился, однако, и Аткинсонъ съ упряжками собакъ, а за ними подошли и остальные съ мулами, и трагическая исторія Скотта выяснилась окончательно. Теперь всѣ уже были дома и оставалось только поджидать прихода корабля.

И, несмотря на всѣ только что перенесенныя лишенія, неутомимый Пристлей, въ ожиданіи прихода «Терры-Нова» съ шестью товарищами въ декабрѣ 1912 г. совершилъ отчаянное по трудности восхожденіе на вершину вулкана Эребусъ.

Ясная безвѣтренная погода и низкая температура (—30°) благопріятствовали восхожденію. На высотѣ 3300 м. двое изъ спутниковъ почувствовали приступъ горной болѣзни, и не пошли дальше, а остальные четверо добрались сначала до стараго кратера, а затѣмъ и до самой вершины, гдѣ и воздвигли, въ знакъ своего восхожденія, каменную пирамиду. Такимъ образомъ эта гигантская гора была тщательно измѣрена со всѣхъ сторонъ кромѣ сѣверной, обращенной къ морю.

Пока отдѣльныя партіи работали, остававшіеся въ лагерѣ члены экспедиціи тоже не тратили времени даромъ. Такъ, было произведено тщательное изученіе острова Росса между мысами Эрмитэджъ и Ройдсъ, показавшіе, что вулканическія отложенія, находимыя здѣсь, имѣютъ гораздо болѣе древній возрастъ, чѣмъ это до сихъ поръ предполагалось.

Физикъ экспедиціи, К. Врайтъ въ теченіе цѣлаго года производилъ правильныя наблюденія надъ условіями образованія и измѣненія льда и завѣдовалъ во все время экспедиціи производившимися метеорологическими и магнитными наблюденіями. Кромѣ того онъ занимался еще изученіемъ атмосфернаго электричества и производилъ наблюденія надъ качаніемъ маятника.

18-го января 1913 г. пришла наконецъ Терра-Нова и отвезла многострадальныхъ путешественниковъ на родину.

Научные результаты этой экспедиціи Скотта огромны, превосходя собою результаты путешествія не только Шекльтона, но даже и Амундсена. Во-первыхъ, собранны колосальныя коллекціи горныхъ породъ и ископаемыхъ (подобрана и привезена также геологическая коллекція, собранная проф. Дэвидомъ во время его похода къ магнитному полюсу, поставленная на берегу З. Викторіи), устанавливающія несомнѣнную связь Антарктиды съ другими материками, изучены, наконецъ, въ трехъ разныхъ мѣстахъ могучія горы, составляющія восточный край З. Викторіи, тщательно изученъ о-въ Росса съ его гигантскимъ вулканомъ Эребусомъ. Кромѣ того, привезено масса интересныхъ наблюденій по атмосферной физикѣ и гляціологіи, а также рѣдкой красоты и изящества фотографическихъ и кинематографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ фотографомъ экспедиціи Пойнтингомъ.

И всѣ эти блестящіе результаты омрачаются однимъ—геройской гибелью полярной партіи съ Скоттомъ и Уильсономъ. Въ лицѣ Роберта Скотта наука потеряла одного изъ лучшихъ полярныхъ изслѣдователей, а Великобританія,—одного изъ благороднѣйшихъ своихъ сыновъ.

Говоря объ экспедиціяхъ Амундсена и Скотта нельзя не упомянуть и о третьей, совершенно неудачной попыткѣ достичь южнаго

полюса, принадлежащей японскому лейт. Шпрафе. Единственной цѣлью экспедиціи было возможно скорѣе достиженіе южнаго полюса; научныя изслѣдованія были настолько на заднемъ планѣ, что изъ 27 членовъ экспедиціи только одинъ, проф. Такеда долженъ былъ совмѣщать въ себѣ должности: астронома, метеоролога, ботаника, зоолога и геолога, даже въ значительно меньшихъ экспедиціяхъ занимаемыя отдѣльными спеціалистами.

Всѣ участники экспедиціи торжественно, собственной кровью подписали обѣщаніе не вносить въ дѣло никакихъ раздоровъ и ссоръ и употребить всѣ усилія для достиженія намѣченной цѣли.

Корабль «Кайнанъ-Мару» 29-го ноября покинулъ Токійскую бухту и японцы надѣялись достичь полюса раньше Скотта. Тѣмъ не менѣе, изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя имѣлись объ экспедиціи въ Европѣ, было извѣстно, что корабль экспедиціи слабъ для борьбы съ полярными льдами, и что запасы угля, провіанта и теплаго платья совершенно недостаточны для такой серьезной экспедиціи.

Къ счастью, однако, японцамъ не пришлось соперничать съ Амундсеномъ и Скоттомъ, иначе, вѣроятно, число жертвъ южнаго полюса стало бы значительно больше. Кайнанъ-Мару къ 14 марта 1911 г. достигъ только о-вовъ Кульмана, лежащихъ у береговъ З. Викторіи подъ 70° ю. ш., но подвинуться дальше не могъ изъ-за сплошныхъ массъ плавучаго льда и дурной погоды,—корабль не могъ выдержать давленія льдовъ. Прождавши тщетно нѣсколько дней, экспедиція возвратилась въ Австралію, и 1-го мая, была уже въ Сиднеѣ, гдѣ кораблю пришлось лечь въ докъ для поправленія серьезныхъ поврежденій, а тѣмъ временемъ пришло извѣстіе о достиженіи южнаго полюса Амундсеномъ, и экспедиція потеряла всякій смыслъ.

XIII.

Съ достиженіемъ южнаго полюса пора интернаціональныхъ состязаній на быстроту и выносливость кончилась, и опять началось спокойное и серьезное изслѣдованіе антарктическихъ странъ.

Одновременно со Скоттомъ собирался пересѣкать антаркти-

ческіе страны и германскій ученый Вильгельмъ Фильхнеръ, довольно извѣстный изслѣдователь Тибета. Нѣсколько запоздавши со снаряженіемъ и выѣздомъ, онъ выбралъ, однако, другую, болѣе благодарную и интересную задачу—обслѣдованіе моря Уэдделя, съ тѣмъ, чтобы по немъ или по землѣ Котса проникнуть въ антарктическія страны возможно глубже (онъ былъ убѣжденъ, что моря Уэдделя и Росса сообщаются между собой, раздѣляя антарктическую сушу на двѣ неравныя части,—мнѣніе, окончательно не опровергнутое и до сихъ поръ).

Экспедиція находилась подъ покровительствомъ баварскаго регента, принца Луитпольда, но была снаряжена и организована всецѣло на частныя средства. Для экспедиціи былъ пріобрѣтенъ корабль «Германія»,—еще не старое (выстр. въ 1906 г.) китобойное судно съ тремя мачтами и паровой машиной, спеціально приспособленное для плаванія въ полярныхъ водахъ, со стѣнками необычайной толщины и крѣпости, для сопротивленія напору льда. На корабль былъ взятъ сильный радіотелеграфный аппаратъ, и аргентинское правительство, всегда сочувственно относящееся къ антарктическимъ экспедиціямъ, рѣшило устроить на южной оконечности Огненной Земли радіотелеграфную станцію, чтобы дать возможность Фильхнеру отъ времени до времени сноситься съ цивилизованнымъ міромъ. 11 дек. 1911 г. Германія покинула берега о-ва Южной Георгіи и направилась къ югу; 14 декабря встрѣтились первыя льдины, а 17-го корабль былъ уже на краю сплошного льда.

Пройдя черезъ поясъ плавучихъ льдовъ въ 1,200 морскихъ миль шириною, экспедиція въ февралѣ 1912 года открыла твердую землю подъ 76° 35′ южной широты и 30° западной долготы и прошла вдоль нея до 79° южн. шир. Въ честь почетнаго покровителя экспедиціи, новая земля получила названіе «Земли принца-регента Луитпольда». Новооткрытая земля составляетъ южное продолженіе Земли Котса, которая была открыта еще Брюсомъ на «Скотіи». Подъ 78° южн. широты экспедиція встрѣтила большую ледяную стѣну, напоминающую Великій Барьеръ Росса. На этотъ барьеръ была произведена удачная высадка, но вскорѣ приливомъ отломило нѣсколько квадратныхъ километровъ льда со стоявшей на немъ станціей, которую, однако, удалось спасти

и взять на бортъ. Далѣе, во время обратнаго путешествія къ о-ву Южной Георгіи, Германія 9-го марта подъ 75° 43′ южн. шир. и 32° 19′ запади. долг. попала въ сплошной движущійся ледъ, съ которымъ безпомощно носилась по морю—«дрейфовала»—сначала къ западу, потомъ къ сѣверо-западу, далѣе къ сѣверу и къ востоку. Только 26 ноября подъ 63° 37′ южн. шир. и 36° 34′ зап. долготы удалось освободить судно, взрывая ледъ, и 19 декабря Германія бросила якорь у береговъ Южной Георгіи. Произведенныя во время дрейфа океанографическія и метеорологическія наблюденія дали слѣдующіе результаты: море Уэдделя передъ барьеромъ мелко, но посреднѣ достигаетъ глубины 5.148 метровъ и на сѣверѣ отдѣляется отъ Атлантическаго океана повышеніемъ дна почти на 1.000 метровъ глубины. Надъ моремъ Уэдделя замѣчается сильное пониженіе атмосфернаго давленія; вокругъ этого минимума образуются воздушныя теченія, которыя облегчаютъ движеніе судна на восточной сторонѣ и затрудняютъ на западной. Во время дрейфованія съ корабля была снаряжена 8-ми дневная санная экспедиція по направленію къ землѣ Морелля[1]), но ея не удалось найти. Къ несчастью вскорѣ по возвращеніи санной экскурсіи скончался отъ болѣзни сердца капитанъ Фазель, морской руководитель экспедиціи.

Состояніе льдовъ было въ морѣ Уэдделя таково, что продолжать изслѣдованія въ этомъ же году было немыслимо, тѣмъ болѣе, что судно требовало нѣкоторыхъ исправленій, да и запасы провіанта и угля были недостаточны. Поэтому Фильхнеръ направился въ Буэносъ-Айресъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ возвратиться въ море Уэдделя для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но судьба рѣшила иначе: по прибытіи въ цивилизованный міръ Фильхнеръ узналъ о смерти престарѣлаго принца регента, главнаго покровителя экспедиціи; многіе соотечественники Фильхнера, непремѣнно желавшіе отъ его экспедиціи грандіозныхъ открытій, могущихъ конкуррировать съ открытіями Амундсена и Скотта, объявили его экспедицію неудачной и сочувствія въ своихъ дальнѣйшихъ стремленіяхъ онъ не встрѣтилъ.

А между тѣмъ съ точки зрѣнія науки чисто географическіе

[1]) Въ 1823 г. американскій китобой Морелль видѣлъ, будто бы, въ серединѣ моря Уэдделя участокъ суши, названный его именемъ.

результаты скромной экспедиціи Фильхнера не меньше, а пожалуй, даже больше географическихъ результатовъ Амундсена, и Скотта: впервые къ югу отъ Америки достигнута чрезвычайно высокая широта, 77° 48′ южн. шир. (подъ 34° 39′ зап. долг)., открытъ новый участокъ антарктической суши (З. Принца Луитпольда), вѣроятно стоящій въ связи съ З. Котса; открытъ и прослѣженъ на 150 км. новый ледяной барьеръ, которому въ ученомъ мірѣ дали названіе «Барьера Фильхнера»; разрѣшенъ вопросъ о З. Морреля и сдѣлано множество промѣровъ и наблюденій. А недавно спутникомъ Фильхнера, д-ромъ Хеймомъ, опубликованы и геологическіе результаты экспедиціи. Новый участокъ суши Земля Принца Луитпольда,—повидимому, равнинная, столовая страна, одѣтая ледянымъ покровомъ сравнительно небольшой толщины; тѣмъ не менѣе камень выступаетъ наружу не болѣе, какъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ. Горный хребетъ, тянущійся по З. Греама и разсматриваемый какъ продолженіе Кордильеръ, здѣсь во всякомъ случаѣ отсутствуетъ (какъ, повидимому, и на землѣ Котса). Валуны, встрѣчающіеся въ моренахъ, куски краснаго конгломерата, состоящаго изъ порфировыхъ голышей, указываютъ скорѣе на родство съ Австраліей, чѣмъ съ Южной Америкой.

Говорить о непосредственной связи между моремъ Росса и моремъ Уэдделя и о раздѣленіи антарктическаго материка на двѣ части послѣ путешествія Амундсена не приходится, но весьма вѣроятно, что оба эти моря,—по всѣмъ даннымъ, грабены,—составляютъ части одной и той же области опусканія: только средняя, материковая, часть ея меньше опустилась, чѣмъ краевыя, занятыя морями. Открытую близъ З. Луитпольда ледяную стѣну въ 15 м. вышиною д-ръ Хеймъ считаетъ остаткомъ ледниковаго періода. Хотя несомнѣнно, что сверху она растетъ вслѣдствіе ежегодно выпадающаго и мало-по-малу превращающагося въ ледъ снѣга, а снизу подтаиваетъ отъ соприкосновенія съ болѣе теплой морской водой, тѣмъ не менѣе все образованіе въ его цѣломъ возникло въ ледниковую эпоху; вначалѣ, по мнѣнію Хейма, это былъ береговой припай, и лишь потомъ, при наступленіи болѣе мягкаго климата, вся масса оторвалась и стала плавать.

При образованіи пловучаго морского льда взаимное давлене и срастаніе отдѣльныхъ льдинъ между собою имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ думали до сихъ поръ. Экспедиціи удалось встрѣтить ледяныя горы отъ 40 до 120 м. высоты надъ поверхностью воды, особенно вблизи Южно-Оркнейскихъ острововъ.

Островъ Южная Георгія гористъ. Внутри его проходятъ три высокіе хребта (2—3 тыс. метр. высотою), служащіе источникомъ для громадныхъ глетчеровъ, которые тянутся до самаго моря и круто ниспадаютъ въ него, образуя высокія стѣны. Найденный экспедиціей «мѣловой» аммонитъ позволяетъ нѣсколько судить о возрастѣ этихъ горъ. Береговыя горныя цѣпи невысоки и лишены ледниковъ. Море глубоко заходитъ внутрь острова, образуя многочисленные фіорды,—указаніе на прежнее, еще болѣе значительное обледенѣніе острова. На открытыхъ склонахъ ведетъ жестокую борьбу за существованіе жалкая растительность.

Не менѣе интересныхъ результатовъ, хотя и при гораздо большихъ жертвахъ, достигла австралійская антарктическая экспедиція Дугласа Маусона. Спутникъ Шекльтона, Маусонъ поставилъ себѣ задачей ознакомиться съ лежащимъ къ югу отъ материка Австраліи участкомъ Антарктиды, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ З. Уилькса. Участокъ этотъ, занимающій береговую линію протяженіемъ около 3200 км. былъ открытъ въ 40-хъ годахъ Дюмонъ-Дюрвиллемъ и Уилькксомъ и такъ долго съ тѣхъ поръ никѣмъ не посѣщался, что самое существованіе его стало подвергаться сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что Дюрвилль и Уилькксъ видѣли не связную полосу суши, а отдѣльные выступающіе участки, которымъ и надавали различныхъ названій (З. Клери, Адели, Сабрины, Кнокса, Норта и т. д.), но при несовершенствѣ тогдашнихъ инструментовъ положеніе ихъ опредѣляли недостаточно точно, такъ что немногія экспедиціи посѣщавшія эти мѣста впослѣдствіи, не находили указанныхъ Дюрвиллемъ и Уилькксомъ земель на ихъ мѣстахъ (напр., экспед. «Челленджера» и Дригальскій на «Гауссѣ» не могли найти З. Терминэшенъ—крайняго западнаго выступа З. Уилькса). Маусонъ предполагалъ еще разъ объѣхать З. Уилькса, держась воз-

можно ближе къ берегу, и провѣрить наблюденія прежнихъ путешественниковъ, и, гдѣ нельзя по морю, то по сушѣ, замкнуть береговую линію отъ З. Викторіи до З. Импер. Вильгельма. Планъ Маусона встрѣтилъ полное сочувствіе въ Австраліи какъ среди ученыхъ и административныхъ круговъ, такъ и у частныхъ лицъ, и его экспедиція получила съ разныхъ сторонъ значительную матеріальною поддержку, съ помощью которой удалось снарядить судно «Аврора», которое и отплыло въ концѣ 1910 г. къ берегамъ З. Уилькса. Лѣто на этотъ разъ было благопріятное; послѣ безуспѣшной попытки подойти къ восточной оконечности З. Уилькса, Аврора повернула на западъ и въ январѣ 1911 г. достигло З. Адели (которой со времени открытія ея Дюмонъ Дюрвиллемъ въ 1840 году не видалъ еще ни одинъ изслѣдователь); здѣсь, подъ 60°51′ южн. шир. и 145° в. д., въ бухтѣ, получившей названіе Commonwealt-Bay, Маусонъ съ 17 товарищами высадился на берегъ и устроился на зимовку. 19 января Аврора двинулась дальше на западъ, вдоль береговъ З. Уилькса но долго не могла пристать къ берегу благодаря массамъ льда. Наконецъ, 13-го февраля, неподалеку отъ открытой въ 1902 г. Дригальскимъ З. Императора Вильгельма II, подъ 66°18′ ю. ш. и 94°58′ в. д. рѣшила высадиться прямо на ледъ вторая партія подъ начальствомъ Уайльда, устроившая свою зимнюю стоянку въ 2000 км. (по прямой, «воздушной» линіи) отъ лагеря Маусона.

Дугласъ Маусонъ.

Въ теченіе южнаго лѣта 1912/13 гг. обѣ партіи предпринимали продолжительныя экскурсіи вдоль берега океана и въ глубь полярнаго материка.

Экспедиція Уайльда сняла около 400 км. совершенно новаго до сихъ поръ невиданнаго берега, этотъ новый берегъ получилъ названіе З. Королевы Мери. Вся страна эта до самаго берега одѣта мощнымъ ледянымъ покровомъ, толщиною нигдѣ не меньше 300 м., изъ-подъ котораго лишь въ немногихъ мѣстахъ выступаетъ твердая земля; на огромномъ протяженіи ледяной покровъ этотъ доходитъ до самаго моря и обрывается въ него колоссальными отвѣсными стѣнами. Вдоль берега расположено множество

острововъ, изъ которыхъ самый большой былъ названъ о-вомъ Дригальскаго[1]). На этихъ островахъ было найдено двѣ колоссальныхъ колоніи королевскихъ пингвиновъ, изъ которыхъ одна насчитываетъ не менѣе 15 тыс. особей и, слѣдовательно, является богатѣйшей изъ извѣстныхъ до сихъ поръ птичьихъ колоній въ мірѣ. Въ началѣ 1913 г. партія Уайльда была снята пришедшей за ней Авророй и доставлена въ Австралію.

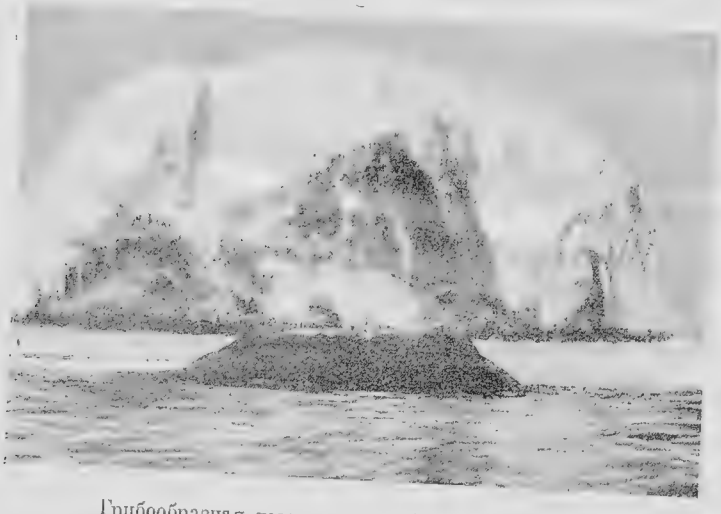
Партія Маусона тоже совершала значительныя экскурсіи: лейт. Бэджъ съ тремя товарищами отправился на юго-востокъ и прошелъ 480 км. по направленію къ магнитному полюсу, а Маусонъ съ д-ромъ Мерцомъ и лейт. Никписомъ пошелъ прямо на югъ. Экскурсія эта была сопряжена съ величайшими затрудненіями и потерями. 14 дек. 1912 г. Никпись погибъ, провалившись въ трещину ледника; 25 дней спустя умеръ отъ истощенія силъ Мерцъ, не выдержавшій трудностей пути. Цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ Маусонъ совершенно одинъ идти по разбитому трещинами материковому льду, и только къ 8 февраля 1913 г. достигъ, наконецъ, своего лагеря,—всего лишь нѣсколько часовъ спустя послѣ ухода Авроры, которая приходила, чтобы отвести его партію на родину.[5] Пришлось ему съ оставшимися товарищами проводить на З. Адели вторую зиму и только (южнымъ) лѣтомъ 1913/14 гг. возвратиться въ культурныя страны.

Подобно З. Королевы Мери, и З. Адели погребена подъ толстымъ слоемъ льда, который вертикально обрывается въ море, а внутри страны, постепенно поднимаясь, достигаетъ высоты 2100 м. Земля эта оказалась страной, чрезвычайно обильной вѣтрами и бурями (еще въ гораздо большей степени, чѣмъ, по наблюденіямъ Дригальскаго, З. Имп. Вильгельма): по цѣлымъ мѣсяцамъ, не переставая, дулъ вѣтеръ съ быстротою свыше 51 м. въ секунду, достигая по временамъ до 89 м. въ секунду; можно безъ преувеличенія сказать, что на мѣстѣ стоянки Маусона, у залива Commonwealt-Bay цѣлыхъ два года былъ непрерывный штормъ. Этотъ вѣтеръ, зарождающійся на югѣ, на высокомъ плоскогорьѣ антарктическаго материка, имѣлъ характеръ

[1]) З. Королевы Мери, или скорѣе о-въ Дригальскаго и представляютъ собой, по всей вѣроятности, прежнюю З. Терминэшенъ, только лежащую не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ее обозначилъ Уилькесъ.

фѣна; поэтому онъ почти не вызывалъ понижения температуры на станціи, и море передъ бухтой Commonwealt-Bay не было забаррикадировано льдами, такъ что Аврора могла всѣ три раза безпрепятственно подходить къ берегу.

Промѣрами, которые все время производились на Авроръ, были установлены нѣкоторыя любопытныя данныя: оказалось, что у З. Королевы Мери подводный материковый пьедесталъ простирается весьма недалеко, а затѣмъ морское дно круто обрывается къ значительнымъ глубинамъ; подобное же явленіе замѣчено и у береговъ З. Адели. Тамъ, на протяженіи 120 кл.



Грибообразная льдина на скалѣ. (Фот. Маусона).

отъ берега, сначала идетъ довольно постепенное понижение: 73, 218, 318, 327, 382 м., а потомъ внезапно начинается глубина въ 2693 м. Къ югу отъ Тасманіи Аврора тоже открыла значительный грабенъ съ глубинами въ 3791 м.

Научные результаты экспедиціи состоятъ прежде всего въ съемкѣ цѣлыхъ 1800 км. неизвѣстнаго до тѣхъ поръ берега между З. Адели и З. Императора Вильгельма, а также въ съемкѣ внутреннихъ частей З. Уилькса, самое существованіе которой по-

слѣднее время подвергалось сомнѣнію; кромѣ того, привезено около трехъ тысячъ прекрасныхъ фотографій и множество цѣнныхъ метеорологическихъ и батиметрическихъ наблюденій.

Едва успѣли возвратиться экспедиціи Фильхнера и Маусона, какъ уже были разработаны планы новыхъ изслѣдованій антарктическихъ странъ: Во-первыхъ,—основалось новое учрежденіе—шведскій «антарктическій комитетъ», который рѣшилъ организовать на крайнемъ сѣверномъ выступѣ южно-полярной суши, на Землѣ Греама, научную станцію и обратился къ шведскому правительству съ просьбой о поддержкѣ. Задача этой станціи,—продолжать наблюденія и работы, сдѣланныя проф. Норденшильдомъ въ 1901—3 гг.; помимо различныхъ физико-географическихъ и біологическихъ наблюденій, персоналъ станціи за время ея существованія (она будетъ функціонировать 5 лѣтъ,—съ 1915 по 1919 г.) предполагаетъ ближе изучить, съ помощью санныхъ экспедицій, область ледяного барьера, открытаго въ морѣ Уэдделя Норденшильдомъ, а также выяснить связь Земли Греама съ антарктическимъ материкомъ. Комитетъ выработалъ подробный проектъ организаціи станціи и обратился къ различнымъ ученымъ организаціямъ Западной Европы съ просьбой о поддержкѣ; большинство учрежденій отнеслось къ этой идеѣ очень сочувственно и обѣщало опредѣленную денежную поддержку (гл. об. въ видѣ регулярныхъ взносовъ на содержаніе станціи). Персоналъ станціи предполагается въ 10 человѣкъ, въ томъ числѣ 5—6 ученыхъ, преимущественно шведовъ; нѣкоторыя мѣста могутъ быть замѣщены представителями другихъ національностей, оказывающихъ станціи денежную поддержку.

Во-вторыхъ, неутомимый Э. Шекльтонъ затѣялъ новую антарктическую экспедицію, задача которой,—пересѣчь Южно-Полярный материкъ въ самомъ, повидимому, узкомъ его мѣстѣ,—отъ моря Уэдделя къ морю Росса. Экспедиція предполагаетъ выступить изъ Буэносъ-Айреса и высадиться на материкъ подъ 78° ю. ш. (на З. Котса), и, если будетъ возможно, немедленно

тронется въ путь, отдѣливши отъ себя отрядъ для изученія береговъ м. Уэдделя. Тѣмъ временемъ другое судно отправится изъ Новой Зеландіи и высадитъ у береговъ Антарктиды вспомогательный отрядъ, который съ запасомъ провіанта и топлива выступитъ навстрѣчу главной партіи. На случай невозможности въ этомъ же году совершить переходъ судно въ м. Уэдделя будетъ дожидаться все лѣто, а если въ 1914 г. не будетъ извѣстій, то явится къ мѣсту высадки и на слѣдующее южное лѣто. Всего въ экспедиціи должны принимать участіе 42 чел. (въ этомъ числѣ прежніе спутники Шекльтона—Ф. Уайльдъ и Д. Марстонъ), но въ экспедиціяхъ по сушѣ будутъ участвовать только 12 чел. Шекльтонъ беретъ съ собой радіотелеграфный аппаратъ и аэроланъ съ полозьями для разбѣга.

Далѣе, 1-го августа этого года изъ Лондона должна была выѣхать экспедиція подъ начальствомъ Стаксхуза (Stackhouse) для изученія самой «темной» части антарктическаго материка, лежащаго между З. Греама и З. Короля Эдуарда VII, участка, даже береговая линія котораго еще совершенно не установлена. На кораблѣ «Дисковери» экспедиція должна направиться черезъ Капштадтъ на о-ва Буве, оттуда на южные Сандвичевы и затѣмъ Фальклендскіе о-ва. Отсюда Дисковери отправится на югъ, къ восточному берегу З. Греама, гдѣ будетъ высажено 15 человѣкъ для изученія этой страны, а затѣмъ судно будетъ продолжать путь возможно дальше къ югу, въ глубь моря Уэдделя, чтобы по возможности установить связь между З. Греама и З. Котса. Гдѣ-нибудь между этими участками суши—можетъ быть на южномъ берегу моря Уэдделя—Стаксхузъ думаетъ устроиться на зимнія квартиры и съ весны предпринимать во всѣ стороны санныя экспедиціи для изученія страны. Въ декабрѣ 1915 г. Дисковери тронется опять на сѣверъ, подберетъ партію, зимовавшую на З. Греама, и пойдетъ черезъ Южно-Шетландскіе острова вокругъ З. Греама, на ея западную сторону, а отсюда къ З. Шарко,—крайнему выступу Западной Антарктиды. Здѣсь Стаксхузъ предполагаетъ опять устроиться на зимовку и съ теченіе осени постараться съ помощью санныхъ поѣздокъ выяснить связь между З. Шарко и З. Короля Эдуарда; весной же, съ наступленіемъ благопріятной погоды, онъ думаетъ двинуться

въ большую санную экспедицію, чтобы пройти все пространство между З. Шарко и З. Короля Эдуарда и выдти на берегъ океана къ Китовой бухтѣ (откуда предпринялъ свой походъ къ полюсу Р. Амундсенъ). Сюда же долженъ къ этому времени придти и Дисковери, чтобы забрать экспедицію и привезти ее въ Лондонъ. какъ думаетъ Стаксхузъ къ августу или сентябрю 1917 года. Однако, программа экспедиціи такъ обширна, что врядъ ли удастся выполнить ее въ столь короткій срокъ, но даже если будетъ исполнена хотя половина намѣченнаго,—результаты можно будетъ считать блестящими.

Наконецъ лѣтомъ 1914 г. изъ Тріеста должна была отправиться австрійская антарктическая экспедиція подъ руководствомъ д-ра Кёнига. Судномъ экспедиціи должна была служить «Германія», которой пользовалась германская южнополярная экспедиція Фильхнера и которое теперь переименовано въ «Австрію». Экспедиція предполагала направиться въ море Уэдделя, оставивъ въ Южной Георгіи вспомогательную станцію, которая будетъ находиться въ связи съ судномъ посредствомъ свѣтового телеграфа. Предполагалось высадиться въ морѣ Уэдделя на берегъ Земли Принца-регента Луитпольда, открытой Фильхнеромъ. Здѣсь будетъ устроена зимовка. Отсюда же будетъ совершенъ рядъ санныхъ экспедицій для изслѣдованія окрестностей моря Уэдделя и связи ихъ съ другими частями антарктическаго материка. Главная экспедиція на саняхъ направится къ югу, чтобы сдѣлать попытку добраться до горъ Королевы Модъ, которыя видѣлъ Амундсенъ и которыя, по его предположенію, имѣютъ направленіе на сѣверо-востокъ къ Атлантическому океану. Второй санный отрядъ отправится къ землѣ Греама, чтобы опредѣлить ея связь съ остальной частью западной Антарктиды и, если окажется возможнымъ, пробраться на южное продолженіе Земли Греама. Третій санный отрядъ долженъ попытаться проникнуть къ юго-востоку, въ квадрантъ Эндерби. Продолжительность экспедиціи разсчитана на 2 года. Къ январю 1914 г. изъ предполагаемыхъ 600—700 тысячъ кронъ на расходы по экспедиціи было собрано уже 370 тысячъ. Остальная сумма должна была покрыться добровольными пожертвованіями.

Изъ всѣхъ этихъ начинаній съ несомнѣнностью приведено въ исполненіе одно—экспедиція Э. Шекльтона, который, несмотря на начавшуюся войну-все таки отправился въ антарктическія страны. Какая судьба остальныхъ начинаній, насколько отразилась на нихъ европейская война,—пока совершенно неизвѣстно[1]).

Май. 1915 г.

---

[1]) По имѣющимся въ печати, но еще недостаточно провѣреннымъ свѣдѣніямъ Спаксхузъ утонулъ во время гибели пассажирскаго парохода «Лузитаніи»

инв. 198/пр.

ПК
II 733